

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Новосибирский государственный университет экономики
и управления «НИНХ»

Федеральное казенное образовательное учреждение
высшего образования «Кузбасский институт
Федеральной службы исполнения наказаний»

**V Международный юридический форум
«Право и экономика: национальный опыт
и стратегии развития»**

**БОРЬБА С ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ В СФЕРЕ
ЭКОНОМИКИ: ПРАВОВЫЕ, ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ**

сборник материалов международной
научно-практической конференции,
г. Новосибирск, 26 мая 2023 г.

Новосибирск
Новосибирский государственный
университет экономики
и управления

Новокузнецк
ФКОУ ВО Кузбасский институт
ФСИН России

УДК 343
ББК 67.408
Б84

Ответственный редактор:
кандидат юридических наук, доцент Н. И. Верченко

Б84 Борьба с правонарушениями в сфере экономики: правовые, процессуальные и криминалистические проблемы : сб. мат-лов междунар. научно-практ. конф. (Новосибирск, 26 мая 2023 г.) / Новосибир. гос. ун-т экономики и управления ; Кузбас. ин-т ФСИН России. — Новосибирск : НГУЭУ ; Новокузнецк : Кузбас. ин-т ФСИН России, 2023. — 164 с.

ISBN 978-5-7014-1108-9 (Новосибирский государственный университет экономики и управления)

ISBN 978-5-91246-213-9 (ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России)

В вошедших в сборник материалах представлен широкий спектр вопросов, вынесенных на обсуждение участниками международной научно-практической конференции «Борьба с правонарушениями в сфере экономики: правовые, процессуальные и криминалистические проблемы» (г. Новосибирск, 26 мая 2023 года), проходившей в рамках V Международного юридического форума «Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития».

Для сотрудников правоохранительных органов, преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений юридического и экономического профиля.

УДК 343
ББК 67.408

ISBN 978-5-7014-1108-9	© Авторы статей, 2023
	© Новосибирский государственный университет экономики и управления, 2023
ISBN 978-5-91246-213-9	© ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Берсенев Н. С. Проблема реализации корпоративного управления как элемента правового статуса публичных акционерных обществ.....	5
Валеев М. Х. Следственные ситуации при расследовании и раскрытии преступлений в сфере экономической деятельности.....	9
Вельтмандер А. Т., Каракулов Т. Г. Особенности криминализации и пенализации преступлений, совершенных с использованием цифровых (информационно-коммуникационных) технологий	12
Верченко Н. И., Чамбулова В. Е. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства в зарубежных странах	18
Гумеров Г. Г. Уголовная ответственность как элемент социального управления	23
Дорошенко В. С. О некоторых конструктивных проблемах ст. 215 ³ УК РФ, осложняющих ее применение	27
Иванова Л. В. Механизм уголовно-правового противодействия экономическим преступлениям, совершаемым с использованием информационных технологий	34
Исаев А. А. Проблемы квалификации и правоприменения статьи 184 УК РФ в рамках борьбы с коррупцией в спорте.....	38
Кондраткова Н. В. Вопросы квалификации отдельных преступлений в сфере экономической деятельности.....	45
Коровин Н. К. Элементный состав криминалистической характеристики изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных денег	52
Коточигов Е. Э. Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст. 208 УК России).....	55
Кротова Т. Д. Роль прокуратуры в противодействии коррупции.....	58
Лисов А. В. Сходства и отличия злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий	61
Лю-зайсан О. О. Проблемы исчисления крупного ущерба при незаконном предпринимательстве	64
Маркеев А. И. Правовые проблемы борьбы с правонарушениями в сфере экономики	72
Матвеев И. В. Возможность применения судебного штрафа к должностным преступлениям	79
Метельский П. С. Тенденции развития преступлений против правосудия	84

Морозов М. В. К вопросу о принципах российского уголовного права	90
Нехороших М. Е. Особенности производства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности	94
Никитчук В. С. Уголовно-правовая характеристика получение взятки государственными служащими	100
Прокопьев М. Г. Уголовно-правовые аспекты мошенничества с использованием электронных средств платежа	103
Проскура Е. А. Использование информационно-коммуникационных сетей как признак составов преступлений в сфере экономической деятельности	110
Речкина А. Е., Лямкина Н. И. Корректировка подхода налоговых органов к планированию и проведению выездных налоговых проверок	115
Скаков А. Б. Один из путей обеспечения экономической безопасности — введение уголовной ответственности юридических лиц.....	122
Сопин И. О. Некоторые вопросы квалификации незаконной госпитализации в психиатрический стационар	125
Стукалин В. Б. К вопросу о профессиональном и криминалистическом языке	130
Стукалин И. В. К вопросу о возможностях использования искусственного интеллекта в раскрытии и расследовании преступлений	137
Ульянова В. В. Уголовная ответственность за финансирование диверсионной деятельности: анализ законодательных новелл.....	142
Шаронов А. В. Советская уголовная политика (1964–1982 гг.)	151
Шатохин М. Ю. Вопросы применения положений статьи 158 ¹ УК РФ	157
Халиков И. А. О возможности ограничения межотраслевого усмотрения правоприменителя при выявлении и пресечении правонарушений в отношении исторического и культурного наследия	160

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТА ПРАВОВОГО СТАТУСА ПУБЛИЧНЫХ АКЦИОНЕРНЫХ ОБЩЕСТВ

Н. С. Берсенеv

ООО «Центр корпоративного права»

юрист

nik.bersenev.2000@mail.ru

Аннотация: исследование посвящено балансу прав и законных интересов держателей акций, публичных акционерных обществ и государства.

Ключевые слова: корпоративное управление, публичные акционерные общества.

Abstract: the study is devoted to the balance of rights and legitimate interests of shareholders, public joint stock companies and the state.

Key words: corporate governance, public joint stock companies.

Начавшиеся в конце 80-х начале 90-х годов экономические реформы, поиск путей и способов их реализации — процесс «разгосударствления» и приватизации [1], а также переход к модели рыночной экономики, проблема государственного участия в корпоративном управлении не предвиделась, поскольку упомянутые процессы предполагали полное устранение государственного присутствия в качестве участника из перспективных областей прибыльного функционирования, оставляя за ним лишь роль регулятора с минимальным вмешательством [2].

Однако уже на современном этапе роль государства как участника рыночных отношений сохранилась.

Законодательство об акционерных обществах устанавливает, что члены совета директоров избираются общим собранием акционеров, каждый из которых независим от акционеров и должен действовать исключительно в интересах общества добросовестно и разумно, в противном случае такой член совета директоров может быть привлечен к ответственности за причиненные по его вине убытки обществу.

Однако Постановлением Правительства РФ от 03.12.2004 № 738 установлены особые права РФ как акционера на выдачу обязательных директив членам совета директоров, за избрание которых в его состав РФ проголосовала в качестве акционера. С этой целью в указанном постановлении даже введено понятие представителей интересов РФ в совете директоров [3]. В качестве таких представителей выступают лица, кандидатуры которых были выдвинуты РФ для избрания в состав совета директоров или же заключившие договор о представлении интересов РФ в органах управления общества, акции которых находятся в федеральной собственности.

Сделанное указанным постановлением изъятие основывается на ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества», устанавливающего в качестве основания для применения РФ специального права «золотая акция», необходимость обеспечения обороноспособности

и безопасности, защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан РФ [4], являющегося следствием основания для ограничения гражданских прав, отраженного в ст. 55 Конституции РФ [5], а избрание членов совета директоров, являющихся представителями РФ, носит экстраординарный порядок.

В 2021 году на федеральном портале проектов нормативных правовых актов был размещен проект федерального закона, вносящего изменения в ст. 68 ФЗ «Об акционерных обществах» и закрепляющего представителей интересов РФ, исполняющих обязательные директивы, исходящие от государства как акционера в составе совета директоров не для случаев, урегулированных ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» и Постановлением Правительства РФ от 03.12.2004 № 738, а в любом обществе, в котором РФ является акционером. Также устанавливается, что такой представитель интересов РФ не может быть привлечен к ответственности за действия в связи с принятием решения советом директоров, голосование по которому осуществлялось посредством исполнения директив, исходящих от государства как акционера. В таком случае к ответственности может быть привлечен орган власти, издавший указание. То есть его присутствие в совете директоров становится сугубо номинальным, а за фактическое принятие решений советом директоров голосует акционер в лице РФ путем издания соответствующих директив представителю.

При этом обозначенный подход противоречит законодательству об акционерных обществах ввиду того, что оно не определяет лиц, избранных в состав совета директоров, в качестве представителей проголосовавших за них акционеров, к тому же процедура избрания членов совета директоров путем голосования на общем собрании акционеров не позволяет считать их представителями, а акционеров представляемыми в гражданско-правовом смысле.

В российской цивилистической доктрине выделяют две концепции представительства, одна из которых — концепция правоотношения. Концепция правоотношения исходит из того, что в представительстве усматривается особое правоотношение, складывающееся между представителем и представляемым, в силу которого юридически значимые действия, совершаемые представителем в пределах предоставленных полномочий, порождают, изменяют или прекращают права и обязанности для представляемого [6].

К тому же гражданским законодательством и законодательством об акционерных обществах указывается на обязанность членов совета директоров действовать только в интересах общества [7]. Также Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда от 30.07.2013 № 62 в п. 2 недвусмысленно указывается, что член коллегиального органа управления не признается действовавшим в интересах общества, если его дей-

ствия были направлены в интересах одного или нескольких его акционеров, но в ущерб обществу [8].

Принятие такого изменения в ФЗ «Об акционерных обществах» приведет к нарушению принципа равного отношения к акционерам, интересы которых начнут приниматься во внимание в разной степени, а задача, возложенная на совет директоров, обеспечивать баланс, удовлетворяющий интересы и акционеров, и общества, в целом не будет достигнута.

В зарубежной доктрине соглашения членов совета директоров и акционеров о выполнении распоряжений по вопросам, относящимся к принятию решений на голосовании, также признаются противоречащими закону. Аргументируется такое противоречие, во-первых, нарушением соглашением разграничение компетенций общего собрания акционеров и совета директоров, поскольку первые в таком случае формируют волю и определяют позицию совета директоров. Во-вторых, нарушением обязанности, установленной законом действовать в интересах общества, тогда как позиция члена совета директоров должна основываться исходя из его независимых суждений о возможностях достижения интересов общества. В-третьих, в случае заключения такого соглашения и возникающего вследствие этого правоотношения представительства, отдавать директивы представителям правомочен только представляемый, то есть само общество в лице общего собрания его акционеров, в свою очередь указания действовать определенным образом от одного или группы акционеров приводило бы к подмене представляемого лица [9].

Такое положение государства противоречит принципу *par in parem non habet imperium*, так как, вступая в частноправовые отношения, оно не должно проявлять властные полномочия, извлекая из этого определенные преимущества, если это не вызвано необходимостью эффективного отправления публичной власти, как в случае с применением исключительного права «золотая акция».

Для решения данной проблемы, риск возникновения которой поставлен в зависимость от принятия федерального закона, вносящего изменения в ст. 68 ФЗ «Об акционерных обществах», законодателю следовало бы воздержаться от принятия соответствующих поправок и сохранить существующий подход, при котором члены совета директоров независимы от акционеров и в первую очередь при принятии решений руководствуются интересами общества и несут ответственность в случае причинения убытков обществу своими виновными действиями.

Литература

1. Брагинский, М. И. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. — 5-е изд., стер. — Москва : Статут, 2011. — 682 с.

2. Макарова, О.А. Акционерные общества с государственным участием. Проблемы корпоративного управления: моногр. / О.А. Макарова. — Москва: Издательство Юрайт, 2022. — 211 с.
3. Об управлении находившимися в федеральной собственности акциями акционерных обществ и использования специального права на участие Российской Федерации в управлении акционерными обществами («золотой акции») : Постановление Правительства Российской Федерации от 31 марта 2004 г. № 738 [ред. от 8 апр. 2022 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2004. — № 14. — Ст. 2098.
4. О приватизации государственного и муниципального имущества: Федер. закон от 21 дек. 2001 г. № 178-ФЗ : принят Гос. Думой 30 нояб. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : [ред. от 2 июля 2021 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 4 — Ст. 251.
5. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законом Рос. Федерации о поправке к Конституции Рос. Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 4. — Ст. 445.
6. Егоров, А.В. Представительство: исследование судебной практики / А.В. Егоров, Е.А. Папченкова, А.М. Ширвиндт. — Москва: Статут, 2017. — 383 с.
7. Степанов, Д.И. Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике / Д.И. Степанов, Ю.С. Михальчук. — Москва: Статут, 2018. — 207 с.
8. О некоторых вопросах возмещения убытков лицам, входящими в состав органов управления юридического лица : Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июля 2013 г. № 62 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. — 2013. — № 3.
9. Martinez Rosado J. Los pactos parasociales / Rosado J. Martinez Madrid, 2017. — 434 p.

СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ И РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

М. Х. Валеев

Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия
(Академия ВЭГУ)
заведующий кафедрой права,
кандидат юридических наук, доцент
Valeev@vegu.ru

Аннотация: в статье рассматриваются типичные следственные ситуации, складывающиеся в ходе расследования и раскрытия преступлений в сфере экономической деятельности.

Ключевые слова: расследование, следственные ситуации, раскрытие, планирование, преступления.

Abstract: the article deals with typical investigative situations that develop during the investigation and disclosure of crimes in the field of economic activity.

Key words: investigation, investigative situations, disclosure, planning, crimes.

Методика расследования и раскрытия преступлений в сфере экономической деятельности во многом зависит от непосредственного объекта посягательства. Их можно разделить на три группы:

- 1) посягающие на законную предпринимательскую деятельность
- 2) посягающие на государственную монополию в сфере экономической деятельности
- 3) таможенные и налоговые [1].

Следственные ситуации, складывающиеся на первоначальном и последующих этапах расследования таких посягательств, на наш взгляд, значительно отличаются и имеют свои особенности. При этом с большей степенью абстрагирования можно выделить и так называемые типовые ситуации, присущие всем трем выше приведенным группам посягательств в сфере экономической деятельности. Однако представляется, что практическая значимость таких ситуаций для выдвижения следственных версий и планирования расследования незначительна.

В криминалистической литературе достаточно подробно рассмотрены теоретические вопросы понятия, содержания и значения следственных ситуаций [2].

В связи с этим, не погружаясь в указанные проблемы, попытаемся определить и предложить на обсуждение специфические черты следственных ситуаций, складывающихся на первоначальном этапе расследования преступлений в сфере экономики в зависимости от непосредственного объекта посягательства.

Необходимо отметить, что подавляющее большинство преступлений в сфере экономической деятельности во многом связано с оформлением множества официальных документов, в том числе финансовых и бухгал-

терских в различных государственных и иных организациях и учреждениях.

Соответственно, следы посягательств на непосредственный объект находят свое отражение не только в виде материально оформленных документов, но и в виде видео и аудиозаписей, показаний очевидцев и свидетелей.

Указанные обстоятельства означают, что рассматриваемые посягательства совершаются в условиях очевидности и установление круга подозреваемых лиц в такой следственной ситуации по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности не представляет особой сложности.

Выявление рассматриваемых преступлений в основном происходит в ходе различных проверок, в результате контрольно-надзорных мероприятий, при рассмотрении поступивших жалоб и заявлений от заинтересованных лиц и т. д.

Непосредственный объект преступлений в сфере экономической деятельности при этом указывает на специфику, направление деятельности учреждений и организаций (предпринимательство, банковская деятельность, налогообложение, таможенное дело и т. п.) что позволяет конкретизировать общие следственные ситуации в целом на более частные, учитывающие указанную специфику.

Например, при задержании перевозчика на таможенном посту с запрещенными предметами в тайнике может сложиться следственная ситуация, при которой преступление считается совершенным в условиях неочевидности, если перевозчика виновные использовали без его ведома.

Следственные ситуации по делам о преступлениях в сфере экономики можно определить не только в зависимости от объекта посягательства, но и по другим основаниям, с учетом того, какие условия мы в его содержание включаем и каково их значение для расследования и раскрытия преступления.

Как уже отмечалось выше, если признаки преступления в сфере экономики выявляются в результате контрольно-надзорных мероприятий, камеральных и иных проверок, как правило, складывается благоприятная для расследования следственная ситуация.

Она характеризуется тем, что на стадии возбуждения уголовного дела и первоначального этапа его расследования имеются сведения (в том числе и документально подтвержденные) о признаках конкретного состава преступления (включая время, место и способ его совершения), а также о личности лица, его совершившего. Это является основанием для выдвижения типичных версий и планированию дальнейшего расследования и раскрытия общественно-опасного деяния.

Более сложная для расследования складывается ситуация, когда имеются признаки состава преступления в сфере экономики (например, обнаружение при инкассации поддельных денежных знаков, незаконное

получение кредита по фиктивным документам и т. п.), но отсутствуют данные о личности преступника или его соучастников.

В такой ситуации в первую очередь выдвигаются и проверяются версии, направленные на установление лица (лиц) совершивших преступление.

Рассмотренная следственная ситуация может измениться в более благоприятную сторону, если наряду с преступлениями в сфере экономики по совокупности совершено иное общественно опасное деяние, например, приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем.

Непростой является и следственная ситуация при совершении преступлений в сфере экономики, непосредственным объектом которых являются отношения в сфере предпринимательской деятельности, в отличие от посягательств на отношения связанные с государственной монополией, налогообложением и таможней.

Связано это с тем, что гражданское законодательство провозглашает принцип свободы договора и предпринимательской деятельности, разрешено все, что не запрещено законом. Это проявляется в большом разнообразии экономических отношений между субъектами предпринимательства, следовательно, большим количеством разнообразных сделок между ними и свободной формой их оформления (за редким исключением, когда ГК РФ предписывает некоторые обязательные требования).

В такой ситуации для установления признаков состава преступления и обоснованного принятия решения о возбуждении (отказа в возбуждении) уголовного дела необходимо использование специальных знаний специалистов и экспертов, что занимает длительное время и предполагает очень большой объем исследований в сфере экономики, бухгалтерского учета, аудита, налогообложения и пр.

Роль типичных следственных ситуаций, складывающихся при расследовании и раскрытии преступлений в сфере экономики трудно переоценить.

Во-первых, УК РФ насчитывает около шести десятков самых разнообразных преступных посягательств на указанные общественные отношения, следовательно, ситуации, складывающиеся по каждому из указанных преступлений нуждаются в определенном обобщении, типизации.

Во-вторых, как уже в начале статьи, критерием для типизации следственных ситуаций, складывающихся при расследовании и раскрытии преступлений в сфере экономики, предлагаем считать непосредственный объект рассматриваемой категории преступлений.

В-третьих, такая классификация позволит в методике расследования преступлений в сфере экономики более детально разработать комплекс следственных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий для каждой типичной следственной ситуации с учетом непосредственного

объекта посягательства, который часто выступает связующим элементом других элементов и признаков состава преступления.

В данной статье мы предприняли попытку рассмотреть только часть большого раздела — учения о следственных ситуациях в криминалистике и предложить для дискуссии свое видение взаимосвязи такой категории уголовного права как непосредственный объект преступления и его влияние на некоторые моменты криминалистической деятельности.

Литература

1. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник. 2-е издание, исправленное и дополненное / Под ред. В.П. Ревина. — М.: "Юстицинформ", 2009. 580 с.
2. См.: Драпкин Л.Я. Основы криминалистической теории следственных ситуаций: дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1987. 440 с., Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности: материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности», посвященной 10-летию научной школы криминалистической ситуалогии / под ред. Т.С. Волчецкой; БФУ им. И. Канта. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. 450 с. и др.

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ПЕНАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ (ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ) ТЕХНОЛОГИЙ

А. Т. Вельтмандер

Зырянский районный суд Томской области
председатель суда
кандидат юридических наук
a.welt@yandex.ru

Т. Г. Каракулов

Чаинский районный суд Томской области
председатель суда
timofeykarakulov@yandex.ru

Аннотация: предметом исследования являются особенности криминализации и пенализации деяний, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Ключевые слова: преступление; общественная опасность; пенализация; цифровые технологии.

Abstract: the subject of the study is the features of criminalization and penalization of acts committed using information and communication technologies.

Key words: crime; public danger; theory of penalization, digital technologies.

Значение информационно-коммуникационных технологий в современном обществе трудно переоценить. Право, как неизменный элемент общественной жизни, ни в меньшей степени подвержено влиянию цифровизации и во многом вынуждено следовать за вновь формирующимися общественными отношениями.

Термин «цифровизация» и его синонимы (цифровая трансформация, виртуализация), первоначально использовавшиеся применительно к экономическим преобразованиям, сегодня, став общеупотребимыми и в науке управления, и уголовном процессе, и при определении направлений развития уголовно-исполнительной системы, уже привычны для ученых-юристов. Цифровизация как сам процесс и результат такого процесса, как правило, указывает на позитивное развитие соответствующих правоотношений, не отстающих от «технологической» повестки дня [3, с.53-54].

Именно эволюция общественных отношений, обусловленная появлением новых областей человеческой деятельности (информационной, компьютерной), и применением достижений по данным направлениям в криминальных целях, потребовала введения в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее также УК РФ) самостоятельной главы — «Преступления в сфере компьютерной информации» [2, с.14].

Наряду с этим, для приведения в соответствие с социальными изменениями информационно-коммуникационной сферы общественной жизни были внесены дополнения и в иные статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (в первую очередь касающиеся квалифицирующих признаков составов отдельных преступлений).

Указанное свидетельствует о трансформации уголовной политики, которая объективирует направления по применению государством мер уголовной ответственности в целях борьбы с преступными деяниями, совершаемыми в новых формах.

Полагаем наиболее обоснованным понимание криминализации как процесса и результата признания в уголовном законе общественно опасного деяния уголовно наказуемым [6, с. 9-10]. Соответственно общественно-опасные деяния, совершаемые с использованием цифровых (информационно-телекоммуникационных) технологий и их признаки должны быть проанализированы на предмет необходимости установления нового уголовно-правового запрета (запретов) либо содержательного изменения уже существующего (существующих).

Коль скоро основными для науки уголовного права категориями являются преступление, и наказание, то наряду с вопросами о признании деяния общественно-опасным (дейнджеризации) [7, с.65] и его криминализации (при наличии необходимых и достаточных социально-криминологических оснований), проблемой столь же важной является

вопрос о пенализации преступлений, совершаемых с использованием цифровых (информационно-телекоммуникационных) технологий.

Пенализация определяется как деятельность законодателя по установлению (закреплению) в уголовном законе тех или иных видов наказаний за предусмотренные им конкретные преступные деяния [1, с. 29; 7, с.63-64; 8, с.128].

Оценивая адекватность государственно-принудительного воздействия на преступника в связи с таким уголовно-противоправным поведением можно говорить о наличии либо отсутствии необходимости изменения существующего уровня пенализации — отраженной в уголовном законе величине уголовной репрессии [1. С. 33-38, 47-48].

Как уже отмечалось криминализация и пенализация [5] должны быть обусловлены социальными и криминологическими обстоятельствами.

Традиционно в юридической литературе под основанием криминализации деяния понимается необходимость в установлении новой уголовно-правовой нормы, продиктованная общественной опасностью деяния (его характером и степенью). Как правило, по аналогии с этим определяется и основание пенализации.

Содержание характера и степени общественной опасности преступления нашло свое отражение в пункте 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». Характер общественной опасности преступления зависит от признаков состава преступления и в первую очередь от направленности деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред. Степень общественной опасности преступления зависит от конкретных обстоятельств содеянного (от способа совершения преступления, характера и размера последствий, от вида умысла либо неосторожности). Также при определении степени общественной опасности преступления учитываются обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание (статьи 61 и 63 Уголовного кодекса Российской Федерации), относящиеся к совершенному преступлению,

При этом к наиболее общим критериям, влияющим на криминализацию и пенализацию деяния, можно отнести: распространенность деяния; увеличение значимости преступных последствий (вреда, ущерба) с учетом социально-экономических особенностей развития общества на историческом этапе; последовательная направленность лиц на совершение однородных проступков (административная преюдиция).

Для понимания особенностей криминализации и пенализации преступлений, совершенных с использованием цифровых (информационно-коммуникационных) технологий, в первую очередь необходимо обратиться к осмыслению неоднородности этих преступлений, которая находит свое объективное отражение в уголовном законодательстве.

В наиболее общем виде преступления, связанные с использованием цифровых (информационно-коммуникационных) технологий, можно разделить на две основные группы.

В первую группу входят преступления в сфере компьютерной информации, то есть преступления предметом которых является информация и информационные системы.

Указанные преступления закреплены в главе 28 Уголовного кодекса Российской Федерации, к ним действующим законодательством отнесены:

1. Статья 272 Уголовного кодекса Российской Федерации (Неправомерный доступ к компьютерной информации);

2. Статья 273 Уголовного кодекса Российской Федерации (Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ);

3. Статья 274 Уголовного кодекса Российской Федерации (Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей);

4. Статья 274.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации).

5. Статья 274.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (Нарушение правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сети связи общего пользования).

Вторую группу составляют преступления, квалифицирующим признаком которых является их совершение с использованием цифровых технологий:

1. Преступления против государственной власти, мира и безопасности человечества (а именно части и пункты с указанным квалифицирующим признаком в статьях 280, 282, 280.4, 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации).

2. Преступления против личности (а именно части и пункты с указанным квалифицирующим признаком в статьях 110, 110.2, 133, 128.1, 151.2 Уголовного кодекса Российской Федерации).

3. Преступления против общественного порядка и безопасности (а именно части и пункты с указанным квалифицирующим признаком в статьях 205.2, 222.1, 222, 222.2, 230, 228.1, 238.1, 242.2, 242, 258.1, 274.1, 274.2 Уголовного кодекса Российской Федерации).

4. Экономические преступления (а именно части и пункты с указанным квалифицирующим признаком в статьях 158, 159, 171.2, 185.3 Уголовного кодекса Российской Федерации).

В подавляющем большинстве случаев наличие указанного квалифицирующего признака деяния отражает не только рост числа соответствующих деяний, но и объективное состояние общественной жизни, при котором «цифровизация реальности» становится неотъемлемым ее элементом [2, с.15].

Вместе с тем анализ правоприменения показывает, что не во всех случаях само по себе увеличение числа деяний, должно являться безусловным основанием для установления (констатации) роста их общественной опасности и, как следствие, криминализации деяния или его пенализации (в том числе отнесения преступления к категории более тяжких).

Наиболее очевидным примером в этом случае является закрепление в действующем уголовном законодательстве п. г ч.3 ст.158 УК РФ (кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств), когда хищение, как правило, незначительных денежных сумм образует состав тяжкого преступления [2, с.15-16].

Наряду с этим не вызывает сомнений, что в некоторых случаях рост общественной опасности отдельных деяний непосредственно связан со способом их совершения (с использованием информационно-коммуникационных технологий).

В частности, совершение незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), безусловно, упрощает совершение деяния, делает возможным реализацию наркотических средств массовой.

В некоторых случаях использование информационно-коммуникационных технологий обеспечивает возможность реализации публично-го характера распространения информации.

На это, например, указано в Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2, согласно которому публичный характер распространения заведомо ложной информации может проявляться в использовании для этого средств массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе мессенджеров и других. Распространение может быть также выражено в «размещении лицом в сети «Интернет» или иной информационно-телекоммуникационной сети, на своей странице или на странице других пользователей материала, содержащего ложную информацию (например, видео-, аудио-, графического или текстового), созданного им самим или другим лицом (в том числе так называемый репост)».

Резюмируя, отметим, что в случае явного увеличения общественной опасности отдельных преступлений, способ совершения которых непо-

средственно связан с использованием информационно-коммуникационных технологий, они могут быть криминализированы с установлением уголовной наказуемости за их совершение. Это сделает возможным проявление адекватной и решительной реакции государства на соответствующее преступное поведение, связанной с назначением за содеянное справедливого наказания [4, с.95].

Появление преступлений, совершаемых с использованием цифровых (информационно-телекоммуникационных) технологий, нередко новых только по способу совершения, но не отличающихся от иных преступлений по характеру и степени общественной опасности, по нашему мнению, само по себе не является достаточным основанием криминализации или пенализации (изменению ее уровня) [3, с.57] без учета иных, заслуживающих внимания обстоятельств.

Литература

1. Валеев, М.Т. Свойства уголовного наказания в свете теории пенализации / Под. ред. В.А. Уткина. — Томск: Изд-во НТЛ, 2006. — 168 с.
2. Вельтмандер, А.Т. Общественная опасность преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных (цифровых) технологий / А. Т. Вельтмандер // Уголовная политика в условиях цифровой трансформации : сборник статей материалов II Всероссийской научно-практической конференции, Казань, 27 апреля 2023 года. Отв. ред. М.А. Ефремова — Казань: Отечество, 2023. — С. 11-16.
3. Каракулов, Т.Г. К вопросу о допустимости лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград за киберпреступления / Т. Г. Каракулов// Уголовная политика в условиях цифровой трансформации : сборник статей материалов II Всероссийской научно-практической конференции, Казань, 27 апреля 2023 года. Отв. ред. М.А. Ефремова — Казань: Отечество, 2023. — С. 52-59.
4. Каракулов Т.Г. Обстоятельства, учитываемые при назначении наказания в виде лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград/ Каракулов Т.Г. // сб. ст. по итогам Всерос. науч.-практ. конф. «Правовые проблемы укрепления российской государственности» / ред. О.И. Андреева, А.С. Князьков, Н.В. Ольховик, Л.М. Прокументов, М.К. Свиридов, В.А. Уткин. — Томск : Издательство Томского государственного университета, 2022. — Ч. 92. С. 94-95.
5. Каракулов Т.Г. Социально-криминологическая обусловленность наказания в виде лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград / Т.Г. Каракулов // Всероссийская научно-практическая конференция «Iustitia — fundamentum regni / Правосудие — основа государства», посвященная

- 100-летию Верховного Суда Российской Федерации: сб. тезисов докладов — Томск : Дельта-план, 2022. — С. 71-74.
6. Прокументов, Л.М. Криминализация и декриминализация деяний. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. — 142 с.
7. Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний : курс лекций. — Томск : Издательский Дом Томского государственного университета. 2018. — 240 с.
8. Уткин В.А. Факторы пенализации и международное уголовное право / В. А. Уткин // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2015. — № 2(16). — С. 128-137.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДОВЕДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Н. И. Верченко

Новосибирский государственный университет экономики и управления
доцент кафедры уголовного права и национальной безопасности
кандидат юридических наук, доцент
n.verchenko@yandex.ru

В. Е. Чамбулова

Новосибирский государственный университет экономики и управления
магистрант кафедры уголовного права и национальной
безопасности
chambulova@bk.ru

Аннотация: действия, связанные с доведением до самоубийства или покушением на него, криминализированы уголовным законодательством практически всех государств мира. Сравнительное исследование законодательства любого современного государства позволяет проследить и выявить существующие особенности уголовно-правовой ответственности за какое-либо общественное опасное деяние провоцирующее самоубийство с учетом национальных традиций, религии, культуры и обычаев страны. В праве зарубежных стран под действие уголовного закона подпадает не только доведение лица до самоубийства или до покушения на него, как в российском праве, а также подстрекательство, помощь, содействие самоубийству. Методологическую основу исследования составил сравнительный анализ зарубежного законодательства, предусматривающего уголовную ответственность за доведение до самоубийства.

Ключевые слова: суицид, самоубийство, доведение до самоубийства, уголовная ответственность, международное законодательство

Abstract: actions related to suicide or attempted suicide are criminalized in one form or another by the criminal legislation of all States of the world. A comparative study of the national legislation of any modern state makes it possible to trace and identify the existing features of criminal liability for any socially dangerous act and actually for suicide and assistance in it, taking into account national traditions, religion, culture and customs of the country. In the law of foreign countries, the criminal law covers not only bringing a person to suicide or to an attempt on him, as in Russian law, but also incitement, assistance, assis-

tance to suicide. The methodological basis of the study was a comparative analysis of foreign legislation providing for criminal liability for driving to suicide.

Key words: suicide, suicide, incitement to suicide, criminal liability, international legislation.

Самоубийство — это смерть, вызванная нанесением себе телесных повреждений с намерением умереть. Под попыткой самоубийства в контексте данного исследования понимается причинение себе вреда с намерением лишения жизни, но не доведение своих действий до указанной цели. Ежегодно от самоубийств умирает почти миллион человек, 86% из которых проживает в странах с низким/средним уровнем дохода. Самоубийство входит в тройку основных причин смерти молодых людей в возрасте до 25 лет, и на него приходится 10-20% смертей женщин в возрасте до одного года после родов [3].

В литературе выделяются факторы, которые могут увеличить риск суицида. Большая часть этих факторов связана с травмами и насилием. Например, люди, подвергшиеся насилию, в том числе жестокому обращению в малолетнем возрасте, травле, издевательствам или сексуальному насилию, более склонны к самоубийству. А связь и поддержка семьи, близких, сочувствующего сообщества и доступ к медицинскому обслуживанию, психологической помощи могут уменьшить суицидальные мысли и поведение [1, с. 108].

В Российской Федерации доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство карается законом. Само самоубийство в России, как и во многих других зарубежных странах, не наказуемо. Но в ряде таких стран, как Индия, Сингапур, Нигерия, Судан и Бруней, самоубийство наказывается штрафом, либо лишением свободы. Данная ответственность парадоксальна. Изучая практику применения к лицам ответственности в подобных случаях, суды назначают штрафы семьям лиц, совершивших самоубийство. Видится, что юридически не верно, вменять ответственность лицам, которые никак не причастны к самоубийству. Если человек сам решил лишить себя жизни, при отсутствии физических, психических угроз и насилия, то его близких не должны привлекать к ответственности за это.

Самоубийство является серьезной проблемой общественного здравоохранения и в других государствах.

В США при отсутствии единого кодифицированного законодательства в штатах и в федеральном округе Колумбия действуют свои автономные законодательные системы. Самоубийство является одной из основных причин смерти в Соединенных Штатах. Судя по последним данным о смертности, число самоубийств в некоторых группах населения растет. При анализе уголовного законодательства в некоторых штатах можно увидеть противоречие в нормах [4].

Уголовная ответственность за доведение до самоубийства в США закреплена в Примерном Уголовном кодексе США. Кодекс не является прямым источником права, но имеет определенную юридическую силу

[9, с. 97]. Статьей 210.5 закрепляется, что «лицо может быть осуждено за преступное убийство человека в связи с доведением другого лица до самоубийства только в том случае, если оно умышленно доводит другое лицо до такого самоубийства, применяя насилие, физическое принуждение или обман» [7, с. 274]. В отличие от российского законодательства здесь мы видим, что доведение квалифицируется как убийство, тем самым подчеркивается степень общественной опасности содеянного, также в диспозиции перечисляются способы совершения преступления.

При рассмотрении этих дел суды исследуют несколько вопросов:

- совершил ли человек самоубийство в результате действия или бездействия подсудимого;
- кто-то знал или должен был знать, что покойный был склонен к самоубийству;
- есть ли другие факторы, которые могли сыграть роль в самоубийстве;
- сколько времени прошло после противоправного действия до наступления смерти.

В Соединенных Штатах Америки многие семьи, чьи дети (школьники, студенты) совершили самоубийство из-за издевательств в учебном заведении, распространения каких-то видео или фото, угроз, добиваются от виновных моральной компенсации.

Также, предусмотрена ответственность за пособничество и подстрекательство в самоубийстве и покушении на него.

Помимо этого, в Америке часто предъявляют иски больницам и врачам-психиатрам за самоубийство их пациентов. В случаях причинения себе телесных повреждений стационарными пациентами, у которых была установлена склонность к суициду, несет ответственность больница. После самоубийства пациента психиатры и медицинские учреждения могут стать объектами судебных исков с обвинениями в ненадлежащем анамнезе, неспособности предвидеть возможность суицидального поведения, неспособности адекватно наблюдать за суицидальным пациентом или невыполнении обязанности защищать от самоповреждений. Больница может быть привлечена к ответственности, если не соблюдаются адекватные стандарты защиты; однако, если были предприняты разумные шаги для оценки и наблюдения за суицидальным пациентом, больница, как правило, не несет ответственности.

В Великобритании действует Закон о самоубийстве 1961 года, согласно которому, если лицо совершает действие, способное побудить или способствовать самоубийству, или попытке самоубийства другого лица, и это действие было направлено на поощрение или содействие самоубийству, или попытке самоубийства, то такое лицо подлежит ответственности. Случаи привлечения к ответственности по подобным делам требуют согласия Генерального прокурора.

Поощрение или помощь в самоубийстве влечет за собой максимальное наказание в виде 14 лет лишения свободы, что тоже свидетельствует о высокой общественной опасности деяния.

В уголовном законодательстве Южной Америки применяется европейский подход, уголовная ответственность наступает за подстрекательство к суициду [8].

В европейских странах преступлением признается не само доведение, а склонение и подстрекательство. В Австрии, Дании, Швейцарии, Голландии преступным признается склонение, пособничество и оказание помощи в самоубийстве вследствие сострадания к потерпевшему. При этом наказание за склонение и оказание помощи существенно различается, так, в уголовном законе Турции наказание от 3 до 10 лет тюрьмы, а в Австрии от 6 месяцев до 5 лет лишения свободы. В Швейцарии преступными признается доведение при наличии корыстного мотива и наказывается от штрафа до тюремного заключения [5, 10].

В законодательстве Аргентины предусмотрена уголовная ответственность с наказанием лишением свободы на срок от одного года до четырех лет тюремного заключения за подстрекательство другого к совершению самоубийства или оказание содействия в совершении самоубийства. Наказание назначается как в случае доведенной до конца, так и в случае неоконченной попытки самоубийства [6].

Ежегодно, в Японии умирает около 30 000 человек, из которых более половины путем самоубийства. В Японии выделяют несколько факторов способствующих совершению самоубийства, такие как, сильный стресс от работы, культура харакири, договоры о самоубийстве группами, которые заключаются в интернете и так далее. Парадоксально то, что многие японцы достаточно спокойно относятся к самоубийствам, но согласно Уголовному кодексу Японии, «доведение до самоубийства (акт преднамеренного самоубийства)», «помощь в самоубийстве», «убийство по заказу» и «убийство по обоюдному согласию» являются незаконными. В Японии также актуален вопрос о привлечении медицинских работников к уголовной ответственности за «помощь в самоубийстве» при обращении граждан за добровольной эвтаназией [2]. Большинство граждан считают, что необходимо разработать закон, в котором будет закреплено освобождение медицинских работников, оказывающих добровольную эвтаназию пациенту, от уголовной ответственности. Закон должен включать уважение права пациента на самоопределение, право на отказ от нежелательного лечения, включая прекращение поддерживающего жизнь лечения, право на подготовку юридически обязывающих предварительных распоряжений и право на отказ от подготовки таких распоряжений, и доступ к медицинскому обслуживанию, застрахованному на национальном уровне, включая качественную паллиативную помощь.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что в законодательстве зарубежных стран накоплен определенный опыт регламентации

ответственности за доведение до самоубийства. При этом прослеживаются различия в конструкции исследуемых составов преступления, а также в субъективной стороне преступления, что является актуальным и для российского законодательства и вызывает дискуссии ученых в течение многих лет.

Литература

1. Абдухамитов В. А., Абдуллаева Р. А. Понятие и признаки доведения до самоубийства в уголовных законодательствах Республики Таджикистан и зарубежных государств // Юридический вестник. 2020. № 2 (2). С. 105-110.
2. Глазкова Л. В., Шамбилова А. М. Объективная сторона доведения до самоубийства или покушения на него // Бюллетень науки и практики. 2016. № 11 (12). С. 370-377.
3. Коняева А. А. Суицид подростков. Факторы риска и защиты. В сборнике: Современная наука: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. науч. статей XXVII Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Пенза, 2022. С. 103-105.
4. Милаева М. Ю. Проблемы уголовной ответственности за доведение до самоубийства // E-Scio. 2022. № 10 (73). С. 532-541.
5. Сейфетдинов Р. К. Объект и предмет доведения до самоубийства // Криминологический журнал. 2022. № 3. С. 154-158.
6. Уголовный кодекс Аргентины. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс». 2003. 240 с.
7. Уголовный кодекс США / под ред. Никифорова Б. С.; Пер.: Никифоров А. С. М.: Прогресс, 1969. 303 с.
8. Хатуев В. Б. Уголовная ответственность за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства по законодательству зарубежных государств // Государство и право. 2019. № 7. С. 107-122.
9. Ястребов А.В. Особенности уголовной ответственности за преступную причастность к самоубийству в зарубежном уголовном законодательстве // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2018. № 2 (26). С. 93-98.
10. Светлакова К.А. Доведение до самоубийства: проблемы квалификации // Теория права и межгосударственных отношений. 2022. Т. 1. № 9 (21). С. 133-138.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Г. Г. Гумеров

Новосибирский государственный университет экономики и управления
старший преподаватель кафедры уголовного права и национальной
безопасности
ggumerov@yandex.ru

Аннотация: статья посвящена одному из базовых понятий уголовного права — уголовной ответственности. Анализируется правовое содержание этого понятия, значение его толкования в рамках правоприменительной деятельности и связанные с этим проблемы. Предпринята попытка выйти за рамки традиционных представлений об этом понятии, расширив его до составляющей государственного управления.

Ключевые слова: уголовная ответственность, социальное управление, преступление, наказание, эффективность.

Abstract: the article is devoted to one of the basic concepts of criminal law — criminal liability. The legal content of this concept, the meaning of its interpretation in the framework of law enforcement and related problems are analyzed. An attempt was made to go beyond the traditional ideas about this concept, expanding it to a component of public administration.

Key words: criminal liability, social management, crime, punishment, efficiency.

Термин «ответственность» достаточно широко используется как при доктринальном, так и при легальном толковании норм права несмотря на то, что это понятие нормативно нигде не закреплено и вызывает неоднозначную интерпретацию у различных авторов. Не является исключением и уголовная ответственность, которая относится к фундаментальным понятиям уголовного права, но очень часто воспринимается упрощенно, как нечто само собой разумеющееся. Так, например, считается достаточным считать, что уголовная ответственность — это все меры уголовно-правового воздействия, применяемые к лицу, совершившему преступление [6, с.78]. Близкое этому понятие уголовной ответственности содержится в Большом юридическом словаре: «Уголовная ответственность — один из видов ответственности юридической; правовое последствие совершения преступления, заключающееся в применении к виновному государственного принуждения в форме наказания» [1, с.713]. В.Н. Кудрявцев определяет уголовную ответственность как реакцию государства на совершение преступления, выражающуюся в осуждении преступного поведения лица государством и принудительном ограничении или лишении прав виновного лица, осуществляемом в рамках уголовного правоотношения [2, с.479-480]. Нетрудно видеть, что упрощенные дефиниции этого сложного социально-правового последствия совершения преступления практически размывают грань с наказанием, несмотря на то что для любого юриста очевидно, что наказание является лишь одной из форм реализации уголовной ответственности. Однако, это упрощение повлекло за собой широко распространенное заблуждение в обществе о наличии в

уголовном праве так называемого принципа неотвратимости уголовного наказания вместо неотвратимости уголовной ответственности. При этом неотвратимость последней, конечно, должна быть. Именно неотвратимость ответственности выражает неразрывную связь юридической ответственности с правонарушением [8, с.95].

При более детальном рассмотрении понятия «уголовная ответственность» обнаруживается существенно более широкое его смысловое наполнение, исключающее синонимичное употребление с понятием «наказание». Так, А.И. Рарог включает в это понятие уже четыре элемента:

1. Основанную на нормах уголовного закона и вытекающую из факта совершения преступления обязанность лица дать отчет в содеянном перед государством в лице его уполномоченных органов.

2. Выраженную в судебном приговоре отрицательную оценку (осуждение, признание преступным) совершенного деяния и порицание (выражение упрека) лица, совершившего это деяние.

3. Назначенное виновному наказание или иная мера уголовно-правового характера.

4. Судимость как специфическое правовое последствие осуждения с отбыванием назначенного наказания [3, с.47].

Нетрудно заметить, что здесь три элемента, определяющих природу уголовной ответственности непосредственно не связаны с наказанием, что уже исключает их отождествление. Кроме того, здесь уже наглядно прослеживается семантическая связь рассматриваемого понятия: ответственность потому так и называется, что у преступника возникает обязанность дать ответ перед государством за содеянное, но при этом государство не обязано применять репрессивные меры, т.к. это не является самоцелью. Конечная цель применения этого правового инструмента — урегулирование общественных отношений, т. е. социальное управление. Основой социального управления и в то же время одной из составляющей системы управления обществом со времен образования государства выступало право в качестве основного инструмента правового регулирования с помощью законов. Для социального управления характерны такие признаки, как наличие цели и ориентиров на ее достижение, а также решение практических задач и обязательно связь со всей информацией, которую можно получить посредством управленческих задач [9]. При этом, если говорить о государственном регулировании, которое характерно в уголовно-правовой сфере, то это, прежде всего, регулирование властное, политическое, которое имеет в основе правовую обусловленность, а в реализации — силу государственного аппарата, обладающего средствами принуждения. Принуждение, как признак уголовной ответственности, выражается в форме властного приказа, состоит в его реализации и создании условий, обеспечивающих должное поведение правонарушителей. Говоря о связи уголовной ответственности с государствен-

ным принуждением, необходимо отметить, что уголовная ответственность есть средство принуждения граждан к соблюдению требований норм уголовного права. Реальное привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление, или угроза такого привлечения для способных совершить преступление принудительно обеспечивают предупреждение преступлений [4, с.45]. Несомненно, что уголовная ответственность является одной из форм социального контроля, который призван регулировать поведение людей в целях охраны общественного порядка и воспитания граждан в духе уважительного отношения к правам и интересам других лиц, обществу и государству [2, с.474]. Из вышесказанного уже видно, что понятие уголовная ответственность по своему правовому содержанию принципиально отличается от уголовного наказания и гораздо ближе к понятию социального регулирования. Однако, в последнее время без внимания остается еще один аспект, непосредственно затрагивающий данную тему, связанный с так называемой позитивной уголовной ответственностью, обоснование которой появилось во второй половине прошлого века в работах таких ученых-юристов, как П.Е. Недбайло, В.Г.Смирнова, В.С. Прохорова, В.А. Елеонского [6]. Эта теория подвергается критике, но критика связана, главным образом с терминологией при противопоставлении ответственности и обязанности. Но если воспринять уголовную ответственность как элемент социального управления, то эти понятия не будут находиться в противоречии и при практической реализации будут служить достижению тех целей, которые ставит перед государством общество, а процесс целеполагания будет определяющим условием эффективности всей системы управления. И здесь нельзя не упомянуть еще одну важнейшую составляющую эффективной управленческой деятельности — информационную, которая связана с получением, осмыслением, систематизацией, хранением, выдачей социальной и прежде всего, управленческой информации [5, с.25]. При разработке технических систем такая зависимость называется обратной отрицательной связью, которая определяет устойчивость и нормальную работу любой системы. При определении уголовной ответственности эта обратная, в данном случае информационная связь должна быть главным показателем эффективности законотворческой деятельности государственных органов. Представляется, что сегодня законодатель и правоприменитель не в полной мере учитывает, что уголовная ответственность осуществляется в рамках уголовного правоотношения, которое возникает между государством и лицом, совершившим преступление. А в рамках правоотношений за их реализацию ответственны всегда два субъекта. Возлагая ответственность на правонарушителя, мы часто совершенно забываем о роли и влиянии государства в возникшей ситуации. Переходя в практическую плоскость изложенной теории, можно с уверенностью утверждать, что многие проблемы правотворчества и правоприменения возникают в связи с игнорированием этих теоретических положений.

Так, если бы уголовная ответственность устанавливалась на основе анализа реальной ситуации и с учетом положений теории управления, то тогда бы законодатель в последние годы, желая уменьшить количество транспортных преступлений, не делал бы упор на ужесточении наказания водителям в состоянии алкогольного опьянения, а уделил бы внимание другим составляющим уголовной ответственности. В этом случае основным целеполаганием законодателя должно было быть обеспечение правопорядка на дорогах, а не борьба с пьянством, которая в нашей стране должна осуществляться другими методами и другими средствами. В настоящее же время ситуация граничит с парадоксальной: меньше всего ДТП, совершенных водителями в состоянии опьянения в Чечне, Дагестане и Ингушетии [10]. В то же время Ингушетия и Чечня занимают в России соответственно первое и второе места по количеству погибших на 1000 ДТП [11]. Может быть в рамках правоотношений, которые определяют юридическую ответственность, необходимо обратить внимание на выполнение своих обязанностей и реализацию своих прав другого субъекта — государства в лице ГИБДД, а, возможно, и законодателя? Возникают аналогичные вопросы и относительно некоторых других правовых институтов.

В любом случае, очевидно, что рассматриваемая категория на сегодня заслуживает большего внимания и осмысления правоприменителями как в рамках уголовного права, так и за ее пределами, учитывая многоаспектность этого понятия.

Литература

1. Большой юридический словарь /Под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. — М.: ИНФРА-М. 1998. — VI, 790 с. (Библиотека словарей «ИНФРА-М»).
2. Курс российского уголовного права. Общая часть. Под ред. В.Н. Кудрявцева/ М.Спарк 2001 — 767 с.
3. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник для бакалавров/ отв. ред. А.И. Рарог. — М.: Проспект, 2015. — 496 с.
4. Уголовное право Российской Федерации: (Общая часть): Учебник/ Под ред. А.И. Марцева. — Омск: Юридический институт МВД России, 1998. — 368 с.
5. Основы социального управления. Под ред. В.Н. Иванова/ М. «Высшая школа», 2001
6. Георгиевский Э.В. Краткий словарь — справочник по уголовному праву России/ Иркутск, Иркутская высшая школа МВД России, 1997. — 87 с.
7. См.: Недбайло П.Е. Система Юридических гарантий применения советских правовых норм/ Правоведение. 1971. №3.; Смирнов В.Г. Функции советского уголовного права. — Л., 1965; Елеонский В.А.

- Поощрительные нормы и их значение в деятельности органов внутренних дел. — Хабаровск, 1984.
8. Сабитов Т.Р. Система уголовно-правовых принципов: монография. — М.: Проспект, 2012. — 240 с.
 9. Е.Иванова. Социальное управление: понятие, общие черты, виды, элементы [Электронный ресурс]. — URL: <https://online-buhuchet.ru/socialnoe-upravlenie-ponyatie-obshhie-cherty-vidy-elementy/> (дата обращения 09.07.2023).
 10. Статистика «пьяных» ДТП в России по итогам 2022 года [Электронный ресурс]. — URL: <https://лада.онлайн/auto-news/lada-vesta-news/30087-statistika-pjanyh-dtp-v-rossii-po-itogam-2022-goda.html> (дата обращения 09.07.2023).
 11. Статистика ДТП по России [Электронный ресурс]. — URL: <https://rusdtp.ru/stat-dtp> (дата обращения 09.07.2023).

О НЕКОТОРЫХ КОНСТРУКТИВНЫХ ПРОБЛЕМАХ СТ. 215³ УК РФ, ОСЛОЖНЯЮЩИХ ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ

В. С. Дорошенко

судебный участок № 1 Лангепасского судебного района
Ханты-Мансийского автономного округа — Югры
мировой судья
Low71@yandex.ru

Аннотация: уголовное противодействие повреждениям, разрушениям трубопроводов, относящихся к опасным производственным объектам, приобретает особую актуальность в сложившейся в отношении Российской Федерации напряженной экономической и геополитической обстановке.

Конструктивные недостатки ст. 215.3 УК РФ, по мнению автора, усложняют охрану общественных отношений в области общественной безопасности, а также безопасности государства. В этой статье обращено внимание на некоторые проблемы применения указанной уголовно правовой нормы, предложено их решение, посредством ее изменения.

Ключевые слова: повреждение, нарушение нормальной работы, нефтепроводы, нефтепродуктопроводы, газопроводы.

Annotation: criminal counteraction to damage, destruction of pipelines, pertaining to dangerous manufacturing object, acquires a special relevance in the current relation to the Russian Federation intense economic and the geopolitical situation.

Constructional disadvantages Article 215.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, in the opinion author, complicate protection social relation in the field of public safety, as well state security. In this paper emphasis attention on some problems application of the specified criminal law norm, proposed solution, through her changes.

Keywords: damage, disruption of normal operation, oil pipelines, oil product pipelines, gas pipelines.

Перемещение газа и нефтепродуктов в нашей стране в подавляющем большинстве случаев обеспечивается трубопроводным транспортном,

при этом его протяженность растет из года в год. Вместе с тем, активно происходит диверсификация потоков энергоресурсов с западного на восточное направление.

Как отмечает заместитель Правительства Российской Федерации А.В. Новак уже в мае 2022 поставки нефти из России в страны Азии впервые превысили объемы, направляемые в Европу, а к 2026 году мощности магистральных нефтепроводов в восточном направлении планируется расширить на 32 миллиона тонн. В ближайшем будущем построят еще 600 км нефтепроводов. [7]

Ни для кого не секрет, что посредством именно этого вида транспорта государство обеспечивает решение экономических, политических, а на сегодняшний день и военных задач. Соответственно, в условиях сложной геополитической обстановки неуклонно растет значимость безопасной эксплуатации нефтепроводов, нефтепродуктопроводов, газопроводов.

Однако, вопросы противодействия криминальным воздействиям непосредственно на трубопроводы разрешаются одной статьей Уголовного кодекса Российской Федерации, а именно ст. 215.3 УК РФ. До 2018 года основным составом этой уголовно — правовой нормы являлось лишь и только посягательство на указанные разновидности трубопроводов, сопряженные с их повреждением, разрушением, а также приведением в иное негодное для эксплуатации состояние. Однако, в целях действенного противодействия незаконному бытовому отбору газа, распространенному на территориях Северо-Кавказского региона России, названная статья Уголовного кодекса Российской Федерации дополнена нормой о самовольном подключении к нефтепроводу, нефтепродуктопроводу и газопроводу. [9]

В результате представленного небесспорного нормотворчества основным составом для рассматриваемого уголовного положения о преступлении, посягающем на общественную безопасность, стал административно-правовой деликт, описанный в ст.7.19 КоАП РФ, поскольку конструкция состава ч.1 ст. 215.3 УК РФ предусматривает наличие состояния привлеченности виновного к административной ответственности за указанное правонарушение. В связи с этим, примечательна позиция Верховного суда Российской Федерации, изложенная в отзыве на законопроект от 14.11.2017 № 3-ВС-8539/17, в котором суд просил конкретизировать признаки, отграничивающие самовольное подключение к трубопроводу от кражи из него, а также от его повреждения, разрушения либо приведения в негодное состояние. [8]

На наш взгляд, подобный недифференцированный, невыверенный подход при создании и модернизации упомянутой уголовно-правовой нормы, объединил в диспозиции ст. 215.3 УК РФ различные преступления, с явно несопоставимыми типовыми степенями общественной опасности.

По устоявшемуся мнению представителей доктрины, в частности, Т.А. Лесниевски-Костаревой, Л.Л. Кругликова, средством дифференциации уголовной ответственности служит уголовно-правовая норма, устанавливающая основной состав преступления, который определяет типовую уголовную ответственность за преступление, совершенное типовым субъектом. То есть, в первых частях статей особенной части Уголовного кодекса следует излагать основной (базовый) состав, на основе которого конструируются последующие квалифицирующие его признаки. [4 с. 162-163], [3 с. 121]

Позиция законодателя, изложенная в пояснительной записке к проекту федерального закона от 30.12.2006 № 283-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса РФ», однозначно указывает на то, что уголовно — правовая норма о преступлении, описанном в ст. 215.3 УК РФ, изначально создавалась в целях противодействия особо опасным преступным посягательствам на магистральные нефтепроводы, совершаемым в условиях сложного исполнения и соучастия, неминуемо создающим риски причинения значительного вреда различным объектам уголовно — правовой охраны. Высокая степень общественной опасности этого преступления, как правило сопряженного с хищением углеводорода, была для всех всегда очевидной. Однако, в настоящее время логика изложения нормативного материала, заключенного в ст. 215.3 УК РФ, порождает суждения, связывающие возникновение состава преступления по ч.5 указанной статьи только в условиях административной привлеченности за правонарушение о самовольном подключении к трубопроводу. Ранее на подобный недостаток обращал внимание М.В. Бавсун. [1 с. 220]

В последнее время в отношении трубопроводного транспорта России участились диверсии. В связи с этим, весьма обоснованно можно предположить, что в целях сокрытия истинных преступных намерений особо опасные преступные акты, направленные против безопасности государства, будут маскироваться под менее тяжкие по общественно опасным последствиям повреждение либо разрушение трубопровода из хулиганских побуждений.

На наш взгляд, все сказанное в своей совокупности указывает на необходимость реконструкции диспозиции ст. 215.3 УК РФ, начинать которую необходимо с решения вопроса об исключении преступления о самовольном подключении к трубопроводу из диспозиции ст. 215.3 УК РФ.

Нужды уголовного противодействия несанкционированному отбору газа бытовыми потребителями из внутридомовых, квартальных газовых сетей, относящихся к объектам коммунальной инфраструктуры, могут быть удовлетворены посредством перенесения положений ч.1 ст. 215.3 УК РФ в диспозицию ст. 215.2 УК РФ. Указанное объясняется тем, что

практика не знает случаев самостоятельных обвинительных суждений о самовольном подключении к нефтепроводу, нефтепродуктопроводу, а также магистральному газопроводу. Самовольное подключение к указанным видам трубопроводов, в условиях хищения, судами оценивается как способ совершения кражи из него.

Представляется, что формулировка диспозиции ч.1 ст. 215.3 УК РФ — «о самовольном подключении» недопустимо девальвируют степень общественной опасности разрушения, повреждения нефтепровода или приведения его в негодное для эксплуатации состояние.

После исключения из анализируемой уголовной нормы формулировок о самовольном подключении к нефтепроводу, нефтепродуктопроводу, газопроводу, необходимо изложить признаки основного состава ст. 215.3 УК РФ терминологически ясно, достаточно, с четкой привязкой к техническим актам нормативного типа, регулирующих надлежащую эксплуатацию любого химически опасного трубопровода, относящегося к объектам промышленной безопасности, не ограничиваясь нефтепроводами, нефтепродуктопроводами, газопроводами, поскольку в судебной практике встречались случаи осуждения виновных по ст. 215.3 УК РФ за повреждение конденсатопроводов, амиакопроводов.

Справедливость высказанных утверждений доказывается различной, весьма противоречивой судебной практикой, возникающей из похожих криминальных ситуаций.

Главной проблемой, осложняющей применение ч.3 и ч.4 ст. 215.3 УК РФ, в существующей редакции, являются весьма неудачные формулировки преступных последствий, ненужно повторяющиеся в диспозиции этой статьи несколько раз. Очевидно, что разрушение трубопровода, его повреждение или приведение иным способом в негодное для эксплуатации состояние препятствует его нормальной работе. Но для оконченного состава преступления, конструкция этой нормы повторно обязывает правоохранителя дополнительно устанавливать угрозу возникновения либо наличное нарушение нормальной работы трубопровода.

Использование риторической фигуры речи «нормальная работа», создает диссонанс судебных мнений. Суды зачастую любой из перечисленных способов повреждения трубопроводов соотносят с общепотребительным, исключительно обыденным понимаем нормальной работы чего-либо, без надлежащего соотнесения фактического состояния трубопровода, подвергшегося, в частности, так называемой «криминальной врезке» с нормативными требованиями, предъявляемыми для его правильной надежной эксплуатации.

В приговорах Нижневартовского городского суда от 08.12.2017 по делу 1-761/2017, Лангепасского городского суда от 25.10.2019 дело № 1-2/2019, в апелляционном определении суда ХМАО-Югры от 05.07.2017, вынесенного по делу Нижневартовского районного суда 1-22/2017, суды определили нормальную работу нефтепровода фактом продолжения

транспортировки по нему ресурса после совершенной в отношении него «криминальной врезки», то есть повреждения его линейной части (трубы). Доводы же обвинения о возникших рисках разгерметизации нефтепроводов отнесены к бездоказательным предположениям.

Весьма распространены и противоположные судебные оценки. Наиболее авторитетное суждение высказано в определении Верховного суда РФ от 24.01.2020 по делу № 9-АПУ19-24. В этом судебном акте обращено внимание на то, что эксплуатация поврежденного трубопровода без проведения комплекса аварийно-восстановительных работ представляет угрозу его безопасности и являлась недопустимой в соответствии с требованиями Федерального закона от 21 июля 1997 года № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов», а соответственно нарушает его нормальную работу.

Н. Иванов, А.И. Приходько, В.А. Шепель, а также другие исследователи, обсуждаемой проблемы, предлагают исключить это последствие из конструкции ст. 215.3 УК РФ. Аналогичной судьбе предлагают подвергнуть и мотивационный комплекс, изложенный в ч.3 ст. 215.3 УК РФ. [2 с.26], [6 с.82] [5 с.105]

На наш взгляд, отсутствие в составе анализируемого преступления обязательных преступных последствий создает дополнительные конкурентные осложнения с другими нормами особенной части Уголовного кодекса. Так, в условиях преступного участия должностных лиц, ответственных за соблюдение требований промышленной безопасности, совершивших повреждение нефтепровода с причинением смерти человеку, у обвинения возникнет квалификационный выбор между ч. 5 ст. 215.3 УК РФ и ч. 2 ст. 217 УК РФ, что по нашему мнению является недопустимым, поскольку для субъекта не обладающего специальным должностным положением осуждение будет возможно только по ст. 215.3 УК РФ, содержащей описание более тяжкого преступления. При этом, по общему правилу уголовная ответственность субъекта со специальными признаками всегда строже уголовной ответственности лиц, не обладающих такими признаками. В этих моделируемых обстоятельствах принцип равенства граждан перед законом будет поправ.

Представляется, что словосочетание «нормальная работа» подлежит однозначной замене на более определенную словесную формулировку, отсылающую к требованиям промышленной безопасности, ввиду того, что нефтепровод, нефтепродуктопровод, газопровод являются опасными производственными объектами, и их надлежащая эксплуатация определяется специальными нормативными актами, в частности, приказами Ростехнадзора от 14.01.2020 № 9, от 11.12.2020 № 517, утвердивших Правила безопасности для опасных производственных объектов магистральных трубопроводов, а также методические рекомендации по определению допустимого давления магистральных нефтепроводов.

Только соблюдение указанных правил гарантирует надежное безопасное функционирование трубопроводов. В противном случае можно прийти к справедливости абсурдного суждения о том, что нормальная работа нефтепровода возможна и без соблюдения требований промышленной безопасности, предъявляемых к названным трубопроводам.

Внедрение в обсуждаемый состав преступления элемента угрозы наступления указанного последствия, излишне, поскольку несанкционированное вмешательство в работу указанных объектов, само по себе, создает угрозу их надлежащей эксплуатации с соблюдением требований промышленной безопасности. В ситуациях возникновения описанной криминальной угрозы, итоговая квалификационная формула может содержать ссылку на ст. 30 УК РФ.

Представляется, что исключение корыстного мотива улучшит работу названной уголовной нормы в условиях неочевидного, недоказанного хищения, поскольку именно для обеспечения хищения ранее, зачастую, повреждались нефтепроводы. Наличие корыстного мотива, как обязательного элемента состава преступления, предусмотренного ч.3 ст. 215.3 УК РФ, правоприменитель доказывал через установленный им аналогичный мотив хищения.

При этом встречались случаи, когда неоднократные повреждения трубопровода, совершенные на разных его участках для совершения из него хищения, квалифицировались по ст. 215.3 УК РФ как единое, продолжаемое преступление. К таким правовым оценкам приходил, в частности, Сургутский районный суд в приговоре от 15.06.2017 по делу № 1-13/2017. Подобная квалификация, на наш взгляд, недопустима, поскольку всякое самостоятельное повреждение нефтепровода на различных его участках, отсеченных запорной арматурой, создает самостоятельное нарушение его надлежащей эксплуатации, требует проведение аварийных работ на каждом поврежденном участке трубопровода.

Исключение из ст. 215.3 УК РФ хулиганских побуждений лишит правоприменителя возможности применения указанной статьи в условиях совершения очевидной диверсии. Подобную практику можно увидеть в приговоре Хостинского районного суда г. Сочи от 01.08.2013 по делу № 1-172/2013. В указанном судебном акте действия виновного, неоднократно изготавливавшего различные взрывные устройства с разным взрывным наполнением, минировавшего и совершившего 2 подрыва магистрального газопровода Майкоп-Самурская-Сочи, 2 подрыва газопровода, питающего Сочинскую ТЭС, оценены судом как беспричинные, а соответственно хулиганские. Действия виновного в части повреждения газопровода квалифицированы по ст. 215.3 УК РФ.

Между тем, покушение на трубопроводы, обеспечивающие, в частности, вооруженные силы Российской Федерации горюче смазочными материалами, подрывает обороноспособность государства.

Подводя итог сказанному, диспозицию ч.1 ст. 215.3 УК РФ совершенно справедливо можно сформулировать следующим образом: *«По-вреждение, разрушение трубопровода, относящегося к опасным производственным объектам, не связанные с целями диверсии, повлекшие его работу с нарушением требований промышленной безопасности —»*.

Литература

1. Бавсун М.В. Проблемы законодательного конструирования уголовно-правовых норм, направленных на защиту объектов топливно-энергетической инфраструктуры Российской Федерации // Вестник томского государственного университета. 2022. № 476. С.220-224.
2. Иванов Н. Уголовная ответственность за приведение в негодность нефтепроводов, нефтепродуктопроводов и газопроводов // Уголовное право. 2007. № 3. С. 26-29.
3. Кругликов Л.Л. О понятии преступлений с квалифицированными составами // Юридическая наука. 2014. № 2. С. 120–126.
4. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство НОРМА, 2000. С. 930.
5. Шепель В.А. Несанкционированные «врезки» в нефтепродуктопроводы: понятие, виды, квалификация, обнаружение // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 4. С.105-113 (108).
6. Приходько А.И. Уголовно-правовая характеристика посягательств на объекты топливно — энергетического комплекса (ТЭК): дис. кан. юрид. наук: 12.00.08: защищена 29.05.2018: утв.15.01.2019 / Приходько Анна Игоревна. — М., 2018. — 153 с.
7. Новак А.В. Энергетическая политика России разворот на восток: <https://energypolicy.ru/energeticheskaya-politika-rossii-razvorot-na-vostok/business/2023/14/08/> (дата обращения 21.08.2023)
8. Отзыв Верховного суда Российской Федерации законопроект от 14.11.2017 № 3-ВС-8539/17 URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/372369-7> (дата обращения: 22.08.2023).
9. Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 372369-7 «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ» URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/372369-7> (дата обращения: 22.08.2023).

МЕХАНИЗМ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Л. В. Иванова

Тюменский государственный университет
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент
l.v.ivanova@utmn.ru

Аннотация: анализируется уголовно-правовое противодействие экономическим киберпреступлениям. Сделан вывод о необходимости закрепления такого квалифицирующего признака в иных составах экономических преступлений.

Ключевые слова: экономические преступления; информационные технологии; механизм; противодействие; киберпреступление; информационно-телекоммуникационная сеть.

Abstract: criminal legal counteraction to economic cybercrimes is analyzed. It was concluded that it is necessary to consolidate such a qualifying feature in corpus delicti of other economic crimes.

Key words: economic crimes; information technology; mechanism; opposition; cyber-crime; information and telecommunication network.

Современную жизнь невозможно представить без сети «Интернет», электронных гаджетов, с каждым годом появляются новые технологии и цифровые инструменты. Те же самые технологии, что помогают решать какие-то бытовые и профессиональные вопросы, в то же время могут играть роль катализатора преступной деятельности, облегчающего совершение преступления.

Экономические преступления не становятся исключением. Так, в 2022 году зарегистрировано 20295 преступлений экономической направленности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. Показатель превышает на 11,2 % данные за 2021 год [8].

Эффективность противодействия любому виду преступности зависит в том числе и от качества уголовно-правовых норм. Следует отметить, что в научной литературе используются различные термины применительно к категории «механизм» в уголовном праве: механизм уголовно-правового регулирования [4], механизм уголовно-правового воздействия [3], механизм уголовно-правовой охраны [7], механизм уголовно-правового противодействия [1] и т. д. Не углубляясь в проблему содержательного наполнения указанных терминов, отметим, что при рассмотрении любого из данных понятий в основе всегда будет лежать Уголовный кодекс как закон, являющийся единственным нормативным правовым актом, устанавливающим ответственность за преступные деяния, поэтому в настоящей статье рассматриваем данные категории как синонимы.

Традиционно механизм правового регулирования понимается учеными в том ключе, как его ввел в оборот С.С. Алексеев [2, с. 30], несмотря на имеющиеся дополнения и исключения со стороны отдельных исследователей. В отношении структуры механизма уголовно-правового регулирования также высказаны различные точки зрения. Большинство исследователей включают в него несколько составляющих: цели уголовно-правового регулирования, уголовно-правовую норму, уголовно-правовые отношения, юридические факты.

Экономические преступления, предусмотренные разделом VIII Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ), совершаемые посредством использования информационных технологий, включают в себя ряд преступлений против собственности, а также два состава преступлений в сфере экономической деятельности.

Конечно, наиболее распространенными являются хищения чужого имущества, совершаемые с использованием информационных технологий, что подтверждают ежегодные данные официальной статистики о состоянии преступности.

В частности, за хищение с использованием информационных технологий уголовная ответственность в настоящее время предусмотрена тремя статьями: п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ содержит особо квалифицированный состав — кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, ст. 159.3 УК РФ устанавливает ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа, ст. 159.6 УК РФ предусматривает ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации.

В главе 23 УК РФ, посвященной преступлениям в сфере экономической деятельности, использование информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», в качестве одного из конструктивных признаков состава преступления предусмотрено в ст. 171.2 УК РФ, устанавливающей ответственность за незаконные организацию и проведение азартных игр, а также в ст. 185.3 УК РФ, предусматривающей ответственность за манипулирование рынком.

Следует отметить, что особенности уголовно-правового противодействия названным общественно опасным деяниям неоднократно становились предметом исследований ученых [5; 6, с. 77-101]. Не углубляясь в проблемы уголовной ответственности за данные преступления, позволим проанализировать механизм уголовно-правового противодействия таким деяниям через формулировку соответствующих признаков.

Активное развитие информационных технологий и увеличение числа ежегодно регистрируемых киберпреступлений, требует ответной реакции законодателя.

Как указывалось, применительно к хищениям законодатель закрепляет признак использования информационных технологий применительно к разным формам: краже и мошенничеству. Но в то же время другие

формы хищения остались без внимания, хотя не исключены ситуации, когда, например, лицо под принуждением переведет денежные средства на счет злоумышленника.

Представляется, что закрепление применительно к хищению трех разных составов преступлений, в которых упоминаются информационно-телекоммуникационные сети, в том числе сеть «Интернет», вызывает сложность в правоприменительной практике, поэтому следует поддерживать неоднократно высказываемое предложение о введении единого состава преступления, охватывающего все формы хищения, но отличительной чертой которого было бы использование информационных технологий [6, с. 90-93]. То есть, как это сделано законодателем применительно к хищению предметов, имеющих особую ценность. Данное положение позволит минимизировать риск неверной уголовно-правовой оценки содеянного.

При организации азартных игр использование IT-технологий заключается в создании соответствующего игрового сайта, разработка правил таких игр, подключение средств электронной оплаты, оборудование соответствующего помещения с выходом в «Интернет», привлечение потенциальных клиентов для таких игр. При проведении азартных игр применение информационных технологий заключается в осуществлении на основе заключенного соглашения о выигрыше начала, продолжения и завершения игры клиента непосредственно в информационно-телекоммуникационной сети.

Несколько по-другому использование высоких технологий как конструктивный признак состава преступления сформулирован в ст. 185.3 УК РФ, устанавливающей ответственность за манипулирование рынком — «умышленное распространение через средства массовой информации, в том числе электронные, информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть «Интернет»), заведомо ложных сведений». Обращает на себя внимание формулировка данного конструктивного признака, что не соответствует действующему отраслевому законодательству и реалиям развития информационных технологий.

Учитывая, что телекоммуникации осуществляются в том числе посредством использования электронных технологий, можно предположить, что «электронная сеть» и есть «информационно-телекоммуникационная сеть», а значит, употребление словосочетания «электронные сети» наряду с категорией «информационно-телекоммуникационные сети» выглядит избыточным, так как, по сути, речь идет об одном и том же явлении.

Исходя из понятий, содержащихся в законодательстве, регулирующем деятельность средств массовой информации, средства массовой информации включают в том числе издания в виде сайта, зарегистрированного в качестве средства массовой информации. То есть сайт — это лишь часть информационно-телекоммуникационной сети, а значит, сеть не

может быть частью средств массовой информации. Более того, такая буквальная формулировка будет сужать сферу применения анализируемой статьи, т.к. средства массовой информации предполагают регистрацию в установленном законом порядке.

Таким образом, электронные сети и информационно-телекоммуникационные сети соотносятся как синонимы, а информационно-телекоммуникационные сети не являются частью средств массовой информации. Изложенное требует уточнение рассматриваемого конструктивного признака в ст. 185.3 УК РФ.

Одной из особенностей современного механизма уголовно-правового противодействия в этой части является дальнейшая дифференциация ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационных технологий.

В последние годы законодатель идет по пути включения квалифицирующего признака использования информационно-телекоммуникационных сетей в имеющиеся составы преступлений. При этом не все преступления, совершаемые с использованием информационных технологий дополнены таким признаком. Например, среди экономических преступлений незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции, несмотря на законодательный запрет, зачастую осуществляется через сеть «Интернет». Но в соответствующем составе преступления не предусмотрено усиление ответственности в случае незаконной продажи алкоголя посредством использования информационно-телекоммуникационной сети.

В завершении необходимо отметить, что информационные технологии постоянно совершенствуются и невозможно предугадать, какие цифровые инструменты появятся в будущем. Соответственно, использованием информационных технологий необходимо включать в качестве квалифицирующего признака во все составы экономических преступлений, если такой способ помогает совершению преступления, иными словами повышает степень общественной опасности.

Литература

1. Агаев Г. А., Сафин Ф. Ю. Оптимизация механизма уголовно-правового противодействия преступности в сфере исполнительной власти. СПб., 2010. 123 с.
2. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966. 187 с.
3. Дуюнов В. К. Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2001. — 49 с.
4. Жариков Ю. С. Уголовно-правовое регулирование и механизм его реализации. — М.: Юриспруденция, 2009. — 216 с.

5. Лошаков А. С., Щеглова Н. В. Экономические преступления, совершаемые с использованием информационных технологий и способы их предотвращения // Мировая экономика: проблемы безопасности. — 2020. — № 4. — С. 16-20.
6. Преступления, совершаемые с использованием информационных технологий: проблемы квалификации и особенности расследования / А. Ф. Абдулвалиев, А. В. Белоусов, Ж. В. Вассалатий [и др.]; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; Тюменский государственный университет, Институт государства и права. — Тюмень: Тюменский государственный университет, 2021. — 376 с.
7. Рускевич Е. А. Механизм уголовно-правовой охраны после четвертой промышленной революции: взгляд в будущее // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2018. — № 3(38). — С. 85-92.
8. Состояние преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2022 года // Официальный сайт МВД России. URL: <http://https://мвд.рф/reports/item/35396677/> (дата обращения: 23.06.2023).

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 184 УК РФ В РАМКАХ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В СПОРТЕ

А. А. Исаев

Новосибирский государственный университет экономики и управления
старший преподаватель кафедры уголовного права
и национальной безопасности
andrey.isayev.72@list.ru

Аннотация: в мировой практике коррупция в спорте носит актуальную проблему. Спортсмены, тренеры, владельцы организаций и клубов частенько злоупотребляют своим положением для получения различных видов взяток и иных преступлений. В то время как спорт является мировым средством проведения досуга человека, в нем вращается большое количество денежных средств. В этой связи возникают определенные проблемы в правоприменительной практике статьи 184 УК РФ, ее актуальности на сегодняшний день.

Ключевые слова: квалификация, процесс доказывания, злоупотребление, коррупция, спорт, подкуп.

Abstract: in world practice, corruption in sports is an urgent problem. Athletes, coaches, owners of organizations and clubs often abuse their position to receive various types of bribes and other crimes. While sport is a global means of human leisure, a large amount of money revolves in it. In this regard, certain problems arise in the law enforcement practice of Article 184 of the Criminal Code of the Russian Federation, its relevance today.

Key words: qualification, proof process, abuse, corruption, sports, bribery.

В наши дни спорт — это необъятная и весьма доходная индустрия, в которой движутся большие денежные потоки, причем как на российском,

так и на международном уровнях. Отсюда, образовалась такая проблема как коррупция в спорте.

Коррупция представляет собой дачу либо получение взятки, злоупотребление своим положением по службе и другое неправомерное использование лицом своего положения, которое противоречит интересам государства и общества. Данное производится с главной целью — получения выгоды в виде денежных средств, ценностей и иного для себя или иных лиц, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица. [2]

Подделывание результатов в спортивных состязаниях можно наблюдать практически в любом виде спорта, в которых хоть как-то задействованы средства. На практике выявить и впоследствии доказать подобные противозаконные действия весьма проблематично, однако не невозможно. Для этого некоторые страны создают специальные структуры для того, чтобы они проводили расследования. Так, например, власти Кипра не так давно в 2020 году, создали Комитет, который должен разрабатывать законодательство в сфере борьбы с коррупцией в таком виде спорта как футбол, а также законодатель заявил о кадровом усилении подразделения полиции по расследованию договорных матчей. Подобная деятельность органов способствовало тому, что было проведено довольно много эффективных расследований. [8]

Противозаконной деятельностью в спорте является проведение так называемых договорных матчей. Под договорными матчами следует понимать игру или судейство матча, при котором лица желают достичь заранее конкретного результата, данное в свою очередь будет нарушать правила игры и, как правило, закон.

Одним из ярких примеров договорных матчей служит скандал, который был замечен в 2013 году. Организация ФИФА приняла довольно жесткие меры в отношении 41 игрока. Виновные футболисты были дисквалифицированы пожизненно, а поводом принятия таких радикальных действий послужил факт договорных матчей в Южной Корее. Данное произошло уже после того, как их наказала местная лига и футбольная ассоциация. Игроки, которые принесли извинения, позже получили шанс вернуться в футбол, однако после наказания в виде испытательного срока от 2-5 лет, в рамках которого предполагались разнообразные общественных работы от 200 до 500 часов. [14]

Практика показывает, что для результативной борьбы с коррупцией в спорте нужно принятие ряда нормативно-правовых актов, ресурсов и пр.

В РФ есть ряд нормативно-правовых актов, цель которых предотвратить манипулирование спортивными соревнованиями. В частности, это закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», УК РФ, а именно, ст. 184, 291, так же сюда можно отнести непосредственно закон «О противодействии коррупции». [1] [3] [2]

В частности, более подробно считаю необходимым рассмотреть с точки зрения правоприменителя положения статьи 184 УК РФ.

Совместным приказом Генеральной прокуратуры и МВД РФ от 30.04.2010 г. №187/86 ст. 184 УК РФ отнесена к категории коррупционных. [17]

По данным судебной статистики агентства правовой информации за 2022 год по ч. ч. 1, 2, 4 и 5 ст. 184 УК РФ не было осуждено ни одного лица. По ч. 3 ст. 184 УК РФ за 2022 год осуждено всего 7 лиц, которым назначено наказание в виде штрафа. За 2020–2021 гг. данные совсем удручающие — ни одно лицо не было осуждено по рассматриваемому составу преступления. [15]

Кроме этого, по данным статистики за 2020 год нет ни одного прекращенного уголовного дела по данной статье. [16]

Проведенный анализ фактов привлечения виновных лиц к уголовной ответственности по ст. 184 УК РФ показал катастрофически малую эффективность работы данной нормы права и очень высокий уровень латентности данного преступного деяния. А отсюда исходит повышенных интерес со стороны мирового спортивного сообщества к проведению соревнований, в том числе на международном уровне и дискредитация российского спорта. Одна из причин столь малого выявления преступлений данной нормы кроется в самом структурном ее построении. Прежде всего возникает вопрос о характере непосредственного объекта данного преступления. Если рассматривать его с точки зрения нарушения норм морали и нравственности, говоря о честности, открытости спортивного мероприятия, то непосредственным объектом будут являться общественные отношения, затрагивающие внутреннее, эмоциональное состояние личности. С другой стороны, поскольку данный состав в своем родовом объекте содержит элементы экономических отношений и на них посягает, то непосредственным объектом данного преступления будет являться общественные отношения складывающиеся в сфере предпринимательства, коммерции. И в данном случае вред причиняется не столько фактами получения вознаграждения, их передачей, сколько самим фактом фальсификации спортивного соревнования, а отсюда и основополагающей идеи спорта — состязательность, честность, результативность, мирное сосуществование, уважение и взаимопонимание между народами, сохранение человеческого достоинства, разностороннее развитие человека путем занятия физической культурой и спортом. Исходя из вышеизложенного по моему мнению с акцентом на непосредственный объект преступления, данную статью необходимо по родовому объекту отнести к 25 главе — затрагивающей общественные отношения в сфере общественной нравственности. Очередным аргументом принятия данного решения я полагаю должен быть акцент на саму личность (человека), его эмоциональное и психологическое состояние, а отсюда его жизнь и здоровье, являющиеся высшей человеческой ценностью.

Кроме этого, описывая в диспозиции первой и третьей частях рассматриваемой статьи предмет преступного посягательства, законодатель обратил внимание только на их материальную составляющую (деньги, ценности, услуги имущественного характера и пр.) Однако при подкупе существует множество других вариантов оказания противоправного влияния на результат спортивного соревнования (выведение игрока из строя непосредственно перед спортивным соревнованием путем отравления (расстройство кишечника), умышленная поломка средства его доставки к месту проведения соревнования, противоправные действия болельщиков и пр.), как цели совершения данного преступления, являющейся в данном случае обязательным признаком субъективной стороны состава ст. 184 УК РФ. В связи с этим я полагаю, что в диспозицию ч. 1 и 3 ст. 184 УК РФ необходимо добавить фразу «... оказание, получение услуг неимущественного характера».

На мой взгляд, недоработка законодателем положений рассматриваемой статьи в части подкупа также заключается в том, что в качестве квалифицирующих признаков состава данного преступления почему-то рассматривается только «совершенные организованной группой», что представляет собой более сложный процесс выявления и доказывания соответственно. Гораздо в большем объеме можно говорить о таких формах соучастия в коррупционном противоправном поведении, как совершенные группой лиц и группой лиц по предварительному сговору, которые представляют не меньшую общественную опасность по сравнению с организованной группой, при этом носят более массовый характер.

Анализируя схожие составы преступлений (ст. 204, 290 УК РФ) явно бросается в глаза отсутствие в ст. 184 УК РФ таких квалифицирующих признаков как деяние совершенное в крупном и особо крупном размерах. Полагаю необходимым внести соответствующие дополнения в диспозиции рассматриваемой статьи.

Помимо отечественного законодательства существуют и действуют международные акты, такие как: Конвенция Совета Европы против манипулирования спортивными соревнованиями, Олимпийская хартия и др. [4] [5]

Кроме всего прочего нельзя исключать того, что каждый спортсмен желает стать успешным, а где успех там и деньги, слава. Только начиная путь, спортсмен приходит в клуб, организацию, которая его возвращает, воспитывает, вкладывает в него много сил и средств. Однажды наступает момент, когда такой спортсмен перерастает клуб, его амбиции выходят за границу того, что может дать организация. В данном случае переход на ступень выше такого спортсмена является своего рода прибыльным делом, ведь не только он сам получит плюсы от этого, в виде движения по карьерной лестнице, но и с другой стороны клуб, который тоже не останется в стороне, а получит хорошенькую сумму за трансфер.

Мировой спорт тесно связан границами с политикой различных государств. Так спортсмен, одерживая победы на различных масштабных соревнованиях, например, олимпиадах, чемпионатах мира и тому прочее, демонстрирует не только богатый состав сборной и хорошие тренерские резервы, которые способны показать мастерство, но и государственные возможности, начиная от материальных, заканчивая психологическими.

Думаю, не для кого не секрет, что материальные составляющие играют большую роль в аспекте результативности спортсменов. Так как для простого содержания тратятся не маленькие деньги, например, на экипировку, питание. Но при этом всем присутствуют и другие составляющие, такие как базы, где эти самые спортсмены будут заниматься. Все эти элементы направлены на единое целое, на предоставление стабильных результатов.

Кассовость и прибыльность — это те самые слова, на которые опираются различные страны мира, как на показатель эффективности спортивных соревнований. У каждой организации, клуба должны быть свои владельцы, тренеры, персонал и другие лица. И не редко такие субъекты, жаждая получить больше материальных средств, втягиваются в преступные схемы, связанные с коррупцией.

Недаром, в Международный день борьбы с коррупцией ООН представила результаты большого проекта по изучению коррупционных практик в области спорта и мер борьбы с ними. Для разработки которого было привлечено очень большое количество экспертов из разных стран, включая РФ.

Как верно было отмечено авторами доклада ООН, коррупция в спорте, как явление, зародилась еще в период проведения Античных Олимпийских игр, но именно в последние 10 лет замечен глобальный прирост преступной деятельности в данной сфере. Это все связано с различными процессами, такими как: глобализация, прирост денежных масс, прежде всего на уровне профессионального спорта. Но самое главное — это открытие легальных/нелегальных ставок на спорт и активное развитие информационных технологий [12].

Не каждый человек способен совладать с собой при виде больших денежных масс, а если сюда еще и прибавить должностное положение лица, с помощью которых можно заработать большее количество денег, то соблазн увеличивается в несколько раз. Так в конце 1999 года, в Америке, президент Международной федерации по боксу Роберт Ли придумал прибыльный заработок, который заключался в продаже мест в рейтинге. Так, для продвижения Фернандо Варгаса с пятой позиции на первую он получил 25000\$. В общей сложности к таким услугам обращались более 20 боксеров, с которых он получил кругленькую сумму [14]

Деятельность и управление определенных спортивных организаций должна быть прозрачной, но на сегодняшний день такой принцип отсутствует. Данные слова может подтвердить организация Heywood, Unger &

Wheatland, которая проводила исследования в данной области по всему миру. В данном докладе были представлены удручающие выводы. Так 81 % футбольных ассоциаций разных стран не предоставляют отчеты в открытый доступ. И только 15 % федераций придерживаются принципа открытости/гласности. Данное нежелание придерживаться принципа гласности организации связывают с коммерческой тайной [13]

Изначально спортивные организации, клубы и прочие сообщества разных уровней при создании опирались на некоммерческую форму, отстаивали свою независимость и автономность. Самое первое упоминание было зафиксировано в Олимпийской хартии 1949 г [7]. Позднее данный принцип был раскрыт в Олимпийской хартии 2011 [6] г. и 2017 г. [5]

Спорт является неотъемлемой частью жизни людей и те проблемы, которые происходят в данной сфере, могут привести к угрозе его целостности. И даже, если проявится единичный случай, то даже он будет способен привести к потере определенного вида спорта.

Общественная обязанность спортивных учреждений, выведение их из-под корпоративной охраны является значимым шагом для движения к результативному управлению и борьбе с коррупцией, вследствие того что хорошо выстроенные принципы прозрачности и подотчетности нужны с целью следования высоким эталонам правдивости в спорте, что не только считается символом эффективного контролирования над коррупцией, но и свидетельствует, в какой степени спортивные деятели, спортсмены, тренеры всерьез относятся к самой сущности спорта.

Подводя итог всему вышесказанному, можно подчеркнуть следующее. К сожалению, большой спорт и коррупция стоят на одной ступени, и устранить данную проблему довольно непросто. И хотя на законодательном уровне и предпринимаются попытки борьбы, к сожалению, пока ни одна из стран не придумала, как искоренить ее полностью. Поэтому считаю важным, что государство со своей стороны должно создавать механизмы, которые будут контролировать спортивные организации, бороться с "неэтичным" поведением в спорте, также необходимо развивать сотрудничество государственных институтов с субъектами спортивного движения, а законодателю необходимо разработать более эффективные нормы для борьбы с коррупцией в спорте.

Литература

1. Федеральный закон "О физической культуре и спорте в Российской Федерации" от 04.12.2007 N 329-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ (Дата обращения: 18.05.2023)
2. Федеральный закон "О противодействии коррупции" от 25.12.2008 N 273-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. Режим доступа:

- https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (Дата обращения: 18.05.2023)
3. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (Дата обращения: 18.05.2023)
 4. Конвенция Совета Европы о манипулировании спортивными соревнованиями: (заключена в МакоLINE 18 сентября 2014 года) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.coe.int/ru/web/impact-convention-human-rights/council-of-europe-convention-on-the-manipulation-of-sports-competitions#/> (Дата обращения: 20.05.2023)
 5. Олимпийская хартия (в действии с 15 сентября 2017 г.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://olympic.ru/upload/documents/team/charter/olimpiyskaia-hartiia-15-sentiabria-2017.pdf>. (Дата обращения: 25.05.2023)
 6. Спортивная хартия Европы (принята в мае 1992 г.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.sportedu.ru/GetText.idc?TxtID=1542> (Дата обращения: 26.05.2023)
 7. Olympic Rules. 1949. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.olympic.org/olympic-studies-centre/collections/official-publications/olympic-charters>. (Дата обращения: 26.05.2023)
 8. Ильина, Е. А. Коррупционные проявления в сфере спорта / Е. А. Ильина, В. Г. Полынский. — Текст : непосредственный // Юный ученый. — 2020. — № 11 (41). — С. 43-46. — [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://moluch.ru/young/archive/41/2218/> (Дата обращения: 20.05.2023).
 9. Смирнов Александр Александрович, Кирьянова Людмила Александровна, Морозова Лада Владимировна, Кузнецов Павел Константинович, Федоров Сергей Леонидович Коррупция в спорте и меры ее предупреждения // Ученые записки университета Лесгафта. 2018. №10 (164). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/korrupsiya-v-sporte-i-mery-ee-preduprezhdeniya> (Дата обращения: 25.05.2023).
 10. Краснова К.А. Причины и условия коррупции в сфере спорта // Глаголь правосудия. 2022. №1 (27). [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-i-usloviya-korrupsii-v-sfere-sporta> (Дата обращения: 20.05.2023).
 11. Лосев К. В., Михайлов В. В. Автономия и национальное самоопределение как формы правовой защиты коллективных (групповых) прав // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 3 (52). С. 272–277. DOI: 10.25683/VOLBI.2020.52.328 (Дата обращения: 25.05.2023).
 12. Глобальный доклад УНП ООН о коррупции в спорте: [Электронный ресурс]. Режим доступа:

- <https://www.unodc.org/unodc/en/safeguardingsport/grcs/index.html> (Дата обращения 25.05.2023)
13. Global Corruption Report: sport. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.transparency.org/whatwedo/publication/global_corruption_report_sport (Дата обращения 25.05.2023)
 14. Кого ловили до Платини: самые громкие коррупционные скандалы мирового спорта. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mk.ru/sport/2019/06/18/kogo-lovili-do-platini-samye-gromkie-korrupcionnye-skandaly-mirovogo-sporta.html>. (Дата обращения 25.05.2023)
 15. Судебная статистика РФ агентства правовой информации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (Дата обращения 24.05.2023)
 16. Полная статистика статьи 184 УК РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://beta.dostoevsky.io/ru/184/2020/full/> (Дата обращения 24.05.2023)
 17. Указание Генпрокуратуры РФ N 187/86, МВД РФ N 2 от 30.04.2010 "О внесении изменений в Перечни статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемые при формировании статистической отчетности". [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100864/ (Дата обращения 24.05.2023).

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Н. В. Кондраткова

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации
старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии
и уголовного процесса

Новосибирский государственный университет экономики и управления
доцент кафедры уголовного права и национальной безопасности,
кандидат экономических наук, доцент
Kondratkova_N@mail.ru

Аннотация: на основе анализа следственно-судебной практики выделяются проблемы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности. По итогам проработки положений действующего законодательства и теоретических изысканий предлагаются возможные варианты их разрешения.

Ключевые слова: преступления в сфере экономической деятельности, проблемы квалификации, способы решения.

Abstract: based on the analysis of investigative and judicial practice, the problems of qualification of crimes in the sphere of economic activity are highlighted. Based on the results of the study of the provisions of the current legislation and theoretical research, possible options for their resolution are proposed.

Keywords: crimes in the sphere of economic activity, qualification problems, solutions.

Высокий уровень научной дискуссии последних десятилетий, посвященной вопросам применения главы 22 Уголовного кодекса Российской Федерации, и обусловленной потребностью в формировании эффективного механизма противодействия преступлениям в сфере экономики, казалось, должен был оставить в прошлом все возможные проблемы применения содержащихся в ней уголовно-правовых запретов. Вместе с тем продолжают возникать трудности при квалификации незаконной банковской деятельности и сопутствующих ей составов, легализации денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, налоговых преступлений и т. д. Несомненно, отчасти это объясняется изменением общественных отношений, постоянным усложнением преступных схем, отчасти — различным толкованием уголовного закона, отсутствием разъяснений ВС РФ по вопросу применения наиболее сложных норм права либо их игнорированием.

Так, налоговая политика начала 90-х гг. спровоцировала уход части предпринимателей в теневой сектор, вызвала высокий спрос на услуги обнальщиков и поставила перед государством задачу выработки адекватных мер борьбы с сокрытием денежных средств от государственного контроля и надзора. Во многом это послужило причиной включения в уголовный закон специальной нормы, однако формирование судебной практики по данной статье прошло тернистый путь — по количеству спорных судебных актов, она, пожалуй, уступает лишь ст. 174, 174.1 УК РФ, по разнообразию квалификационных ошибок имеет несомненный перевес. Причина кроется в том, что механизм осуществления незаконной банковской деятельности предполагает совершение ряда деяний, подпадающих под действие иных уголовно-правовых запретов. К примеру, в целях обналичивания денежных средств, полученных по фиктивным основаниям от своих клиентов, обнальщики предъявляют в банки фальшивые чеки; для выполнения по поручению клиентов денежных переводов третьим лицам изготавливают поддельные платежные поручения. Ответственность за первое деяние установлена ст. 186 УК РФ, второе криминализовано ст. 187 УК РФ. Но если их рассматривать исключительно в ключе незаконной банковской деятельности, это звенья одной цепи, выступая в качестве способа указанной преступной деятельности, они не требуют самостоятельной оценки. То есть налицо конкуренция части и целого — содеянное охватывается нормой, более полно отражающей все его признаки. Так, приговором суда Б. осужден по ч. 2 ст. 210, пп. «а, б» ч. 2 ст. 172 УК [4]. Суд указал, что Б. и другие участники сообщества за вознаграждение предоставляли услуги по переводу денежных средств без открытия счетов, кассовому обслуживанию, которые законом отнесены к банковским операциям. Для этого они использовали не менее 400 расчетных счетов подконтрольных организаций и индивидуальных предпринимателей. На указанные счета клиентами зачислялись

деньги под видом оплаты товаров и услуг. После поступления средств члены Сообщества осуществляли их снятие посредством банковских карт, чековых книжек и выдачу клиентам. Размер извлеченного дохода — не менее 98 млн. руб.

Подобная практика является достаточно распространенной и по изложенным выше доводам представляется верной. Несколько иной позиции придерживается А.Н. Ляскало, по мнению которого санкция ст. 172 УК РФ ниже санкции за деяние — способ, а потому «общественная опасность деяний способов выходит за ее пределы и требует дополнительной квалификации по ст. 186 и ст. 187 УК РФ» [2]. Не оспаривая данные утверждения, обратимся к приговору, которым Р. осуждена по ч. 1 ст. 210, пп. «а» и «б» ч. 2 ст. 172, ч. 2 ст. 187 УК РФ за организацию преступного сообщества в целях использования поддельных платежных поручений и денежных чеков для неправомерного приема, выдачи, перевода денежных средств [5]. Как мы видим в данном примере действия, связанные с изготовлением платежных поручений получили самостоятельную оценку, а денежных чеков нет. При том, что максимальная санкция ст. 172 и 187 УК РФ равна — лишение свободы на срок до семи лет, в то время как идентичный признак в ст. 186 УК РФ предусматривает лишение свободы на срок до пятнадцати лет. Получается, что в случае соответствия санкции за деяние-способ и санкции за многообъектное преступление суд усмотрел совокупность, а в случае, когда санкция за деяние-способ выше нет. Спорный подход, поскольку чеки являются способом кассового обслуживания, платежные поручения — банковских переводов, в обоих случаях они образуют объективную сторону незаконной банковской деятельности. Следуя изложенной логике, требовалась дополнительная квалификация по ст. 186 и 187 УК РФ.

Нельзя согласиться и с исключением из обвинения п. «б» ч. 2 ст. 173.1 УК РФ. По мнению суда Р. и К. подыскивали лиц, готовых за вознаграждение выступить в качестве номинальных учредителей и руководителей организаций, реквизиты которых использовались в деятельности «нелегального банка», а значит, содеянное охватывалось умыслом на совершение преступлений, предусмотренных ст. 187, 172 УК РФ.

По другому делу Т. оказывал возмездные услуги по кассовому обслуживанию юридических лиц посредством организаций, зарегистрированных на подставных лиц; изготавливал в целях создания видимости законной деятельности первичные бухгалтерские документы с внесением в них ложных сведений о реализации подконтрольными организациями товаров, работ (услуг) [6]. Осужден по п. «б» ч. 2 ст. 172 УК РФ. Таким образом, суд посчитал установленным факт создания сети «фирм — однопользователей», но оценку этому не дал, считая, что это способом совершения основного преступления. С этим трудно согласиться. Указанные составы требуют самостоятельной оценки, поскольку одно деяние нарушает установленный порядок создания или реорганизации юридических лиц, вто-

рое посягает на нормальное функционирование денежно-кредитной, финансовой систем государства. По конструкции объективной стороны один состав является формальным, второй — материальным. По объективной стороне — первое деяние предполагает подготовку и представление в регистрирующий орган документов для создания юридического лица, влечет внесение в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставных лицах; второе — осуществление банковских операций без регистрации или без специального разрешения (лицензии) в случаях, когда такое разрешение (лицензия) обязательно [1].

Хотя в доктрине уголовного права обозначенные проблемы проработаны почти десять лет назад, вероятно, ввиду отсутствия ключевых разъяснений ВС РФ своей актуальности они не теряют. Анализ практики показывает, что наряду с отмеченными ошибками допускаются и иные — вместо ст. 172 УК РФ действия обнальщиков, изготовивших платежные поручения или поддельные чеки с целью их последующего предъявления в банк, получают оценку исключительно по ст. 186 УК РФ или ст. 187 УК РФ. Бывает, что изначально неверная квалификация по ст. 187 УК РФ меняется на еще более неверную. Показательным является следующий пример: К. изготовил фиктивные платежные поручения, по которым банк произвел перечисление денег на банковские карточки физических лиц. В последующем деньги обналичивались. Вознаграждение К. составляло 5 % от суммы обналиченных денег. Приговором Московского районного суда г. Чебоксары К. осужден по ст. 187 УК РФ. Верховный суд Чувашской Республики не согласился с квалификацией исходя из того, что «если нарушитель изготовил поддельные банковские карточки не в целях сбыта, а чтобы неправомерно использовать их самому, действия не квалифицируются по ст. 187 УК РФ, приговор отменил за отсутствием состава преступления» [10]. Огорчает тот факт, что указанный пример был актуален до внесения изменений в редакцию ст. 187 УК РФ в 2015 году, однако по состоянию на 2023 год он приводится на нескольких открытых ресурсах сети Интернет. Обозначенная цель — ознакомление с уголовно-правовым запретом и практикой его применения. Комментируя приведенный случай из судебной практики, автор (адвокат) указывает, что «такое изготовление квалифицируется как приготовление к мошенничеству». Во-первых, действующая редакция ст. 187 УК РФ наряду со сбытом предусматривает использование поименованных в статье средств платежей. Во-вторых, согласно разъяснениям ВС РФ, как приготовление к мошенничеству должны квалифицироваться деяния, совершенные с целью сбыта средств платежа, заведомо непригодных к использованию, которые лицо не смогло сбыть по независящим от него обстоятельствам [9]. Очевидно, что подобного рода публикации вносят сумятицу, особенно в головы обратившихся к ним студентов и молодых следователей, что ведет к неправильному применению закона и формированию порочной судебной практики. Не способствуют формированию единообразной су-

дебной практики и ошибочные умозаключения отдельных судов следующего плана: «чек является платежным документом, не являющимся ценной бумагой» [7]. ГК РФ напрямую относит чек к ценным бумагам, что дает основание рассматривать деятельность по подделке чеков через призму ст. 186 УК РФ.

Не менее спорная практика складывается по делам, в которых налоговые преступления выступают в качестве предикатных легализации. Как известно, первоначально они не могли выступать в качестве таковых ввиду прямого исключения законодателем, но в 2013 году в целях выполнения требований международных стандартов в области противодействия отмывания преступных доходов, данное ограничение было исключено. На протяжении десятилетия правоприменитель пытался сформировать практику привлечения к ответственности нерадивых налогоплательщиков за введение преступного дохода в легальный оборот в качестве инвестиций в финансовые инструменты или недвижимость. Однако терминологические несостыковки выступали в качестве препятствия непреодолимой силы — неисполнение конституционной обязанности платить законно установленные налоги не влечет формирование преступного дохода (как того требует состав легализации), а лишь позволяет сберечь свои денежные средства, хотя и незаконным путем. Обозначенная проблема может быть решена, если придерживаться, к примеру, позиции Н.И. Пикурова, согласно которой за счет сбережения части, подлежащей уплате налогов, лицо увеличивает свое имущественное состояние, что означает приобретение лицом криминального дохода [3]. Однако это логика идет в противоречие с экономической наукой, рассматривающей доход как общую выручку от реализации определенного количества товара по определенной цене, то есть учитывающей в качестве условия его формирования осуществление какой-либо законной деятельности. Налоговые платежи — есть издержки фирмы, от размера которых будет зависеть не доход, а размер прибыли. Подтверждает данный тезис и то, что по смыслу гражданского законодательства неуплата налога не прекращает право собственности на законно приобретенное имущество, из которого следует уплатить обязательные платежи, следовательно, незаконно удержанные денежные средства нельзя расценивать как преступно приобретенные. В связи с чем, спорным представляется приговор, которым Т. осужден по п. б ч. 2 ст. 199, ч. 4 ст. 174.1 УК РФ. Являясь директором ООО «В» он умышленно занижал суммы налогооблагаемого оборота организации посредством фиктивных счетов-фактур по оказанию услуг субподряда на выполнение строительных работ. Денежные средства, за счет которых должны были уплачиваться налоги, Т., по мнению суда, легализовал посредством выставления счетов-фактур от имени ООО «П» и ООО «Э» за якобы выполненные строительно-монтажные работы [8]. Подобный подход начинает активно внедряться в практику. В 2023 году не раз сообщалось о предъявлении СК России обвинений бло-

герам в связи с уклонением от уплаты налогов и легализацией преступных доходов. К примеру, Б., оказывая информационные услуги посредством сети Интернет, использовала схему «дробления» бизнеса, занизив полученные доходы и не доплатив налоги за период 2019-2021 года на общую сумму свыше 918 млн рублей [11]. По данным средств массовой информации часть средств была легализована путем оплаты машины мужа и оборудования для его фирмы, гонорара некоего артиста и праздничного мероприятия.

Выявление фактов уклонения от уплаты обязательных платежей лицами, получающими внушительного размера доходы от деятельности в сети Интернет, является несомненным достижением налоговых органов. Сама деятельность не только представляет интерес для контрольных и надзорных органов, но и требует теоретического осмысления мотивационный механизм включения в нее большого числа людей. Согласно данным открытых источников у блогера 5,3 млн подписчиков в Instagram (социальная сеть признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ), часть из них приняли участие в марафоне, цель которого «определить свои истинные желания, правильно их сформулировать, получить желаемое легко и с удовольствием» [12]. Чтобы разбогатеть участник курса должен был сделать пожертвование, размер которого определял самостоятельно.

Возвращаясь непосредственно к теме, напомним, что легализация — это придание правомерного вида владению, пользованию, распоряжению денежными средствами или имуществом, приобретенными преступным путем. Достигается посредством совершения финансовых операций и иных сделок (в том числе, фиктивных), главное чтобы предмет легализации имел преступный источник происхождения, связь с которым в последующем была разорвана. В случае уклонения от уплаты налогов скрывается само существование законно полученного дохода с тем, чтобы он не попал под налогообложение. Дальнейшие действия в отношении указанных средств, связанные с их использованием в предпринимательской деятельности, есть способ распоряжения ими. Если такие деньги выводятся по фиктивным основаниям через «фирмы-однодневки» или индивидуальных предпринимателей и возвращаются в ведение лица, то речь идет скорее о незаконной банковской деятельности и соответственно ответственности лиц ее осуществляющих.

Несомненно, ситуация, когда одни и те же нормы получают различное толкование неприемлема. Также как не допустимо формирование следственной и судебной практики на основе неверного толкования уголовного закона. Вместе с тем, на практике это не редкость, что требует принятия мер со стороны следственных, надзорных, судебных и иных органов.

Литература

1. Кондраткова Н.В. Уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации незаконной банковской деятельности: учебное пособие; под общ. ред. — М.: Московская академия СК России, 2021. — 76 с.
2. Ляскало А.Н. Проблемы применения уголовного закона об ответственности за незаконную банковскую деятельность // Деньги и кредит. 2015. № 2. С. 34 — 39.
3. Пикуров Н.И. Налоговые преступления как предикатные в отношении легализации преступных доходов: подходы к реализации международных стандартов. — Москва: МУМЦФМ, 2014. — 152 с.
4. Приговор от 24 июля 2020 г. по делу № 1-172/20 URL: <https://sudact.ru/regular/doc/eXP6uc2OuB5p/> (дата обращения: 24.04.2023).
5. Приговор от 19 сентября 2018 г. по делу № 1-109/2018 URL: <https://sudact.ru/regular/doc/bRxLpF6ydMW4/> (дата обращения: 24.04.2023).
6. Приговор от 21 июля 2020 г. по делу № 1-197/2020 URL: <https://sudact.ru/regular/doc/TwwJJYeWmTLt> (дата обращения: 24.04.2023).
7. Приговор от 17 февраля 2015 г. по делу № 1-33/2015 URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0j7MFB2GEpmh/> (дата обращения: 24.04.2023).
8. Приговор от 06 декабря 2018 г. по делу № 1-477/2018 URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 24.04.2023).
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» URL: <https://rg.ru/documents/2017/12/11/sud-moshennichestv-dok.html> (дата обращения: 24.04.2023).
10. Ст. 187 УК РФ — Неправомерный оборот средств платежей URL: <https://prava.expert/uk/otvetstvennost/za-nepravomernyj-oborot-sredstv-platezhej.html> (дата обращения: 24.04.2023).
11. Новости Следственного комитета Российской Федерации URL: <https://moscow.sledcom.ru/news/item/1784746/> (дата обращения: 15.05.2023).
12. Блиновская Марафон Желаний — официальный сайт URL: <https://marafon-zhelanija.ru/#reviews> (дата обращения: 15.05.2023).

ЭЛЕМЕНТНЫЙ СОСТАВ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ, ХРАНЕНИЯ, ПЕРЕВОЗКИ ИЛИ СБЫТА ПОДДЕЛЬНЫХ ДЕНЕГ

Н. К. Коровин

Новосибирский государственный технический университет

старший преподаватель

knk3746@mail.ru

Аннотация: в данной работе рассматривается элементный состав криминалистической характеристики изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных денег. Выделяются способ совершения преступления, его время и место совершения, следы, обстановка, характеристики личности потерпевшего и характеристика личности преступника и др.

Ключевые слова: способ совершения преступления, характеристика преступника, следы.

Abstract: in this paper, the elemental composition of the forensic characteristics of the manufacture, storage, transportation or sale of counterfeit money is replaced. The method of committing the incident, its time and commission, traces, situation, personality characteristics of the victim and characteristics of the personality of the offender, etc. are singled out.

Key words: method of committing a crime, characteristics of the offender, traces.

Изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег было распространено еще в древние времена, однако в настоящее время в связи с повсеместным использованием информационных и цифровых технологий, возможностью сканирования, распечатки различных документов, в том числе и денег, на высококачественной аппаратуре, появляются новые способы подделки денежных средств, что в соответствии со ст. 186 УК РФ [4], является уголовно-наказуемым деянием. Следует отметить, что сложность раскрытия изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных денег, определяется спецификой совершения преступления данного вида [1].

Рассматривая элементный состав криминалистической характеристики преступления, которая составляется на основе ранее раскрытых преступлений, используя опыт расследования аналогичных преступлений, судебную практику, следует выделить наиболее значимые элементы и создать типичную криминалистическую характеристику изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных денег. При этом при расследовании новых аналогичного вида преступлений сопоставляя различные элементы характеристики с реальными событиями вырабатываются различного рода версии, сужается круг лиц, среди которых следует установить и задержать преступника.

На первоначальном этапе расследования основным следственным действием можно считать осмотр места происшествия, по результатам которого в первую очередь обнаруживаются поддельные денежные знаки с признаками подделки. Ставится вопрос по определению способов изготовления и сокрытия преступления, характерных для каждого этапа со-

вершения преступления как на этапе изготовления в виде полной или частичной подделки, рисованные, переклейка, использование компьютерной и множительной техники. А также перед следствием ставится вопрос какие орудия и средства применялись при совершении преступления. Далее следует определить места изготовления, хранения, с помощью каких транспортных средств осуществлялась перевозка, а также сбыт поддельных денег, если рассматривать подделку денег на принтере, то следует изучить свойства принтеров, принцип печати, наложения краски, также важным значением будет знание средств защиты документов, особенно денежных знаков, а это специальные материалы, бумага, краситель, люминесцентные вещества, специальные средства печати, Орловская и ирисная печать, микроперфорация, металлизированная полоса, высокая и глубокая печать, элемент OVI, КИПП-эффект, металлографская печать и др. При этом следует производить качественный осмотр документов [2].

При осмотре места происшествия по расследованию изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных денег очень важно внимательно осматривать окружающую обстановку помещений на наличие возможных тайников, скрытых небольших помещений. Также нужно помнить о возможном наличии орудий, предметов и материалов, с помощью которых происходило изготовление поддельных денег. Уделить внимание средствам компьютерной технологии. Важным действием при осмотре места происшествия является фиксация результатов в виде протокола осмотра места происшествия, а также в виде фотографий и видеозаписей. При фотосъемке необходимо использовать масштабную линейку с фиксацией размерных характеристик и номеров обнаруженных банкнот с лицевой и оборотной сторон. При этом следует уделить должное внимание на осмотр поддельных денежных знаков, определение признаков подделки, направление на криминалистические экспертизы. Поддельные денежные средства проверяются по криминалистическим учетам, с возможным установлением поддельных денег с иных мест или проходящих по иным уголовным делам.

Производится допрос свидетелей и лиц, выявивших поддельную купюру. Ими могут быть покупатели, кассиры, продавцы, которые в момент сбыта поддельной банкноты находились где-то рядом. А при самой подделке банкнот свидетелями могут стать родственники, знакомые, которые выявляются во время проведения оперативно-розыскных мероприятий, а именно опросов граждан, наблюдений, наведений справок. Важным мероприятием является установление примет предполагаемого преступника, его возраст, социальный статус, образование, а также любая другая информация, имеющая какое-либо отношение к расследуемому преступлению.

Посредством производства оперативно-розыскных мероприятий при наличии типичной характеристика личности преступника, часто, это ор-

ганизованная группа, организатор это лицо с определенным достатком денежных средств, который приобрел дорогостоящую аппаратуру высокого качества печати, организовал место изготовления, как правило это однокомнатная квартира, может быть съемная, в качестве изготовителей может привлекать рядовых исполнителей, студентов или иных лиц, владеющих в совершенстве компьютерной грамотностью, производится его поиск и задержание. В качестве перевозчика и сбытчика может выступать иное лицо или непосредственно сам организатор.

При задержании является личный обыск. Обыск проводится в транспортных средствах, в гараже, на даче, дома у друзей, родственников или знакомых и иных местах возможного пребывания подозреваемого. Важно уделить внимание персональному компьютеру, на котором могут храниться электронные документы, переписки в социальных сетях, письма на электронной почте с какой-либо информацией о совершенном поступке.

Установив место производство подделки денег следует проводить обыск в этих местах во взаимосвязи с местом хранения, перевозки или сбыта поддельных денег, а также возможном нахождении следов преступления [3]. Объективную сторону рассматриваемого преступления составляют четыре альтернативных действия: изготовление, хранение, перевозка, сбыт поддельных денег или ценных бумаг. Изготовление поддельных денег является окончанным преступлением независимо от осуществления сбыта, то есть если изготовлен, хотя бы один денежный знак с целью его последующего сбыта. Приобретение заведомо поддельных денег в целях их последующего сбыта в качестве подлинных образует приготовление на данное преступление. Сбыт поддельных денег или ценных бумаг является окончанным с момента единичного их использования или передачи.

Таким образом, элементный состав криминалистической характеристики изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных денег имеет свою специфику, во-первых, следует выделить способ совершения преступления в виде изготовлением, хранением, перевозкой или сбытом поддельных денег, являющейся одной из разновидности подделки документов. В способе совершения следует три стадий, а это подготовительная, стадия совершения и сокрытия, а вторых имеет свою особенность характеристика личности, как потерпевшего, так и лица, совершившего подделку документов в области высоких компьютерных технологий. Криминалистическая характеристика имеет огромное практическое значение, поскольку объединяет обширную разрозненную информацию о преступлениях рассматриваемой группы включающая в себя: характеристику типичной исходной криминалистический значимой информации, место и обстоятельства обнаружения преступления, систему данных о типичных способах подготовки, совершения и сокрытия преступлений в совокупности с типичными последствиями их применения, обобщенные

данные о личности вероятных преступников и преступных групп и многие другие элементы, и тем самым способствует максимально эффективному выявлению, раскрытию и расследованию преступлений в сфере методики расследования изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных денег. Зная типовую криминалистическую характеристику преступников, мы можем определить круг лиц, совершающих данные преступления, выработать рабочий план расследования в целях проведения неотложных следственных и оперативно-розыскных мероприятий по их поиску и задержанию.

Литература

1. Карпухина А.Н. Фальшивомонетчество в России: статистическое исследование современной динамики // Проблемы экономики, финансов и управления производством. — 2012. — № 32. — С. 217-221.
2. Коровин Н.К. Особенности осмотра места происшествия при расследовании хищений, совершенных с помощью сети интернет / Н.К. Коровин // Закон и право. 2017. № 5. С. 112-115.
3. Сумникова О.Г. Криминалистически значимые сведения о фальшивомонетничестве // Вестник Московского университета МВД России. 2012. №3.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Рос. газ. — 1996.

ОРГАНИЗАЦИЯ НЕЗАКОННОГО ВООРУЖЕННОГО ФОРМИРОВАНИЕ ИЛИ УЧАСТИЕ В НЕМ (СТ. 208 УК РОССИИ)

Е. Э. Коточигов

Новосибирский государственный университет
экономики и управления
старший преподаватель кафедры уголовного права
и национальной безопасности
111kotohigov111@mail.ru

Аннотация: статья посвящена рассмотрению положений статьи 208 УК России «Организация незаконного вооруженного формирования или участия в нем».

Ключевые слова: проблемы, преступление, организация, незаконное вооруженное формирование.

Abstract: article is devoted to consideration of provisions of article 208 of the criminal code of the Russian Federation (the organization of illegal armed formation or participation in it)

Keywords: problem, criminal act, organization, militias.

Несмотря на то, что норма, регламентирующая уголовную ответственность за создание, руководство, финансирование незаконного вооруженного формирования (далее — НВФ), а равно за участие в таком формировании, введена в Уголовный кодекс Российской Федерации (да-

лее — УК РФ) изначально, однако претерпела неоднократные изменения, например, в части вида и размера наказания. Рассматриваемый вопрос и в настоящее время является актуальным, так как в науке и законодательстве до сих пор имеются некоторые противоречия и пробелы.

Согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации, под НВФ следует понимать не предусмотренные федеральным законом объединение, отряд, дружину или иную вооруженную группу, созданные для реализации определенных целей [1].

Первый вопрос заключается в неопределенности формы и вида соучастия. Ряд авторов отмечают возможность существования НВФ в форме преступного сообщества. Если придерживаться указанной позиции, то, исходя из положения ч. 5 ст. 35 УК РФ, следует, что в зависимости от степени организованности, структуры, устойчивости и ряда иных признаков НВФ может существовать только при сложной форме соучастия в виде организованной группы или преступного сообщества (преступной организации).

Однако, ч. 4 ст. 35 УК РФ указывает на то, что целью деятельности преступного сообщества (преступной организации) является совершение одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. Указанная цель в виде получения финансовой и материальной выгоды не служит целью организации и функционирования НВФ, в связи с чем признать НВФ преступным сообществом нельзя, а вооруженную группу, которая преследует извлечение финансовой или иной материальной выгоды, необходимо относить к банде, исходя из положений ст. 209 УК РФ [2].

Таким образом, можно однозначно утверждать, что НВФ следует относить именно к организованной группе, что также поддерживается в науке [4].

Второй вопрос заключается в том, что из буквального толкования понятия НВФ, предлагаемого высшим судебным органом, можно сделать вывод, что любое объединение лиц в форме отряда, дружины, иного образования при наличии у них вооружения и четко установленной цели его создания и деятельности фактически можно признать НВФ, а действия его участников квалифицировать по ч. 1 или ч. 2 ст. 208 УК России. В связи с этим под уголовную ответственность могли бы подпадать отряды казаков (до легализации их формирования и существования на законодательном уровне), члены различных общин, живущие далеко от цивилизации и собравшиеся, вооружившиеся для защиты исключительно членов своей же общины от противоправных вторжений извне.

В связи с этим напрашивается два пути решения данного вопроса:

– законодательное закрепление в ст. 208 УК РФ цели создания и функционирования НВФ как заведомо противоправной, нарушающей охраняемые уголовным законом интересы;

– учет положения ст. 35 УК РФ, где отражена цель создания организованной группы, в рамках которой в последствие совершаются преступления.

Относительно цели создания НВФ в доктрине отмечается, что законодатель не закрепил в ст. 208 УК РФ цель создания НВФ, т.к. данное формирование может быть создано не только для совершения преступлений террористической направленности, но и для совершения общеуголовных преступлений [4]. Указанное положение также подтверждает вышеотмеченные тезисы о том, что цели создания НВФ можно приравнять к целям создания организованной группы — совершение одного или нескольких преступлений.

Рассматривая данную проблему, нельзя не отметить позицию высшего судебного органа, согласно которой ответственность за пособничество по ч. 3 ст. 205.1 УК РФ наступает при условии, если оно имело место в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 208 УК РФ. Указанное пособничество охватывается ч. 3 ст. 205.1 УК РФ и не требует дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 208 УК РФ. В данном случае при наличии лица, выполняющего исключительно пособнические функции при создании, руководстве НВФ или его финансировании (например, приобретение и доставка оружия по указанию создателя НВФ), лицо выходит из-под действия ч. 1 ст. 208 УК РФ и несет ответственность по иной норме уголовного закона. Наличие данного механизма противоречит правовой природе института соучастия, которая носит акцессорный характер, в связи с чем ответственность иных соучастников ставится в прямую зависимость от объема и степени ответственности исполнителя преступления. Кроме того, неясен и факт того, что при покушении на создание НВФ, лицо, выполнившее в полном объеме свои пособнические в данном преступлении функции, может нести ответственность как за оконченное преступление по ч. 3 ст. 205.1 УК РФ, а лицо, совершившее действия, направленные на создание НВФ, но не доведенные до конца по независящим от указанного лица обстоятельствам, будет нести ответственность за неоконченное преступление, что противоречит положениям ст. 34 УК России.

При этом ч. 2 ст. 208 УК России расширяет пределы уголовной ответственности за участие в НВФ, причисляя к нему также участие на территории иностранного государства в вооруженном формировании, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащих интересам Российской Федерации. Указанное свидетельствует о том, что ст. 208 УК России предусматривает уголовную ответственность за создание, и финансирование НВФ, созданного только на территории Российской Федерации, а также за руководство деятельностью такого формирования, в то время как при участии в НВФ рамки уголовной ответственности расширяются по территориальному признаку. Таким образом, наблюдается пробел данной норме уголовного закона.

Литература

1. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», п. 23: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) // Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
2. Грачева Ю.В. Незаконное вооруженное формирование: состояние и перспективы уголовно-правового регулирования. Журнал LEX RUSSICA Издательство: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — М., 2018 год. — С. 82-91.
3. Дмитриенко А. В. Уголовно-правовой и криминологический аспекты организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем: дис. ... канд. юрид. наук. — Ростов-на-Дону, 2003. — 168 с.
4. Смирнов И.О. Уголовно-правовая характеристика организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2014 год. — 22 с.

РОЛЬ ПРОКУРАТУРЫ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ

Т. Д. Кротова

Новосибирский государственный университет экономики и управления
студентка

Ms.tana0103@mail.ru

Аннотация: в работе рассматривается роль прокуратуры в противодействии коррупции. Данная тема является актуальной для настоящего времени, так как сегодня в России уделяется огромное внимание противодействию коррупции. В статье деятельность органов прокуратуры по противодействию коррупционным правонарушениям подразделяется на три этапа.

Ключевые слова: Президент, прокуратура, прокурорский надзор, коррупция, противодействие коррупции.

Abstract: the paper examines the role of the Prosecutor's office in combating corruption. This topic is relevant for the present time, since today in Russia great attention is paid to combating corruption. The activities of the Prosecutor's Office to counter corruption offenses in the country are divided into three stages.

Keywords: President, Prosecutor's office, corruption, anti-corruption, prosecutor's supervision.

Одной из основных угроз для общественной и государственной безопасности являются коррупционные правонарушения. Так, Указом Президента Российской Федерации № 460 была утверждена Национальная стратегия противодействия коррупции, где были прописаны основные направления деятельности, направленной на ликвидацию коррупционных правонарушений в государстве.

Одним из органов, имеющих полномочия на реализацию антикоррупционных мер, является прокуратура. Пределы полномочий данного госу-

дарственного органа изложены в ст.1 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» [1].

В структуре органов прокуратуры каждого региона, включая Генеральную прокуратуру Российской Федерации, имеются подразделения по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции. Сотрудниками данных подразделений осуществляется деятельность по следующим направлениям:

- установление коррупционных правонарушений и осуществление проверок факта их наличия;
- реализация надзора за соблюдением требований УПК РФ в процессе расследования коррупционных правонарушений;
- поддержание государственного обвинения в судебных разбирательствах по делам, связанным с коррупционными преступлениями;
- международное сотрудничество с уполномоченными органами иностранных государств по вопросам, связанным с противодействием коррупции;
- надзор за исполнением законодательных требований о борьбе с коррупционными правонарушениями и разработка предложений по совершенствованию законодательных норм [1].

Деятельность органов прокуратуры по противодействию коррупционным правонарушениям в стране подразделяется на три этапа.

Первый этап характеризуется реализацией профилактических мер. Основным направлением работы прокурора является антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов и их проектов. В случае выявления неточностей или признаков нарушения антикоррупционного законодательства прокурор имеет возможность требовать изменения нормативно-правового акта в соответствии со ст. 9.1 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» [1].

На профилактическом этапе также осуществляется взаимодействие с гражданским обществом, СМИ и общественными организациями. Целью такого взаимодействия является разъяснение законодательных требований. Важным элементом антикоррупционной деятельности является формирование в сознании граждан нетерпимого отношения к коррупционным явлениям. Как известно, в нашей стране коррупция стала восприниматься если не нормой, то обыденным явлением [2]. Население перестало настороженно относиться к взяточничеству, превышению должностных полномочий сотрудников государственных органов и т. д. Воспринимая коррупцию в качестве неотъемлемой характеристики действительности, граждане неосознанно потакают правонарушителям [3].

Генпрокуратура Российской Федерации и прокуратуры субъектов Российской Федерации имеют собственные веб-страницы, на которых размещается актуальная информация и принимаются обращения граждан. В случае возникновения вопросов или жалоб граждане также могут воспользоваться горячей линией или обратиться в приемное отделение.

На первом этапе важным элементом также выступает развитие правосознания в обществе. С этой целью органами государственной власти различного уровня, образовательными и общественными организациями инициируется проведение просветительских мероприятий. К участию в данных мероприятиях приглашаются сотрудники прокуратуры.

Органы прокурорского надзора привлекают СМИ к распространению информации о собственной антикоррупционной деятельности. Информационные сообщения размещаются в Интернет-пространстве, на телевидении, в общественных местах [2]. Эффективным методом повышения правосознания общества являются печатные буклеты. Ведется работа по созданию социальной рекламы.

Второй этап противодействия коррупционным правонарушениям связан с выявлением фактов коррупции, пресечением преступной деятельности, расследованием и раскрытием преступлений. Органы прокуратуры осуществляют надзор за оперативно-розыскной деятельностью, связанной с расследованием коррупционных преступлений [3]. Не меньшее значение имеет координация деятельности правоохранительных органов, задействованных в борьбе с преступностью. Помимо надзора за оперативно-розыскной деятельностью прокуроры уполномочены выявлять факты коррупционных правонарушений при использовании государственного имущества и размещении заказов на приобретение товаров с целью обеспечения государственных нужд [2]. Органы прокуратуры также уполномочены осуществлять уголовное преследования субъектов, нарушивших антикоррупционное законодательство.

Третий этап характеризуется деятельностью, направленной на минимизацию и ликвидацию последствий коррупционных правонарушений. При помощи средств прокурорского надзора прокуратура добивается возмещения причиненного ущерба. Например, прокурор уполномочен инициировать обращение в арбитражный суд с целью признания какой-либо сделки недействительной.

Таким образом, сегодня органы прокуратуры имеют большое количество полномочий, позволяющих реализовывать направления антикоррупционной политики [4]. К сожалению, коррупционные явления превратились в обыденную реальность российского общества, а борьба с ними представляет сложную задачу. Деятельность прокуратуры можно подразделить на три последовательных этапа. Первый этап имеет превентивное значение и направлен на повышение правосознания в обществе. Второй этап связан с непосредственным расследованием и пресечением преступлений, а третий этап ориентирован на ликвидацию негативных последствий, вызванных коррупционными правонарушениями.

Литература

1. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 29.12.2022) // Российская газета. — 25.01.1992. — № 8.
2. Онуфриенко А.В. Роль органов прокуратуры Российской Федерации в борьбе с коррупцией // Вестник МФЮА. — 2021. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-organov-prokuratury-rossiyskoy-federatsii-v-borbe-s-korrupsiyey> (дата обращения: 01.06.2023).
3. Рубцова М.В. Деятельность органов прокуратуры Российской Федерации в сфере противодействия коррупции // The Scientific Heritage. — 2020. — № 57-4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-organov-prokuratury-rossiyskoy-federatsii-v-sfere-protivodeystviya-korrupsiyi> (дата обращения: 15.06.2023).

СХОДСТВА И ОТЛИЧИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ И ПРЕВЫШЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

А. В. Лисов

Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации
магистрант

Аннотация: в статье актуализированы вопросы борьбы с должностными преступлениями. Кроме того, обращено внимание на необходимость правильного представления о содержании охраняемых уголовным законом общественных отношений, что позволяет определить, что именно является запрещенными деяниями и в каких случаях они считаются преступными, в частности когда деяние следует считать злоупотреблением должностными полномочиями или их превышением.

Ключевые слова: злоупотребление, превышение, должностные полномочия, субъективная сторона.

Abstract: the article actualizes the issues of combating official crimes. In addition, attention is drawn to the need for a correct understanding of the content of public relations protected by criminal law, which makes it possible to determine what exactly are prohibited acts and in which cases they are considered criminal, in particular when the act should be considered an abuse of official powers or their excess.

Keywords: abuse, excess, official authority, subjective side.

Злоупотребление должностными полномочиями подразумевает использование служебного положения или власти для личной выгоды или получения несправедливых преимуществ. Это может включать в себя коррупцию, неправомерные действия, необоснованное присвоение государственных средств или ресурсов, злоупотребление влиянием и т. д.

Такие действия имеют серьезные последствия для общества. Во-первых, они приводят к негативным экономическим последствиям, так как злоупотребление может включать в себя хищение или растрату государственных средств, что приводит к сокращению финансирования на важные общественные нужды и услуги. Во-вторых, злоупотребление должностными полномочиями приводит к недоверию к государственным институтам и организациям. Это влияет на развитие демократических

процессов, так как люди начинают терять веру в эффективность и справедливость власти. Третье, такое злоупотребление становится причиной нарушения прав и законных интересов граждан. Власть предполагает ответственность и защиту интересов людей, но злоупотребление может привести к неправильным решениям, несправедливому обращению и ограничению прав и свобод граждан. Для борьбы с злоупотреблением должностными полномочиями необходима эффективная система контроля и наказания. В целом, борьба с злоупотреблением должностными полномочиями является важной задачей для общества. Только путем устранения этого явления можно построить доверительные и развивающиеся отношения между гражданами и государством.

В современном мире возникают проблемы, связанные с соотношением указанных в данной работе преступных составов. Исходя из исследованной судебной практики, уровня латентности данных составов, с целью обоснования актуальности считается необходимым отметить трудности надлежащей квалификации преступных действий, возникающие у субъектов применения данных норм.

В связи с этим, важно разграничить злоупотребление должностными полномочиями и их превышение. Злоупотребление должностными полномочиями подразумевает использование полномочий должностного лица вопреки интересам службы, порядка ее прохождения или аппарата публичной власти с целью получения личной выгоды или причинения вреда третьим лицам. Превышение должностных полномочий, в свою очередь, подразумевает превышение пределов своих полномочий должностным лицом при исполнении должностных обязанностей.

Ранее, перед внесением изменений в июле 2022 года, разграничительным признаком в случае должностного преступления могла быть лишь корыстная или иная личная заинтересованность, являющаяся обязательной для должностного злоупотребления. Однако, согласно внесенным изменениям, этот мотив стал характеристикой особо квалифицированного состава должностного превышения (часть 3 статьи 286 УК РФ, пункт «е»). Таким образом, уголовный закон не предусматривает использование наличия или отсутствия указанных мотивов в качестве критерия разграничения комментируемых преступлений.

Решение поставленной проблемы разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 285 и 286 УК РФ, предполагает обращение к тексту постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19, где как должностное злоупотребление предписывается квалифицировать «действия должностного лица, которое из корыстной или иной личной заинтересованности совершает входящие в круг его должностных полномочий действия при отсутствии обязательных условий или оснований для их совершения» (пункт 15), а одним из видов превышения должностных полномочий признаны действия должностного лица «при исполнении служебных обязанностей», которые «могут быть

совершены только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте» (пункт 19) [5].

Основным критерием, сближающим должностные злоупотребления и превышения, является наличие или отсутствие юридических последствий в результате совершения указанных действий. Если комментируемые посягательства приводят к наступлению юридических последствий (например, нарушение прав и законных интересов, причинение имущественного ущерба), то это квалифицируется или как должностное злоупотребление или как превышение должностных полномочий.

Например, действия руководителя муниципального предприятия, официально трудоустроившего своего знакомого и получающего за него деньги, которые он использует на личные нужды, повлекли существенное нарушение прав и законных интересов предприятия и его собственника. В данном случае наступили юридические последствия в виде имущественного ущерба, поэтому это квалифицируется как должностное злоупотребление. С другой стороны, действия начальника отдела полиции, который давал незаконные указания своим подчиненным сотрудникам не досматривать автомобиль и не проводить процессуальные действия по выявлению противоправной деятельности своего отца, связанной с немаркированной алкогольной продукцией, квалифицируется как превышение должностных полномочий [2].

Принуждение к даче показаний, как специальный вид превышения должностных полномочий, нарушает права и свободы граждан, заложенные в Конституции РФ. Такие действия сотрудников правоохранительных органов являются неправомерными и могут привести к ответственности в соответствии с уголовным законодательством (ст. 302 УК РФ).

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 21.11.2022, с изм. от 08.12.2022) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, N 25, ст. 2954.
2. Борков В. Н. Разграничение злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий с учетом форм реализации должностными лицами государственных функций // Ведомости уголовно-исполнительной системы. — 2023. — № 5(252). — С. 4-13.
3. Городнова О. Н., Иванцова Н.В. Принцип справедливости — презумпция или фикция уголовного права? // Юридическая техника. — 2010. — № 4. — С. 123-129.
4. Городнова, О. Н. Правовая действительность и правовая идеология как соотносимые и взаимосвязанные категории // Вестник Российского университета кооперации. — 2019. — № 4(38). — С. 109-112.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. N 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными

полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда РФ, N 12, декабрь, 2009.

ПРОБЛЕМЫ ИСЧИСЛЕНИЯ КРУПНОГО УЩЕРБА ПРИ НЕЗАКОННОМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ

О. О. Лю-зайсан

Новосибирский государственный университет экономики и управления
студентка

olya_lyu99@mail.ru

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и национальной безопасности НГУЭУ **Д. А. Савченко**

Аннотация: опираясь на разные точки зрения теоретиков и практиков, рассмотрена одна из важных проблем, затрагивающая исчисление крупного ущерба при незаконном предпринимательстве. Рассматриваются дискуссионные вопросы, связанные с определением крупного ущерба как признака незаконного предпринимательства как преступления, посягающего на нормальное функционирование экономической системы в России, ответственность за которое предусмотрена ст. 171 УК РФ. Анализируются разные точки зрения по исследуемому вопросу, высказывается авторская позиция.

Ключевые слова: уголовный закон, преступления в сфере экономической деятельности, незаконное предпринимательство, степень общественной опасности, доход, упущенная выгода, ущерб, крупный ущерб, крупный размер, проблемы исчисления крупного ущерба при незаконном предпринимательстве.

Abstract: based on different points of view of theorists and practitioners, one of the important problems affecting the calculation of major damage in illegal entrepreneurship is considered. The debatable issues related to the definition of major damage as a sign of illegal entrepreneurship as a crime that encroaches on the normal functioning of the economic system in Russia, responsibility for which is provided for in Article 171 of the Criminal Code of the Russian Federation, are considered. Different points of view on the issue under study are analyzed, the author's position is expressed.

Key words: criminal law, crimes in the sphere of economic activity, illegal entrepreneurship, degree of public danger, income, lost profit, damage, large damage, large size, problems of calculating large damage in illegal entrepreneurship.

Актуальность темы вызвана тем, что сегодня обстановка в нашей стране существенно влияет на экономическую сферу. Последствия пандемии, а затем санкционные ограничения неждужественных стран по отношению к России, привели к экономическому кризису во всем мире. Особую опасность сегодня представляют экономические преступления, которые в такие сложные периоды очень распространяются из-за ограниченных возможностей легального получения дохода. Один из важных вопросов в данной сфере — вопрос определения ущерба применительно к ст. 171 УК РФ. При выявлении ущерба от незаконной предпринимательской деятельности возникает ряд проблем правоприменения. Прежде всего, это отсутствие единства взглядов на понятие «крупный ущерб»,

как и отсутствие единообразной правоприменительной практики, бланкетность норм о незаконном предпринимательстве [19]. Есть и другие проблемы, например, сложность установления экономических характеристик убытков, неоднозначность состава имущественного вреда (включение в ущерб упущенной выгоды), неопределенность методик расчета убытков и др. Поэтому при расследовании таких дел возникают трудности. Рассмотрим некоторые из них.

Характеристика ущерба, причиненного незаконным предпринимательством, до сих пор относится к нерешенным вопросам, поэтому возникают споры и разногласия, как в науке, так и правоприменительной практике.

В настоящее время признаки ущерба в законодательстве не раскрываются. В целом диспозиции норм гл. 22 УК РФ недостаточно описывают конструктивный признак ущерба, а акты юридического и судебного толкования, раскрывающие понятие ущерба применительно к составам данной главы, отсутствуют [16, с. 102].

Рассмотрим подробнее понятие «ущерб» применительно к ст. 171 УК РФ.

В теории уголовного права существует два основных подхода к определению ущерба. По первому подходу (Б. В. Волженкин, А. Э. Жалинский, Н. А. Лопашенко) ущерб толкуется широко. Так, Б. В. Волженкин считает, что ущерб должен определяться реальным ущербом и упущенной выгодой. Схожая позиция у Б. В. Волженкина, крупный ущерб он рассматривает как материальный ущерб в виде реального ущерба и упущенной выгоды. Н. А. Лопашенко под крупным ущербом понимает его размер, характер (материальный вред или упущенная выгода), другие обстоятельства. По второму подходу ученые (М. Г. Жилкин, Б. В. Яценко) понятие ущерба толкуют узко, не принимая во внимание упущенную выгоду и все вытекающие из нее последствия [16].

Что касается правоприменительной практики, то в ней прослеживается тенденция, при которой «в ущерб включаются только фактические, реально наступившие последствия, без учета возможных, т. е. упущенной выгоды» [17, с. 250].

Уголовный закон под незаконным предпринимательством по ст. 171 УК РФ понимает нарушение императивных норм гражданского права об обязательной государственной регистрации предпринимательской деятельности, ее лицензировании или аккредитации. Состав преступления формальный, уголовная ответственность наступает, если: а) причинен крупный ущерб гражданам, организациям или государству; б) деяние сопряжено с извлечением дохода в крупном размере. Следовательно, ст. 171 УК РФ направлена против незаконного предпринимательства, но только того, которое причинило крупный ущерб или сопряжено с извлечением дохода в крупном размере, а также осуществляется с квалифицирующими признаками, указанными в ч. 2 этой статьи (совершено органи-

зованной группой, сопряжено с извлечением дохода в особо крупном размере).

Крупным размером признается, если сумма извлеченного дохода превышает 2 млн 250 тыс. руб., а особо крупным — более 9 млн руб. (примечание к ст. 170.2 УК РФ) [1].

Степень общественной опасности определяются в зависимости от общественно опасных (вредных) последствий деяния. Общественно опасные последствия объективной стороны состава преступления по ч. 1 ст. 171 УК РФ представлены в виде крупного ущерба, причиненного гражданам, организациям или государству, либо в виде незаконного дохода в крупном размере. Крупным в ст. 171 УК РФ признается ущерб или доход в размере 2 млн 250 тыс. руб. Это жесткая планка уголовной ответственности, потому что доход и ущерб не являются оценочными категориями. Такой размер ущерба или криминального дохода не обусловлен ни экономически, ни социально. Чтобы понять причины, по которым законодатель ввел такую высокую планку уголовной ответственности, обратимся к понятиям «доход» и «ущерб» в контексте криминальной экономической деятельности.

Содержание понятия «доход от незаконного предпринимательства» раскрывается посредством обращения к судебной практике. В п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» разъясняется, что «под доходом понимается выручка от реализации товаров, работ, услуг, исчисленная за период осуществления незаконной предпринимательской деятельности и связанная с такой деятельностью, без вычета произведенных лицом расходов» [2]. Такое толкование дохода вполне соотносится с его размером [10]. Но, с другой стороны, учитывая, что лицо, осуществляет деятельность по систематическому извлечению прибыли без государственной регистрации, обнаружить, а, тем более, доказать факт извлечения прибыли в размере 2 млн 250 тыс. руб. не просто, а иногда даже невозможно.

Кроме того, чтобы деяние квалифицировать по ст. 171 УК РФ, необходимо установить причинно-следственную связь между причиненным ущербом и незаконной предпринимательской деятельностью виновного. То есть именно из-за того, что человек осуществляет незаконную предпринимательскую деятельность, возникает крупный ущерб как общественно опасное последствие. Такая связь необходима, объективна определена, естественно влечет наступление последствий. Так, если лицо осуществляло часть своей предпринимательской деятельности законно, а другую без лицензии или аккредитации, то при исчислении дохода следует учитывать только выручку, полученную от деятельности, которую предприниматель вел незаконно. Примеры из практики показывают широкую следственную и судебную дискрецию, которая требует установления границ в определении алгоритма исчисления дохода, конкретизации его содержания от незаконной предпринимательской деятельности [3; 4].

Ущерб же, как общественно опасное последствие незаконного предпринимательства, очень редкий признак, на который ссылаются суды в своих решениях. Чаще можно встретить приговоры судов, где лицо привлекается к уголовной ответственности за незаконную предпринимательскую деятельность, сопряженную с извлечением дохода в крупном размере [7; 9]. А вот что понимается под ущербом (убытки, реальный ущерб или упущенная выгода) понять не просто. Фактически является ли то или иное деяние незаконным предпринимательством, причиняющим крупный ущерб, решает суд.

Но если вопрос о содержании крупного дохода решен в п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ, то о крупном ущербе в нем не говорится. В примечании к ст. 170.2 УК РФ определена сумма, определяющая размер как крупный и особо крупный (ущерб, доход и т. д.), но «механизм его определения не устанавливается» [17, с. 251]. Поэтому на практике чаще встречаются приговоры, где указывается на извлечение дохода в крупном размере, а не на причинение крупного ущерба. Например, «в отношении Ш. вынесен приговор по признаку извлечения дохода в крупном размере» [6].

Из диспозиции ст. 171 УК РФ видно, что причинение крупного ущерба — это обязательный признак всех форм незаконного предпринимательства, т. е. осуществления предпринимательской деятельности без регистрации, без специального разрешения (лицензии) или аккредитации. Отсюда вытекает еще одна проблема — обоснованность отнесения законодателем причинения ущерба ко всем формам незаконного предпринимательства. Так, вызывает дискуссии вопрос установления признака «крупный ущерб гражданам, организациям или государству», выступающего в качестве общественно опасного последствия в объективной стороне преступлений, предусмотренных ст. 171 и ст. 172 УК РФ (незаконная банковская деятельность). В результате ставится вопрос о целесообразности использования законодателем этого признака в диспозициях отдельных преступлений в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности [12].

Изучение материалов судебной практики по делам о незаконной банковской деятельности также показывает, что признак «причинение крупного ущерба» вменяется в единичных случаях. В некоторых ситуациях в судебных решениях крупный ущерб в качестве составообразующего признака преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ, не вменялся, но в тексте судебного решения, тем не менее, находил свое отражение [5; 8]. Отметим, что среди ученых уже долгое время существует мнение о необходимости исключения признака причинения крупного ущерба из числа составообразующих в ряде преступлений гл. 22, в том числе и незаконном предпринимательстве [16]. Это обосновывается, в частности, отсутствием причинной связи (необходимой, объективно обусловленной и закономерно влекущей наступление последствий) между осуществлением

незарегистрированной или нелицензированной предпринимательской деятельности и причинением крупного ущерба. Н. А. Лопашенко указывает, что в случаях со статьями 171 и 172 УК РФ «отнесение связи между общественным деянием и наступившими последствиями к причинной вызывает возражения» [13, с. 148].

Следовательно, объективно сложившаяся действительность позволяет сказать, что на практике причинение ущерба в результате совершения некоторых преступлений в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности вменяется и доказывается в единичных случаях.

Еще одна дискуссионная проблема — проблема стоимостного выражения крупного размера дохода, ущерба. Так, Н. А. Лопашенко, рассмотрев, как определяется в разных составах гл. 22 УК РФ денежное выражение крупного размера, ущерба, пишет, что «во всех случаях мы имеем дело с отклоняющимся экономическим поведением, влекущим экономические последствия. По многим нормам речь часто идет о совершенно однотипных деяниях. Так, незаконным предпринимательством занимаются, чтобы, в основном, уйти от уплаты налогов. Но уголовная ответственность за незаконное предпринимательство начинается при извлечении дохода на сумму свыше 2 млн 250 тыс. руб., а за уклонение от уплаты налогов — при суммах неуплаченных налогов в 2 млн 700 тыс. руб. (если субъект — гражданин) или в 15 млн руб. (если субъект — организация)» [14, с. 223].

А. Н. Каменева пишет: «в ст. 169 УК РФ о воспрепятствовании законной предпринимательской или иной деятельности значение крупного ущерба превышает 1 млн 500 тыс. руб., а в «зеркальной» норме о незаконном предпринимательстве (ст. 171 УК РФ) такая сумма уже превышает 2 млн 250 тыс. руб.» [11, с. 59].

В целом возникает вопрос о существенном различии по денежному выражению размера дохода или ущерба в пределах одной главы УК РФ. А потому следует отказаться от множественного выражения стоимостных критериев крупного (особо крупного) размера (ущерба, дохода и пр.). Аналогичный вывод делает А. Н. Каменева, отмечая, что «необходимо более унифицированно подходить к определению видов и размеров таких последствий (виды должны быть «экономическими», а размеры — одинаковыми для всех преступлений)» [11, с. 62]. Об этом же пишет А. И. Ситникова: «К конструированию примечаний главы 22 УК РФ необходимо изменить законодательный подход в направлении минимизации увеличения количественных параметров предметов преступления, стоимостных признаков в виде крупного и особо крупного размеров причиненного ущерба» [18, с. 166–167]. Следует привязать эти размеры к размерам посягательств на собственность в классическом варианте, ограничившись, четырьмя-пятью конкретными значениями [14, с. 224]. Широкая вариативность указанных показателей влечет ряд негативных по-

следствий: по-разному определяются границы криминализации для сходных деяний, устанавливаются разные пределы заложенного в санкциях за эти деяния наказания, формируются разные условия применения норм об освобождении от уголовной ответственности за экономические преступления.

Также идут споры о том, что ущерб гражданину и ущерб государству нельзя мерить «одним мерилom». В первом случае речь может идти о нескольких тысячах рублей, а во втором (если это крупная корпорация) — о миллиардах рублей. Поэтому и реакция государства должна быть разная. Согласимся с В. К. Лукиным и Д. В. Петровым, что «в связи с мировым финансовым кризисом (в этом период растет количество преступлений в экономической сфере) и ожидаемыми инфляционными скачками, установление суммы ущерба в абсолютном исчислении неправильно (например, в советском государстве установление постоянных значений было оправданно, потому что не было «галопирующей инфляции»)» [15, с. 18]. Следовательно, позиция, по которой исчисление крупного ущерба в денежном выражении в абсолютном исчислении, как это делает законодатель, не является оптимальным вариантом.

Таким образом, на данный момент отмечается отсутствие единства взглядов на понятие «крупный ущерб», как и отсутствие единообразной правоприменительной практики. Поэтому проблемы исчисления крупного ущерба при незаконном предпринимательстве неизбежно возникают в правоприменительной практике. В первую очередь, это касается дефиниций «ущерб» и «крупный ущерб». Формулировки ст. 171 УК РФ не имеют однозначного толкования. Это связано, в том числе, с бланкетностью ее диспозиции. Пока вопрос об определении ущерба открыт. Правоприменительная практика обходит его стороной. Чаще всего квалификация осуществляется по признаку «извлечение дохода в крупном размере». Теории не содержит единого мнения о содержании данного понятия.

Поэтому для обеспечения единообразной судебной практики в Постановлении Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» нужны детальные разъяснения. Во-первых, нужно определить содержание ущерба. Во-вторых, что под ним понимать — реальный ущерб и (или) упущенную выгоду. При установлении крупного ущерба нужно учитывать наступление не только материального, но и иного вреда. Также важно в каждом конкретном случае устанавливать причинную связь между совершенным деянием и наступившими последствиями. В-третьих, может ли охватывать понятие ущерба моральный вред или вред деловой репутации, а также организационный вред (увольнение значительной части работников, приостановка деятельности предприятия)? Если может, то как его исчислять? В-четвертых, для точного определения суммы ущерба правоприменителю в каждом случае нужно производить его оценку. Ее проведение следует поручать специализированным государственным учреждениям, в штате

которых есть специалисты (оценщики) с достаточным опытом. В целом необходимо разработать критерии определения крупного ущерба. В основе их определения должна лежать значимость объекта посягательства и степень тяжести наступивших последствий.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 13.06.2023) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 № 23 (ред. от 07.07.2015) «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 1. 2005.
3. Апелляционное определение Пермского краевого суда от 30 апреля 2013 г. по делу № 22-2946/2013. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/UjZSky777vUP/> (дата обращения: 19.06.2023).
4. Приговор Вытегорского районного суда Вологодской области от 22 июня 2016 г. по делу № 1-66/2016. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/spvD4UbSlzQr/> (дата обращения: 19.06.2023).
5. Приговор Кировского районного суда г. Саратова от 19.02.2020 по делу № 1-95/2020. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 19.06.2023).
6. Приговор Лабинского городского суда Краснодарского края от 27 января 2020 г. по делу № 1-18/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/nA8GFoSK6tLa/> (дата обращения: 19.06.2023).
7. Приговор Наровчатского районного суда Пензенской области от 06 декабря 2016 г. по делу № 1-70/2016. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jNMHDpHEyMgP/> (дата обращения: 19.06.2023).
8. Приговор Привокзального районного суда г. Тулы от 14.03.2017 по делу № 1-123/2016. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 19.06.2023).
9. Приговор Смидовичского районного суда Еврейской автономной области от 15 ноября 2016 г. по делу № 1-169/2016. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/N90iNR7HHpH4/> (дата обращения: 19.06.2023).
10. Егоров, Я. Ю. Ущерб и доход как общественно опасные последствия незаконного предпринимательства / Я. Ю. Егоров // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 4. С. 84–88.
11. Каменева, А. Н. Общественно опасные последствия в нормах о преступлениях в сфере экономической деятельности: проблемы отраже-

- ния в законе / А. Н. Каменева // Lex Russica. 2020. Т. 73, № 5. С. 53–63.
12. Лихолетов, А. А. Крупный ущерб в преступлениях в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности: проблемы толкования и правоприменения // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 4. С. 215–222.
 13. Лопашенко, Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ): монография: в 2 ч. Ч. 1 / Н. А. Лопашенко. Москва: Юрлитинформ, 2022. 568 с.
 14. Лопашенко, Н. А. Стоимостное выражение крупного (особо крупного) размера дохода, ущерба, задолженности применительно к преступлениям в сфере экономической деятельности / Н. А. Лопашенко // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 2. С. 220–228.
 15. Лукин, В. К. Понятие крупного ущерба в уголовно-правовой оценке незаконного предпринимательства / В. К. Лукин, Д. В. Петров // Естественно-гуманитарные исследования. 2016. № 3 (13). С. 16–20.
 16. Осипов, И. В. Особенности квалификации преступлений в сфере экономической деятельности: дис... к.ю.н. / И. В. Осипов. Москва, 2019. 326 с.
 17. Подройкина, И. А. Актуальные вопросы квалификации незаконного предпринимательства / И. А. Подройкина, Е. А. Кравцова // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 4 (53). С. 249–252.
 18. Ситникова, А. И. Законодательно-текстологический подход к примечаниям статей главы 22 Уголовного кодекса Российской Федерации / А. И. Ситникова // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 1 (49). С. 161–168.
 19. Черенков, В. Э. Проблемные вопросы исчисления крупного ущерба при незаконном предпринимательстве (ст. 171 УК РФ) / В. Э. Черенков; в кн.: МНСК-2022. Материалы 60-й Международной научной студенческой конференции. Новосибирск, 2022. С. 334–335.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

А. И. Маркеев

Новосибирский государственный университет экономики
и управления

доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
адвокат, кандидат юридических наук, доцент
markeev.aleksandar@yandex.ru

Аннотация: в статье проанализированы правовые и организационные проблемы борьбы с правонарушениями в сфере экономики. Рассмотрено общее состояние экономической преступности в государстве. Кратко обозначены теоретические подходы, характеризующие экономическую преступность. Предложены несколько блоков рекомендаций по борьбе с правонарушениями в экономической сфере. Предлагаемые меры против преступлений в сфере экономики должны улучшить экономическое положение страны, увеличить доверие к органам власти со стороны населения, повысить уровень жизни населения; сократить объемы теневой экономики и т. д.

Ключевые слова: правонарушение, преступление, борьба, экономика, экономическая сфера, экономическая направленность.

Abstract: the article analyzes the legal and organizational problems of combating offenses in the field of economics. The general state of economic crime in the state is considered. Theoretical approaches characterizing economic crime are briefly outlined. Several blocks of recommendations on combating offenses in the economic sphere are proposed. The proposed measures against economic crimes should improve the economic situation of the country, increase public confidence in the authorities, raise the standard of living of the population; reduce the volume of the shadow economy, etc.

Key words: offense, crime, struggle, economy, economic sphere, economic orientation.

Экономическая безопасность государства выступает важнейшим элементом гармоничного существования общества. Постиндустриальное развитие мировой экономики и повсеместное распространение цифровых технологий, с одной стороны, создают условия для устойчивого развития отдельных стран и всего мира в целом. С другой — рождают дополнительные угрозы для обеспечения экономической и, в конечном итоге, национальной безопасности.

Правонарушения в сфере экономики являются одной из главных внутренних угроз экономической безопасности России. Как показывают данные статистики, несмотря на усилия государства по предотвращению преступлений и борьбе с преступностью, количество экономических правонарушений имеет высокий уровень. Согласно данным МВД, подразделениями органов внутренних дел в 2022 году выявлено 81,8 % от общего количества зарегистрированных преступлений экономической направленности и 74 % криминальных деяний коррупционной направленности. Характер преступлений экономической направленности в условиях внешнего санкционного давления на Россию в 2022 году в целом не изменился. В 2022 году сотрудниками МВД выявлено более 64 тыс. преступлений экономической направленности. В крупном и особо крупном

размере совершено более 22,5 тыс. преступлений. Размер причиненного материального ущерба составил 183 млрд рублей [3].

В самом общем виде под экономическим правонарушением понимается виновное противоправное действие (бездействие), приносящее определенный вред экономическим механизмам и финансовый ущерб субъектам экономики, подлежащее ответственности (административной или уголовной) [5, с. 2]. Преступления (уголовные правонарушения) — наиболее опасные для общества правонарушения.

В экономико-правовой литературе выделяется от двух до трех подходов к определению экономической преступности. Во-первых, экономические преступления охватывают все преступления против собственности (на практике это преступления из корысти). Второй подход представляет собой только преступления в сфере экономической деятельности. Иногда экономическое преступление определяется как нелегальный бизнес, но оно кажется слишком детализированным, потому что нелегальный бизнес полностью поглощен концепцией «экономического преступления» и концепцией экономического преступления.

Н. А. Лопашенко [4, с.195] выделяет три подхода:

- законодательный;
- нормативно-правоприменительный;
- доктринальный.

Исчерпывающий перечень составов экономических преступлений содержится в разделе VIII УК РФ (гл. 21-23) [1]. Там же перечислены все возможные виды наказаний. Определяя экономические преступления, законодатель устанавливает три большие группы. К первой группе относятся преступления против собственности (гл. 21) в независимости от формы, от личности и мотивов преступника и проч. Вторая группа охватывает преступления, связанные с экономической деятельностью (гл. 22): преступления в банковской сфере, в сфере предпринимательства, во внешнеэкономической деятельности и т. д. И, наконец, в третью группу выделены преступления коррупционной направленности (гл. 23) [1].

В.А. Сплендер выделяет два подхода к определению сущности экономической преступности [5, с. 3]:

- с точки зрения корыстных мотивов под экономической преступностью можно понимать все преступления против собственности;
- с точки зрения сферы осуществления к экономическим относятся все преступления, связанные с экономикой.

Отметим, что экономические преступления являются предметом исследования зарубежных и отечественных юристов, правоведов, экономистов достаточно давно. Так, например, Э. Сатерлендом в отдельный вид экономических преступлений были выделены преступления «белых воротничков» на основе теории «респектабельного преступника». Джозеф Т. Уэллс внес серьезный вклад в исследование мошенничества и борьбы с ним.

Среди отечественных исследователей можно отметить заслуженного юриста России А.М. Яковлева, разработавшего теоретические основы криминологии, в том числе и в экономической сфере [6]. Кроме того, необходимо отметить вклад Н.А. Лопашенко, которая является ведущим научным специалистом в сфере экономической преступности, в том числе и организованной, коррупции и должностных преступлений, связанных с экономическими интересами страны, проблем уголовной ответственности за экономические преступления, а также других уголовно-правовых и криминологических проблем [4].

Таким образом, к особенностям экономических преступлений относят следующие признаки:

- их совершение в результате ведения экономической деятельности, связанные с экономикой или собственностью;
- причинение значительного вреда и материального ущерба в результате совершения преступления;
- многообъектность — вред причиняется нескольким объектам;
- бланкетность — отсылка к нормам других законодательных актов;
- высокая латентность (скрытость);
- повышенная общественная опасность.

Необходимо заметить, что усложнение и расширение мирохозяйственных связей, а также массовое внедрение цифровых технологий ведут к усложнению и самих экономических преступлений, что, в свою очередь, обуславливает необходимость постоянного совершенствования методов их раскрытия и предотвращения.

Так, по данным практических исследований, ежегодно проводимых компанией PWC (PriceWaterhouseCoopers), в 2017-2018 гг. 49 % корпораций сталкиваются в своей деятельности с экономическими преступлениями. Эта цифра неточна, поскольку из-за скрытного характера экономической преступности, а также отложенного эффекта от мошеннической деятельности, не всегда компании вовремя осознают, что стали жертвой преступления [7].

Также по данным PWC, уровень экономической преступности в России в целом выше, чем по всему миру: 66 % респондентов отметили, что в их компаниях совершались экономические преступления, тогда как в мире всего 49 % [7]. С этими выводами трудно согласиться. Во-первых, как признают сами специалисты PWC, не всегда эти преступления выявляются сразу (о чем было сказано выше). Во-вторых, подверженность экономическим преступлениям сказывается на репутации компании, таким образом, сами респонденты могут быть необъективны в своих оценках. И, наконец, в-третьих, вызывает сомнения объективность самой компании PWC, особенно в свете предвзятого отношения к России вообще и к российскому бизнесу в частности со стороны западных государств и компаний.

Мероприятия по уменьшению преступлений в сфере экономики предлагается сгруппировать по следующим блокам: для организаций; для правоохранительных органов; опираться на зарубежный опыт раскрытия преступлений; меры на уровне государства.

Методы борьбы с экономической преступностью включают правовые и специальные методы. Правовые методы включают: внесение изменений в уголовное законодательство, совершенствование судебной практики при толковании норм об ответственности за экономические преступления; совершенствование регулирования деятельности правоохранительных органов, занимающихся борьбой с отдельными видами экономических преступлений. Специальные методы включают в себя: сообщения о негативных последствиях нарушений уголовно-правовых запретов в экономической сфере; информацию о мерах по предупреждению определенных видов экономических преступлений; информацию о способах юридической защиты прав, нарушенных в результате совершения экономических преступлений.

Основными методами выявления экономических преступлений считаются анализ документов, проведенный на основе исследования документации (бухгалтерской, статистической и т. д.) как носителя данных о результатах выполненных хозяйственных операций; бухгалтерский анализ на основе изучения бухгалтерских записей (регистров аналитического и синтетического учета) и отчетности; экономический анализ, в основе которого лежит принцип единообразия понятия экономических характеристик.

Рассуждая о перспективах развития методов борьбы с экономическими преступлениями, применительно к российским организациям, с учетом международного опыта, стоит выделить следующие направления [2, с.24]:

1. Совершенствование системы внутреннего контроля организации. Исходя из проведенного исследования было выяснено, что большинство экономических преступлений совершаются работниками организации. Поэтому для организаций целесообразно совершенствовать систему внутреннего контроля на постоянной основе. А при его отсутствии (системы внутреннего контроля) — провести мониторинг рисков и внедрить данную систему. Наиболее эффективным представляется применение комбинации ряда актуальных методов и инструментов борьбы с преступлениями и правонарушениями в сфере экономики (в т.ч. мошенничеством), включая как ранее указано — проведение оценки рисков, реализацию (и разработку при отсутствии) корпоративной и этической политики, регламентация данной политики и проведение информационных и разъяснительных мероприятий для персонала в целях профилактики и борьбы с правонарушаемостью.

2. Оценка рисков преступлений в сфере экономики. Оценка рисков должна производиться по всем направления деятельности организации (и

желательно функциям) от низшего до высшего менеджмента. При этом целесообразно разделять обязанности между руководителями отделов и иных подразделений по координации и контролю управления рисками возможного мошенничества. Разработку методов оценки рисков лучше поручить специализированному отделу или высшему руководству. Возможно привлечение сторонних специалистов по экономической безопасности в виде управленческого консультирования, аутсорсинга, аутсаффинга.

3. Разработка и внедрение политики экономической безопасности организации. Данная политика должна представлять собой не перечень постулатов, а ценностной ориентации организации по соблюдению безопасности, конкретный свод правил, методов, санкций, процесса контроля, ответственных за соблюдение и пр. В политике экономической безопасности должно также фигурировать понятие того, что считается мошенничеством в данной организации и почему (со ссылкой на законодательство, локальные акты организации), закрепленные методы и инструменты по борьбе с экономическими преступлениями в коллективе и в организации в целом, ответственные за реализацию политики, ответственность за нарушение политики в т.ч. набор санкций к виновным в мошенничестве и т. д. Политика экономической безопасности организации также должна четко регламентировать случаи, при которых сотрудник должен сообщать, есть ли у него подозрения по поводу мошенничества в отношении коллег, руководителей или деловых партнеров. Сопутствующим и дополняющим документом является этический кодекс (кодекс деловой этики), который включает стандарты деловых отношений и поведения персонала. При этом этический кодекс не должен противоречить политике экономической безопасности, а лишь дополнять и раскрывать его с этической точки зрения.

4. Разработка и внедрение политики кибербезопасности организации. Профилактике и противодействию преступлений в сфере экономике способствует тщательный контроль цифровых данных. Например, это может быть ограничение доступа к конкретным сайтам или в целом выходу в сеть Интернет (при наличии такой возможности), за исключением электронных коммуникаций между сотрудниками, запрет на горячие клавиши «копировать — вставить» в паролях, специальные методы копирования и отправки электронной информации), отслеживание действий сотрудников в Интернете и средствах коммуникациях, включая корпоративные мессенджеры. В политику кибербезопасности также стоит включить периодический мониторинг данных по контрагентам — клиентам организации, поставщикам, субподрядчикам и т. д. Данный мониторинг включает проверку информации, предоставляемую контрагентами — например сертификаты и лицензии на продукцию/сырье (включая проверку их подлинности на специализированных сайтах), базовая информация (включая юридический адрес), банковские выписки, накладные и

др., контент-анализ СМИ, мониторинг отзывов клиентов, контроль данных, полученных службой экономической безопасности.

5. Создание контрольно-ревизионной службы. Контрольно-ревизионная служба должна представлять собой отдел организации, специально созданный для борьбы с экономическими преступлениями.

6. Этически безупречное поведение руководства организации.

Предлагаемые мероприятия по уменьшению преступлений делятся на блоки: рекомендации для организаций, для правоохранительных органов, для государства. Важным является перенимание опыта зарубежных стран.

На уровне организаций рекомендуется:

- совершенствование системы внутреннего контроля;
- оценка рисков экономического мошенничества;
- разработка политики экономической безопасности организации;
- разработка политики кибербезопасности организации;
- создание контрольно-ревизионной службы;
- этически безупречное поведение руководства организации.

Для совершенствования работы правоохранительных органов рекомендуется:

- интенсивное взаимодействие сотрудников ЭБиПК и органов предварительного следствия, Росфинмониторинга, Счетной палаты;
- прогнозировать оперативную обстановку в бюджетной сфере; непрерывный мониторинг состояния криминогенной ситуации; использовать возможности СМИ;
- обеспечить сотрудников разнообразными методическими и иными научными материалами, содержащими конкретные методики по предупреждению, выявлению и раскрытию экономических преступлений в бюджетной сфере;
- скоординировать усилия всех субъектов, принимающих участие в профилактике преступлений экономической, налоговой, а также коррупционной направленности, с целью повышения уровня экономической безопасности;
- практиковать поощрение сотрудников всех подразделений экономической безопасности, показывающих лучшие результаты при проведении профилактических мероприятий.

Со стороны государства рекомендуется:

- решать такие проблемы как уровень жизни населения и расслоение общества по уровню доходности на богатых и бедных;
- жесткий контроль за деятельностью чиновников;
- обеспечить неотвратимость и адекватность наказания за экономические преступления в зависимости от порога должности;
- ужесточить наказания по степени тяжести выявленного преступления, а именно внести поправки в уголовное законодательство РФ.

Таким образом, предлагаемые меры против преступлений в сфере экономики должны улучшить экономическое положение страны, увеличить доверие к органам власти со стороны населения, повысить уровень жизни населения; сократить объемы теневой экономики.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Гуцан О.Н. Признаки обнаружения и подходы к выявлению экономических преступлений // В сборнике: International scientific review of the problems of economics, finance and management/Collection of scientific articles IX International correspondence scientific specialized conference. 2019. — С. 21-25. (дата обращения: 20.04.2023).
3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2022 года [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/> (дата обращения: 26.04.2023).
4. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности. М.: Юрлитинформ, 2015. 500 с.
5. Сплендер В.А. Современные отечественные и зарубежные подходы к оценке состояния экономической преступности и ее влияние на экономическую безопасность // Интернет-журнал «Отходы и ресурсы». — 2019. — № 6. — С. 1-9.
6. Яковлев А.М. Социология экономической преступности. М.: Наука, 1988. 440 с.
7. Global Economic Crime and Fraud Survey 2018 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.pwc.com/gx/en/forensics/global-economic-crime-and-fraud-survey2018.pdf> (дата обращения: 17.04.2023).

ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ СУДЕБНОГО ШТРАФА К ДОЛЖНОСТНЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

И. В. Матвеев

Новосибирский государственный университет экономики и управления
старший преподаватель кафедры уголовного права
и национальной безопасности
udicis@mail.ru

Аннотация: в статье рассматривается вопрос применения освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа к должностным преступлениям. Данный вопрос в правоприменительной деятельности решается, помимо условий, предусмотренных ст. 104.4. УК РФ, с учетом характера и степени общественно опасного деяния. Приводятся аргументы в пользу применения судебного штрафа к должностным и служебным преступлениям.

Ключевые слова: объект преступления, судебный штраф, должностные преступления, освобождение от уголовной ответственности, возмещение вреда, превышение должностных полномочий.

Abstract: the article considers the issue of applying such grounds of exemption from criminal liability as a judicial fine to official crimes. This issue in law enforcement activity is solved, in addition to the conditions provided for in Article 104.4. of the Criminal Code of the Russian Federation, taking into account the nature and degree of a socially dangerous act. Arguments are given in favor of applying a court fine to official and official crimes.

Keywords: object of crime, judicial fine, official crimes, exemption from criminal liability, compensation for harm, abuse of official authority.

Одной из тенденций развития уголовного законодательства является гуманизация. Задача разработки механизма гуманизации уголовного закона стоит как перед органами предварительного расследования, так и правосудия. Институтам гражданского общества тоже необходимо содействовать данной тенденции, Совет по развитию гражданского общества и правам человека неоднократно подчеркивает важность гуманизации уголовного законодательства в отношении некоторых категорий лиц [8].

Одним из институтов, способствующий гуманизации уголовной ответственности, является освобождение от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа. Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» введено данное основание освобождения от уголовной ответственности в качестве меры уголовно-правового характера.

С введением данного основания освобождения от уголовной ответственности в практической деятельности возникли многочисленные вопросы применения норм ст. ст. 76.2, 104.4, 104.5 УК РФ. Прежде всего, это пределы минимальной суммы судебного штрафа, соотношение его со штрафом как видом уголовного наказания, возможности применения су-

дебного штрафа при назначении наказания по совокупности преступлений, в соучастии и проч. Как пишет Н.И. Лямкина, оценивая эффективность применения судебного штрафа, «...судебный штраф как одна из эффективных мер уголовно-правового воздействия, позволяющая государству реализовать принцип неотвратимости ответственности за совершенное преступление, дает возможность обвиняемому (подсудимому) переосмыслить свой образ жизни и исправиться без применения уголовного наказания за совершенное им деяние, а потерпевшему (гражданскому истцу) быстро и эффективно получить возмещение материального и морального ущерба» [6, с. 168]. Поэтому можно сказать, что в современной правоприменительной практике судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера имеет устойчивые позиции.

Стоит также отметить, что за последние годы растет удельный вес лиц, которым был назначен был судебный штраф: в 2021 году из числа всех прекращенных уголовных дел в суде это 22,4 % лиц, в 2020 — 18,4, в 2019 — 17,5. [7, с. 314].

Для единообразного подхода к назначению судебного штрафа Верховный суд утвердил Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ) [1]. Многие вопросы реализации судебного штрафа были разъяснены: это и способы возмещения и заглаживания вреда, в том числе и нематериального («вред, причиненный преступлением, может быть возмещен в любой форме, позволяющей компенсировать негативные изменения, причиненные преступлением охраняемым уголовным законом общественным отношениям»), и при неоконченном преступлении, в том числе и при совокупности преступлений, возможности назначения судебного штрафа и при отсутствии источника дохода и проч. Верховный суд РФ еще раз подчеркнул, что судебный штраф — это не то же самое, что уголовное наказание в виде штрафа, поэтому правила ст. 46 УК РФ не должны применяться к судебному штрафу. Однако дискуссия о минимальном размере судебного штрафа в науке уголовного права до сих пор не прекращается, поскольку этот вопрос ни законодательно, ни правоприменительными актами не урегулирован. Доминирующая точка зрения на вопрос исходит из минимального размера штрафа как вида наказания (от 5 000 рублей) [9, с. 90]. Однако здесь необходимо иметь в виду, что Пленум ВС РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» в п. 7.1 разъясняет, что положения о наказании в виде штрафа (ст. 46 УК РФ) к судебному штрафу, его назначению и исполнению не применимы. Поэтому вывод о соотношении минимальных размеров судебного штрафа и уголовного наказания в виде штрафа не совсем соответствует позиции судебных органов. По словам А.А. Толкаченко «при таких обстоятельствах на практике, согласно данным статистики, средний размер судебного штрафа определяется судами примерно в 15 тыс. рублей, а минимальная его сумма (для

взрослых лиц, за одно преступление и по совокупности преступлений) — в пределах 3–5 тыс. рублей (чаще — от 5 тыс. руб., но не 100–200 руб.), что одобряется в научной литературе» [7. с. 338]. Поэтому автор предлагает в качестве порогового значения судебного штрафа признать и установить сумму в размере свыше 2 500 рублей [10, с. 149]. Думается, что этот вопрос должен быть урегулирован законодательно, поскольку действительно назначать судебный штраф в качестве основания освобождения от уголовной ответственности в размере 100–200 нецелесообразно.

Одним из условий назначения судебного штрафа, помимо совершения преступления впервые небольшой или средней тяжести, является возмещение виновным имущественного ущерба или заглаживание причиненного вреда. Данное условие является наиболее спорным в правоприменительной среде, поскольку носит часто оценочный характер. Последнее время оценка возможности заглаживания вреда в судебной практике формируется в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния конкретного преступления. Для правильной оценки имеет значение и объект, который пострадал в процессе преступного посягательства. В этом отношении необыкновенно разную позицию занимают суды кассационной инстанции и Верховный суд, что видно при отмене последних решений в Верховном суде РФ.

Необходимо пояснить, в чем заключается различие данных позиций. Обратимся к оценке возможности применения судебного штрафа в случае совершения лицом должностных преступлений. Например, ректор (одновременно председатель приемной комиссии) одного из вузов Б. зачислил абитуриентов, не прошедших вступительные испытания, в целях улучшения статистики и получения субсидий (ущерб: 4 013 658 р.). Действия Б. органами предварительного следствия были квалифицированы по ч. 1 ст. 286 УК РФ и ч. 1 ст. 292 УК РФ. Постановлением городского суда уголовное дело было прекращено на основании ст. 25¹ УПК РФ в связи с назначением судебного штрафа. Суд первой инстанции, а также суд апелляционной и кассационной инстанции посчитали, что оснований для назначения судебного штрафа достаточно в данной конкретной ситуации. В кассационном представлении заместитель Генерального прокурора Российской Федерации содержится просьба об отмене судебных решений и о передаче уголовного дела на новое судебное рассмотрение. По мнению заместителя Генерального прокурора судом оставлено без внимания, что объектами совершенных Б. преступлений являются осуществляемая в соответствии с законом деятельность государственного учреждения, а также его работа, связанная с оборотом официальных документов; меры, предпринятые Б. в целях заглаживания вреда, свелись только к возмещению ущерба, причиненного бюджету Российской Федерации, перечислению 5 тысяч рублей на благотворительность, а также принесению письменных извинений руководству и коллективу Университета, содержание которых, как считает автор кассационного представ-

ления, не свидетельствует о признании Б. своей вины и раскаянии в содеянном. В кассационном представлении отмечается, что одним из последствий является сформировавшееся негативное общественное мнение о деятельности Университета, фактическое вовлечение Б. в неправомерную деятельность подчиненных ему лиц, кроме того, Министерство образования и науки РФ продолжает нести расходы на обучение на бюджетной основе незаконно зачисленных абитуриентов [2]. Однако Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации не нашла оснований для удовлетворения кассационного представления заместителя Генерального прокурора Российской Федерации. По мнению Верховного суда РФ, в данном случае все основания освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, указанные в Уголовном кодексе РФ, имеются. Доводы кассационного представления об объектах совершенных Б. преступлений правового значения не имеют, поскольку уголовным и уголовно-процессуальным законами не исключается возможность применения меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа к лицам, совершившим преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 286, ч. 1 ст. 292 УК РФ.

В другой ситуации лицу, обвиняемому в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 286 УК РФ, тоже был назначен судебный штраф в размере 20 000 рублей. Кассационным определением судебной коллегии ВС по уголовным делам от 28.06.2023 № 51-УД23-5-К8 постановление 8-ого Кассационного суда общей юрисдикции от 12.01. 2023 отменено, оставлены в силе постановления районного суда и апелляционное постановление краевого суда. Как определил Верховный суд РФ «положения ст.76² УК РФ и ст.25¹ УПК РФ не содержат каких-либо специальных требований, касающихся объекта преступного посягательства и не исключают их применения в отношении обвиняемого, деяние которого направлено против интересов службы в органах местного самоуправления, при условии, что это деяние отнесено к категории небольшой или средней тяжести, а причиненный преступлением вред возмещен» [3]. Тем самым Верховный суд РФ еще раз обозначил, что для заглаживания вреда достаточно тех действий, который произвел подсудимый, а именно полностью возместил причиненный ущерб и пожертвовал денежные средства в адрес администрации.

Постановления об освобождении от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа приведенных выше судов оспаривались по причине недостаточности, по мнению стороны обвинения, заглаживания вреда, причиненного должностным преступлением. Однако, на наш взгляд, понимание насколько вред государству (государственной власти) возмещен в случае совершения должностного преступления носит оценочный характер, поэтому стоит согласиться с тем (и это позиция Верховного суда РФ), что уголовно-правовые последствия должны определяться основаниями и условиями, предусмотренными уголовным зако-

нодательством. Это неукоснительное требование важнейшего общеправового принципа законности.

Стоит отметить, что аналогично в судебной практике решается вопрос о возможности заглаживания вреда, причиненного совершением экологического преступления [4]. Сложнее обстоит дело, если заглаживание вреда осуществляется в связи с причинением вреда жизни. В Определении Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 15.06.2023 № 31-УДп23-6-К6 указано, что «объектом преступного посягательства, предусмотренного ч. 3 ст. 264 УК РФ, является не только безопасность дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, но и общественные отношения, гарантирующие неприкосновенность жизни человека. Прекращая уголовное дело, суд первой инстанции в своем постановлении *не указал, каким образом денежные выплаты сестре погибшего и учреждению для детей-сирот, снизили общественную опасность содеянного, и загладили причиненный вред в виде наступления смерти человека*» [5]. Тем самым, в данном случае можно увидеть, что вред, причиненный жизнью, должен быть возмещен определенным образом, соответствующий характеру и степени общественной опасности деяния. Это обоснованно, поскольку заглаживание вреда должно восстанавливать нормальное состояние объекта посягательства. И то, какими действиями виновного лица это будет осуществлено, зависит обоснованность возмещения причиненного вреда. Очевидно, что при причинении вреда жизни действий, направленных на материальную компенсацию, будет в таком случае недостаточно.

Литература

1. Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.07.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 12. 2019.
2. Определение суда кассационной инстанции Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 17.05.2023 № 52-УДП23-2-К8 // Банк судебных документов Верховного суда РФ. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2244580 (дата обращения 13.07.2023).
3. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 28.06.2023 № 51-УД23-5-К8 // Банк судебных документов Верховного суда РФ. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2261272 (дата обращения 13.07.2023).
4. Определение суда кассационной инстанции Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 29.06.2023 № 18-УД23-12-К4 // Банк судебных документов Верховного суда РФ. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2259418 (дата обращения 13.07.2023).
5. Определение суда кассационной инстанции Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 15.06.2023 № 31-УДп23-6-

- К6 // Банк судебных документов Верховного суда РФ. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2253706 (дата обращения 13.07.2023).
6. Лямкина, Н. И. Вопросы назначения судебного штрафа // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2019. Т. 16, № 3. С. 164-170.
 7. Меры уголовно-правового характера: монография / В. К. Андрианов, В. Ф. Лапшин, Ю. Е. Пудовочкин, А. А. Толкаченко; под ред. Ю. Е. Пудовочкина. М.: РГУП, 2022. 608 с.
 8. Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/70349> (дата обращения 13.07.2023).
 9. Соктоев З. Б. Проблемы применения норм о судебном штрафе // Уголовное право. 2017. № 1. С. 90–94.
 10. Толкаченко А. А. К обсуждению проекта Федерального закона в связи с введением понятия уголовного проступка, или чем может помочь постановление Пленума ВС РФ от 31 октября 2017 г. № 42 практике применения судебного штрафа // Закон. 2018. № 1. С. 137-150.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ

П. С. Метельский

Новосибирский государственный университет экономики и управления
доцент кафедры уголовного права и национальной безопасности,
кандидат юридических наук
mps1961@mail.ru

Аннотация: в статье рассматриваются актуальные тенденции преступлений против правосудия и их соотношение с существующими ранее направлениями развития данных преступлений. Вот уже более 60 лет, на протяжении «жизни» двух Уголовных кодексов нашей страны, в них существует специальная глава о преступлениях против правосудия. К такому решению пришли далеко не сразу, преодолев непростой и во многом извилистый путь.

Ключевые слова: преступления против правосудия, несообщение о преступлении, правосудие, изменения в законе, уголовный закон.

Abstract: the article examines the current trends of crimes against justice and their correlation with the previously existing trends in the development of these crimes. For more than 60 years, during the «life» of two Criminal Codes of Russian Federation, they have a special chapter on crimes against justice. This decision was not reached immediately, having overcome a difficult and in many ways tortuous path.

Keywords: crimes against justice, failure to report a crime, justice, changes in the law, criminal law.

Важность задач, решаемых правосудием, определяет социальную ценность этого сложного «междисциплинарного» института, необходимость поддержки и защиты его уголовным правом [2, с. 4; 11, с. 6]. Глава 31 действующего Уголовного кодекса России (далее — также УК РФ)

«Преступления против правосудия» восходит своими корнями к его предшественнику — Уголовному кодексу РСФСР 1960 г., в котором впервые в советское время такие деяния свели вместе в отдельной главе. Свершилось это, не абы вдруг и когда, а в аккурат, в хрущевскую оттепель, так сказать, по «горячим следам» развенчания культа личности И.В. Сталина и пересмотра «итогов» его правления, хотя, буквально, вчера еще именно его идеи и мысли представлялись ключом к постижению сути советского правосудия [12, с. 6-9; 11]. По ходу реабилитации жертв недавних репрессий наметились перемены в тогдашнем советском обществе, которое, чтобы не говорили, вовсе не жаждало повторения недавнего прошлого, и власть, сама «пробудившая» эту тему, стремилась всячески убедить народ, что все «утрачено», «оргвыводы» сделаны, законность отныне восторжествовала, используя в качестве аргумента, в том числе, уголовный закон. Отсюда и появление в УК РСФСР 1960 г. главы под таким названием, по мысли властей, должно было, прежде всего, показать неустанную заботу «партии и правительства» о ситуации в сфере уголовного преследования и работы судов (тем более, что проблем там, действительно, более, чем хватало), а заодно — поддержать существующий строй. Сначала глава 8 Особенной части УК РСФСР 1960 г. о преступлениях против правосудия включала 15 статей (к моменту утраты этим кодексом силы их стало уже 22), и открывалась весьма «зловонным» по тем временам составом привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 176). При этом, практически вплоть до крушения прежнего строя, советское социалистическое правосудие преподносилось у нас не иначе как «одно из социальных завоеваний трудящихся, достигнутое в результате слома буржуазной, чиновничье-бюрократической машины» [6, с. 315]. Трактовка правосудия с позиций советского и «нового русского» уголовного права, выходит за рамки, очерчиваемые процессуальными отраслями, напоминая, скорее, обыденное, «бытовое» его понимание, как деятельности «правовых, судебных органов». вообще. По мнению С.А. Денисова, основой видового объекта преступлений против правосудия, который имеет специальный, сложный, комплексный и составной характер, являются разнородные интегрированные государственно-правовые, гражданско-правовые, гражданско-процессуальные, уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, уголовно-исполнительные правоотношения», воплощаемые в деятельности субъектов, осуществляющих расследование преступлений, рассмотрение и разрешение судебных дел, исполнение наказания [5, с. 27-30]. Собранные воедино в главе 31 УК РФ преступления достаточно разнообразны, охватывая не только ту сферу, где происходит рассмотрение и разрешение судом гражданских, административных и уголовных дел, в чем, строго говоря, и заключается правосудие в «узком», процессуальном его понимании, но также еще и досудебные и послесудебные стадии производства, без которых попросту невозможно реальное достижение задач, сто-

ящих перед правосудием [1, с. 119-120]. На «на старте» глава несла в себе 23 статьи (сейчас их 24), и первую строчку, на этот раз, занимает состав воспрепятствования осуществлению правосудия и производству предварительного расследования (ст. 294).

Начало истории уголовно-правового регулирования в указанной сфере нельзя отсчитывать именно с 1960 г., ведь многие из составов, «украсивших» и «украшающих» в настоящее время «специализированную» «профильную» главу, «отметились» еще раньше, — в УК РСФСР 1922 и 1926 гг. Другое дело, что нормы эти «подавались» там не вместе, а, если так можно выразиться, «в рассыпную» «всплывая», порой не всегда ожидаемо, то тут, то там, в совсем разных местах «дислокации» — в различных главах (разделах глав) Особенной части, что ставило их в положение своего рода, «пасынков» Особенной части раннего советского уголовного права. И, кроме того, все приводившиеся в них юридические формулировки отнюдь «не страдали» от многословия, что, впрочем, весьма характерно для первых советских УК, направленных, в первую очередь, на «подавление контрреволюции». Однако, как бы там ни было, какого-либо полного вакуума с уголовно-правовым регулированием в этой сфере все же не наблюдалось. Так, даже в самом первом советском УК 1922 г., к примеру, присутствовали, разумеется, и побег арестованного из-под стражи или из места заключения (ст. 95), и постановление судьями из корыстных или иных личных видов неправомерного приговора (ст. 111), и незаконное задержание, незаконный привод, а также принуждение к даче показаний при допросе путем применения незаконных мер со стороны лица, производящего дознание или следствие, а также заключение под стражу, в качестве меры пресечения, из личных либо корыстных побуждений (ст. 112), и заведомо ложный донос органу судебной или следственной власти или должностному лицу, имеющему право возбуждать преследование о совершении определенным лицом преступного деяния (ст. 177), и заведомо ложное показание, данное свидетелем, экспертом или переводчиком при производстве дознаний, следствия или судебного разбирательства по делу (ст. 178). Оглядываясь назад еще дальше, мы можем увидеть наметки ряда подобных деяний еще в Русской правде, в Соборном уложении 1649 г. Особо отметим, что уже в Уложении «О наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. наличествовала целая глава «О неправомерности» [4, с. 13, 17-19], а более близкое к нам по времени Уголовное уложение 1903 г. включало главу VII «О противодействии правосудию» из 23 статей (ст. 156-178). И в них, в том числе, велась речь о заведомо ложных доносах; обвинении и показании; подделке или переделке письменного или вещественного доказательства с целью навлечь подозрение на определенное лицо в учинении преступного деяния; неизвещении (недонесении) без уважительной причины подлежащей власти о достоверно известном виновному замышляемом или предпринятом тяжком преступлении; сокрытии, повреждении или захвате веще-

ственного или письменного доказательства; укрывательстве преступника, включая, к примеру, такие, совсем «экзотические» варианты, как явка с повинной в тяжком преступлении, заведомо учиненном другим лицом; выдача себя во время следствия или на суде заведомо ложно за другое лицо, привлеченное в качестве обвиняемого в преступлении; отбывание наказания лишением свободы заведомо за другое, приговоренное к нему лицо (ст.169); отказе явившегося к следствию или суду в качестве свидетеля, понятого, сведущего лица или переводчика исполнить свою обязанность; освобождении арестанта из-под стражи или из места заключения или содействию его побегу, побеге арестанта из-под стражи или из места заключения; побеге с места поселения, с каторги; самовольном пользовании правом, коего виновный лишен вошедшим в законную силу приговором суда [7, с. 64-71]. Таким образом, в данном случае законодатель пошел по пути концентрации норм о деяниях, противодействующих правосудию, в одном месте. Однако сюда не вошли, как пишет А.С. Горелик, посягательства на правосудие «изнутри» [4, с. 20]. И, в самом деле, ст. 675 о постановлении судьей «заведомо неправого решения», находилась в главе XXXVII «О преступных деяниях по службе государственной и общественной», замыкающей Уголовное Уложение [7, с. 221]. Тем не менее, это скорее, свидетельствует только о том, что подобные действия попросту не укладывались в канву «противодействия правосудию», в том смысле, как это тогда понималось. Увы, но сей опыт не был воспринят советской властью, решившей и здесь «откреститься» от старого мира, в чем, в общем-то, нет ничего удивительного, ведь каждой эпохе свойственны не только свои песни, книги и фильмы, но и законы, в которых что-то ставится «во главу угла», а что-то «уходит» на второй или третий план либо вовсе выбрасывается, вот только, в итоге, спустя годы, на указанном направлении, пришлось, так сказать, «городить огород» заново, при этом процесс уточнения границ и даже формирования новых составов главы о преступлениях против правосудия в действующем УК РФ, навряд ли, окончен.

Нельзя не отметить, что с приходом миллениума эта глава не раз подвергалась воздействию «ветров перемен», что, в общем-то, стало нормой для нашего уголовного закона. Свою роль, безусловно, сыграли масштабные обновления законодательства, «подразумеваемого» бланкетными диспозициями норм о преступлениях данного вида, «подвижки» в расстановке приоритетов, подходах и представлениях, безусловно, меняющегося общества, и как говорится, «слов из песни не выкинешь», просчеты и ошибки самого законодателя. Некоторые из новелл были вызваны переменами внутри самого уголовного закона, став производными от более глобальных трансформаций, происходивших в этой отрасли права, бывало и так, что какие-то нормы правилось и переписывалось по два или более раза. За все это время главу «покидала» одна из статей — 298, которая признавалась утратившей силу «по версии» Федерального

закона от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ, как «ненужная», но очень скоро другой Федеральный закон от 28.07.2012 г. № 141-ФЗ «возвратил» ее, внося исключительно «косметические» изменения и уже с «новым» ником — 298¹. Федеральным законом от 08.04.2011 г. № 66-ФЗ была введена в действие ст. 314¹ УК РФ: «Уклонение от административного надзора», которая в последующем еще дополнялась и корректировалась и даже сменила название. Вот здесь лишний раз подтвердила свою правоту поговорка, что новое есть хорошо забытое старое. И в самом деле, подобная норма присутствовала в прежнем УК РСФСР (ст. 198² — злостное нарушение правил административного надзора), причем, как и нынешняя, она была построена на административной преюдиции, но вот незадача, Закон РФ от 29.04.1993 г. за № 4901-1, ее взял и «прикончил» что, само собой разумеется, сказалось не в лучшую сторону на положении дел с рецидивной преступностью. Вот, правда, тогда она обретала в главе о преступлениях против порядка управления, поскольку данная сфера до недавнего времени, в общем-то, не увязывалась с правосудием. Seriously переработаны или дополнены ст. 299, 303, 304, 314, 315, 316 УК РФ, и в целом, расширена сфера действия данной главы. К примеру, достаточно указать, что в результате внесенных поправок, предметами фальсификации по ст. 303 УК РФ сейчас выступают не только доказательства по гражданским или уголовным делам, как все это было заложено изначально, но также и результаты оперативно-розыскной деятельности и доказательства по административным делам. Однако, дополнив посредством принятия Федерального закона от 06.07.2016 г. № 375-ФЗ УК РФ нормой о несообщении о преступлении (ст.205⁶), законодатель предпочел включить этот новый состав в ряды преступлений, посягающих на общественную безопасность, а не на правосудие, хотя его интересы здесь также находятся «под ударом». И сделано это, по-видимому, не только с учетом характера и направленности «основных» преступлений, сведения о которых и служит предметом рассматриваемого деяния, тем паче, что даже формально не все они значатся только в главе 24 УК. Не в малой мере «сработало» то обстоятельство, что в конце 1980-1990-х гг. пошлое века в сознании масс сложилось выраженное негативное отношение к прежней норме об ответственности за недонесение о преступлениях, которая, как раз и была в тот период «прописана» в главе «Преступления против правосудия» УК РСФСР 1960 г. В итоге, обратные недонесению, и казалось бы, законопослушные, действия, стали восприниматься по сути, едва ли не как синоним стукачества, в связи с чем и нынешний законодатель в новой норме решил отказаться от самого термина «недонесение», ввиду его очевидной дискредитации «в глазах населения», в то время как не сообщение о преступлении в той или иной форме присутствует в уголовном законодательстве США, Канады, ФРГ, Франции и Израиля [8].

Литература

1. Боярская А.В. Общеправовой и междисциплинарный аспекты понятия «правосудие» // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2019. Т. 16. №3. С.109-120.
2. Власов И.С., Тяжкова И.М. Ответственность за преступления против правосудия. М.: Юридическая литература. 1968. 134 с.
3. Гааг И.А. Проблема родового объекта преступлений против правосудия // Правовые проблемы укрепления российской государственности: Сб. статей. Ч. 20 / под ред. В.А. Уткина. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. С. 110-111.
4. Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия. СПб: Юридический центр Пресс. 491 с.
5. Денисов С.А. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления против правосудия: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб: Ун-т МВД РФ. 2002. 51 с.
6. Курс советского уголовного права (Особенная часть). Т. 4. / Отв. ред. Н.А. Беляев. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 557 с.
7. Новое уголовное уложение уложение Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. с приложением Предметнаго Алфавитнаго Указателя. С. Петербургъ: Изданіе Каменноостровскаго Юридискаго Книжнаго Магазина П.В. Анисимова. 1903. 253 с.
8. Сабатов С.А. Несообщение о преступлении в законодательстве зарубежных стран // Полицейская и следственная деятельность. 2019. № 1. С. 23-28.
9. Сборник кодексов Р.С.Ф.С.Р. — М.: Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. — 560 с.
10. Тугутов Б.А. Преступления против правосудия: теория и правоприменение// Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. Иркутск: Байкальский государственный университет. 2017. Выпуск 2. С. 137-146
11. Хлопцева Е. Ю. Уголовно-правовая охрана правосудия: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1995. 30 с.
12. Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. Изд-е 2-е, перераб. М.: Госюриздат, 1951. 512 с.

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

М. В. Морозов

Адвокатская палата Новосибирской области,
адвокат адвокатского кабинета М. В. Морозова
кандидат юридических наук
m_morozov_84@mail.ru

Аннотация: в данной статье рассматриваются вопрос принципов, их роль и функции в действующем уголовном законе.

Ключевые слова: уголовный закон, принципы, регулятивная функция, функция толкования.

Abstract: this article discusses the issue of principles, their role and functions in the current criminal law.

Keywords: criminal law, principles, regulatory function, interpretation function.

Уголовный закон, как и любая другая отрасль российского законодательства, содержит свои принципы. Принцип права — это основные начала, руководящие идеи, характеризующие сущность, содержание и назначение права, а также законодательную и правоприменительную деятельность [6, с.147]. У каждой отрасли права имеются общие принципы, которые содержатся и в других отраслях, но есть и свои индивидуальные. Именно индивидуальные принципы и выражают сущность и содержание конкретной отрасли права.

Принципы российского уголовного права обозначены в УК РФ 1996 г. К ним относятся: принцип законности, принцип равенства граждан перед законом, принцип вины, принцип справедливости, принцип гуманизма, принцип неотвратимости уголовной ответственности. Каждый принцип имеет свое непосредственное значение, благодаря которому и функционирует уголовное право как отрасль.

В настоящее время возникает вопрос, а правильна ли на сегодняшний день структура принципов действующего уголовного закона, достаточно ли принципов уголовного права обозначено законодателем в уголовном законе. Ведь только оправданная система принципов уголовного права способна выполнять его функции.

Так одним из предложений Т.Р. Сабитова является предложение отдельно выделить принцип недопустимости повторной уголовной ответственности за одно и то же деяние является самостоятельной идеей и поэтому должен быть закреплён отдельно в статье 6.1 УК РФ [2, с.14]. В настоящее время данное положение входит как частное в общее в принцип справедливости. Данное положение заключено в часть 2 статьи 6 УК РФ, согласно которой никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и тоже преступление.

Мы считаем, что данное предложение является оправданным, поскольку возведение данной идеи в принцип будет способствовать охране права и интересов личности. Но при этом из буквального толкования ча-

сти 2 статьи 6 УК РФ следует, что нельзя никого привлекать дважды за совершение одного и того же преступления.

В развитие предложения ученого Т.Р. Сабитова считаем, что данный принцип должен указывать не только на то, что никто не может быть дважды привлечен к уголовной ответственности за совершение одного и того же преступления, а также в правовой норме должно быть указание на то, что именно более одного раза никто не может быть привлечен к уголовной ответственности за совершение одного и того же преступления. Поскольку из буквального толкования части 2 статьи 6 УК РФ вытекает, что запрещено привлечение к уголовной ответственности одного и того же лица за совершение одного и того же преступления дважды. Но не запрещено более количество раз, например, три раза.

Исходя из содержания принципа законности, заключенном в статье 3 УК РФ, мы видим, что буквальное толкование уголовного закона в большинстве случаев является для российского законодателя приоритетным, а если сказать совсем открыто и честно, то и единственным.

В связи с этим считаем необходимым внести в уголовный закон норму следующего содержания: «Статья 6.1. «Никто не может нести уголовную ответственность более одного раза за одно и то же преступление».

Возникает также вопрос, касающийся такого принципа как неотвратимость наказания. В настоящее время он не провозглашен в действующем уголовном законе наряду с другими принципами. По мнению некоторых ученых принцип неотвратимости ответственности, а тем более наказания не может продуктивно существовать в реалиях современного российского законодательства [5, с.37].

Мы не согласны с такой радикальной точкой зрения. Конечно, сегодня данный принцип не столь актуален в отличие от времен действия советских уголовных кодексов. Но тем не менее данный вопрос не может быть на столько открытым.

Наиболее взвешенной по данному вопросу является позиция ученого Сабитова Т.Р. Ее смысл состоит в том, что принцип неотвратимости наказания должен заменить принцип обязательности применения мер уголовно — правового воздействия. В его содержание должны входить:

1. Обязательная реакция в соответствующей форме на любое уголовно — правовое поведение лица будь то негативный или позитивный поступок.
2. По возможности незамедлительная реакция на это поведение [3, с. 269].

Таким образом, в число принципов уголовного права должны входить: принцип законности, принцип равенства граждан перед законом, принцип вины, принцип справедливости, принцип единичности привлечения к уголовной ответственности за совершение преступления, принцип гуманизма, принцип реагирования государства на любое уголовно — правовое поведение лица.

Принципы задают тон регулирования общественных отношений, которые являются объектом конкретной отрасли права. Объектом уголовного права являются общественные отношения, связанные с совершением лицом преступления и привлечением его к уголовной ответственности. Привлечение к уголовной ответственности и совершение преступления это значительные события, явления, которые существенным образом нарушают или могут нарушить как интересы того, в отношении кого совершено преступление, так и интересы совершившего преступление.

В связи с этим роль принципов уголовного права сводится к построению и обеспечению деятельности уголовного законодательства как отрасли с таким расчетом, чтобы уголовный закон надежно защищал и охранял интересы общества, личности и государства, а также, чтобы лицо, совершившее преступление, претерпело именно те и такие неблагоприятные последствия для себя, которые бы соответствовали предельно четко тому, какие охраняемые интересы уголовного закона нарушены.

Т.Р. Сабитов выделяет следующие функции принципов уголовного права: идеологическая, политическая, регулятивная, функция толкования [4, с.84-86].

С данным мнением автора мы согласны частично. Во — первых, мы считаем, что данные функции возможно рассматривать не только применительно к вопросу борьбы правоохранительных органов с преступностью, а также в широком смысле слова применительно к существованию и деятельности российского уголовного права в целом.

Во- вторых, мы считаем, что принципы уголовного права не могут содержать идеологической функции, поскольку Конституцией запрещена какая — либо официальная идеология. Уголовный закон это акт государства, принятый законодателем, который отражает и защищает интересы всего общества, а не только какую — либо его часть, которая придерживается определенной идеологии (социалистической, коммунистической, либерально — демократической и т. д.). Вот воспитательную роль принципы уголовного права, действительно, содержат.

На важность и необходимость принципов уголовного права через их деятельность также указывают и другие ученые. Так по мнению М.В. Баранчиковой принципы уголовного права оказывают регулирующую функцию на отрасль, а также определяют направления уголовно — правовой политики и устанавливают начала нормотворчества и правоприменения [1, с.38].

По нашему мнению, особую значимость представляет регулятивная функция и функция толкования. Принцип направляет вектор всей деятельности лица, применяющего уголовно — правовую норму. Принципы регулируют и определяют, какими будут другие институты уголовного закона. Это в конечном итоге найдет проявление в качестве защиты и охраны прав и свобод, интересов общества, личности и государства. То есть от принципов уголовного закона напрямую зависит, насколько пол-

но и качественно будут решены задачи действующего уголовного закона. В каждой норме уголовного закона прослеживается принцип. Так к примеру можно привести часть 1 статьи 82 УК РФ.

Согласно части 1 статьи 82 УК РФ беременной женщине, женщине, имеющей ребенка в возрасте до четырнадцати лет, мужчине, имеющему ребенка в возрасте до четырнадцати лет и являющемуся единственным родителем, кроме лиц, которым назначено наказание в виде ограничения свободы, лишения свободы за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, лишения свободы на срок свыше пяти лет за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности, лишения свободы за преступления, предусмотренные статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4 и 205.5, частями третьей и четвертой статьи 206, частью четвертой статьи 211, статьей 361 настоящего Кодекса, и сопряженные с осуществлением террористической деятельности преступления, предусмотренные статьями 277, 278, 279 и 360 настоящего Кодекса, суд может отсрочить реальное отбывание наказания до достижения ребенком четырнадцатилетнего возраста.

Можно заметить, что в данной норме прослеживается сразу несколько принципов уголовного закона. К ним можно отнести принцип законности, принцип равенства граждан перед законом, принцип справедливости, принцип гуманизма.

Актуальное значение уголовно — правовых принципов также имеет и функция толкования, обозначенная ученым Сабитовым Т.Р.

Как известно, любой закон не является совершенным, то есть может обладать пробелами, не полно или не полностью указывать правоприменителю, как ему поступать в той или иной ситуации, подлежащей уголовно — правовому регулированию.

В случае пробела в уголовном законе на помощь правоприменителю снова приходят принципы. Ориентируясь на их обобщающие и направляющие начала, выражающие сущность уголовного закона, правоприменитель может правильно поступить в сложившейся ситуации.

Таким образом, имеющиеся в УК РФ принципы, а также дополнительно предложенные нами будут способствовать четкой работе российского уголовного закона. А их функции, к которым относится политическая, регулятивная, функция толкования, функция определения и направления уголовно — правовой политики будут способствовать выполнению задач, поставлены законодателем перед действующим уголовным законом.

Литература

1. Баранчикова М.В. Значение нормативности принципов уголовного права // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2009. С. 37-39.

2. Сабитов Т.Р. Уголовно-правовые принципы: понятие, система, виды: автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 2019, С. 54.
3. Сабитов Т.Р. Принцип неотвратимости наказания и его трансформация в уголовно — правовой науке и законодательстве. // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 3. С. 261-269.
4. Сабитов Т.Р. Значение принципов уголовного права в деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. // Юридическая наука и правоохранительная практика 2013. № 2. С. 83-89.
5. Стрилец О.В., Семененко Г.М., Пахомов А.Н. Неотвратимость наказания как принцип уголовного права. // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 2. С.36-41.
6. Шабуров А.С., Жайкбаев Ж. С. Теория государства и права: учебное пособие Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2019. — 382 с.

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

М. Е. Нехороших

Новосибирский государственный университет экономики и управления
доцент кафедры уголовного права и национальной безопасности,
кандидат юридических наук
mihaneh_92@mail.ru

Аннотация: в статье рассматриваются особенности производства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности. В заключении формулируется вывод о том, что введение указанных особенностей в действующий УПК РФ не вызвано объективными обстоятельствами, в связи с чем предлагается изменение норм УПК РФ.

Ключевые слова: уголовный процесс, производство по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, преступления в сфере экономической деятельности, экономические преступления.

Abstract: the article discusses the features of criminal proceedings on crimes in the field of economic activity. The conclusion is formulated that the introduction of these features into the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation is not caused by objective circumstances, in connection with which it is proposed to change the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Keywords: criminal process, criminal proceedings on crimes in the sphere of economic activity, crimes in the sphere of economic activity, economic crimes.

Как известно, действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации закрепляет особенности производства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности. При этом указанные особенности не систематизированы в одной главе УПК РФ, как например особенности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних или о применении принудительных мер медицинского характера, а рассредоточены по разным главам УПК РФ. Пере-

чень указанных особенностей был дополнен Федеральным законом от 13.06.2023 № 217-ФЗ [2], вступившим в законную силу 24 июня 2023 года. Как представляется, лейтмотивом введения всех указанных особенностей является заявление Д. А. Медведева в 2008 году на встрече с представителями малого бизнеса: «Замучили проверки и всякого рода наезды по коммерческим наводкам. Вообще надо, чтобы и наши правоохранительные органы, и органы власти перестали кошмарить бизнес».

Анализ указанных особенностей следует начать с нормы, предусмотренной ч. 3 ст. 20 УПК РФ. Данная норма закрепляет перечень преступлений, уголовное преследование по которым осуществляется в частно-публичном порядке. К указанным преступлениям, наряду с общеуголовными преступлениями, также относятся преступления, предусмотренные статьями 159 частями первой–четвертой, 159.1–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165, 176 частью первой, 177, 180, 185.1, 201 частью первой УК РФ, если они совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо если эти преступления совершены членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности (далее — преступления в сфере экономической деятельности). При этом законодатель делает оговорку, отмечая, что к уголовным делам частно-публичного обвинения не могут быть отнесены уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьями 159–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165, 176 частью первой, 177, 180, 185.1, 201 частью первой УК РФ, в случаях, если преступлением причинен вред интересам государственного или муниципального унитарного предприятия, государственной корпорации, государственной компании, коммерческой организации с участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) государства или муниципального образования либо если предметом преступления явилось государственное или муниципальное имущество.

Следует признать, что указанная оговорка порождает вопросы о справедливости определения вида уголовного преследования и соблюдении принципа равенства перед законом и судом. В частности, мошенничество (ст. 159 УК РФ) является преступлением небольшой тяжести, средней тяжести и тяжким, в зависимости от наличия или отсутствия квалифицирующих признаков. Соответственно, например, уголовное дело о простом мошенничестве (ч. 1 ст. 159 УК РФ), совершенное обычным гражданином, является уголовным делом публичного обвинения и возбуждается вне зависимости от того, подал ли заявление потерпевший или нет. Мошенничество, совершенное индивидуальным предпринимателем в сфере предпринимательской деятельности, является преступлением средней тяжести (ч. 5 ст. 159 УК РФ) или тяжким преступлением (ч. ч. 6,

7 ст. 159 УК РФ) и в любом случае уголовное дело о таком мошенничестве относится к категории дел частного-публичного обвинения и возбуждается только по заявлению потерпевшего. Больше вопросов возникает, например, с мошенничеством в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ). Вне зависимости от того, совершено ли данное преступление обычным гражданином или предпринимателем, действия виновных подлежат квалификации по ч. 1 ст. 159.1 УК РФ, если отсутствуют квалифицирующие признаки. При этом данное преступление относится к категории небольшой тяжести и наказание не предусматривает даже лишения свободы. Однако и здесь вид уголовного преследования определяется не квалификацией, ни характером и степенью общественной опасности деяния, ни возможным наказанием, а исключительно личностью субъекта преступления: если преступление совершено обычным гражданином, то уголовное преследование осуществляется в публичном порядке, если же преступление совершено индивидуальным предпринимателем, то в порядке частного-публичного обвинения. Как представляется, указанные различия в определении вида уголовного преследования являются неоправданными.

Следующей особенностью производства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности являются правила ст. 81.1 УПК РФ. Данная норма предусматривает специальные сроки действий с предметами и документами, которые были изъяты в ходе следственных действий и не были признаны вещественными доказательствами. В частности, постановление о признании вещественными доказательствами предметов и документов выносится в срок не позднее 10 суток с момента их изъятия. В случае, если для осмотра изъятых предметов и документов ввиду их большого количества или по другим объективным причинам требуется больше времени, по мотивированному ходатайству следователя или дознавателя этот срок может быть продлен еще на 30 суток. В случае, если для признания таких предметов и документов вещественными доказательствами требуется назначение судебной экспертизы, срок вынесения постановления о признании их вещественными доказательствами не может превышать 3 суток с момента получения следователем или дознавателем заключения эксперта. По ходатайству законного владельца документов, изъятых в ходе досудебного производства по уголовному делу ему предоставляется возможность снять за свой счет копии с изъятых документов, в том числе с помощью технических средств. Изъятые в ходе досудебного производства, но не признанные вещественными доказательствами предметы и документы возвращаются лицам, у которых они были изъяты, не позднее чем через 5 суток по истечении сроков признания их вещественными доказательствами.

Несмотря на то, что в целом следует положительно оценить указанные правила, поскольку они вносят определенность в вопрос о том, в какие сроки изъятые предметы и документы должны быть признаны вещественными доказательствами и приобщены к уголовному делу, следует

отметить, что непонятна логика законодателя, почему эти правила распространяются только на уголовные дела о преступлениях в сфере экономической деятельности. Для всех остальных уголовных дел законодатель вообще не предусматривает никакие сроки признания предметов и документов вещественными доказательствами, что создает неоправданную правовую неопределенность.

Изменениями от 2023 года в УПК РФ была закреплена еще одна особенность производства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, связанная с избранием мер пресечения. Согласно ч. 2 ст. 99 УПК РФ, в случае избрания меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого в обязательном порядке рассматривается возможность избрания такой меры пресечения, которая позволит продолжить осуществление предпринимательской деятельности и (или) управление принадлежащим имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, за исключением изъятых или арестованного имущества, либо деятельности по осуществлению полномочий по управлению организацией, либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности. Данная норма, безусловно, направлена на сокращение применения наиболее строгих мер пресечения в виде домашнего ареста и заключения под стражу, и в этом смысле подобные правила следует только приветствовать. Однако вновь возникает вопрос о том, насколько подобные формулировки соответствуют принципу равенства перед законом и судом. Иными словами, почему данные нормы не учитывают, что обвиняемый может заниматься иной законной деятельностью, которая не относится к предпринимательской, и почему в отношении иных обвиняемых избрание мер пресечения может создавать препятствия в осуществлении ими законной деятельности.

Кроме того, в 2023 году были изменены правила, предусмотренные ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ и предусматривающие особенности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении обвиняемых по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности. В частности, была исключена возможность избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в случае, если личность обвиняемого не была установлена. Как представляется, данное изменение является оправданным, поскольку сложно представить ситуацию, в которой по уголовному делу о преступлении в сфере экономической деятельности личность обвиняемого остается неизвестной, однако остается непонятным, зачем нужно было исключать эту возможность. Неужели в практике встречались случаи, которые законодатель решил пресечь?

Следующие изменения норм о продлении срока содержания под стражей и сроков предварительного расследования по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности сложно объяснить чем-либо. В частности, в настоящее время ст. ст. 109 УПК РФ преду-

смаатривает, что ходатайство о продлении срока содержания под стражей вносится следователем с согласия руководителя следственного органа по субъекту Российской Федерации, а не того следственного отдела, в котором работает следователь. Во-первых, возникают вопросы, связанные с тем, как должен продляться срок содержания под стражей, если уголовное дело расследуется в форме дознания (например, ч. 1 ст. 159.3 УК РФ). Специальных правил УПК РФ не предусматривает, соответственно, действует общее правило, что дознаватель должен получить согласие прокурора района, а не прокурора субъекта Российской Федерации. Хотя если применять аналогию закона, то дознаватель также должен получать согласие именно прокурора субъекта Российской Федерации. Во-вторых, зачем законодатель вообще изменил порядок получения согласия на возбуждение перед судом ходатайства о продлении срока содержания под стражей, учитывая, что в настоящее время сам порядок является идентичным для продления срока до 6 месяцев и до 12 месяцев.

Таким же образом был изменен порядок продления сроков предварительного следствия и дознания по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности. Так, срок предварительного следствия, согласно ст. 162 УПК РФ, продляется до 3 месяцев (то есть еще на 1 месяц) руководителем следственного органа по субъекту Российской Федерации, а не того следственного отдела, в котором работает следователь. При этом руководитель следственного органа по субъекту Российской Федерации должен принимать решение о продлении срока предварительного следствия до 3 месяцев и до 12 месяцев. Сроки дознания продляются в настоящее время аналогично: любое продление срока дознания (а не только до 12 месяцев) необходимо согласовывать с прокурором субъекта Российской Федерации, а не с районным прокурором, который осуществляет надзор за процессуальной деятельностью дознавателя. Как представляется, указанное изменение правил возбуждения ходатайств о продлении сроков содержания под стражей, сроков предварительного следствия и сроков дознания повлечет лишь неоправданное увеличение нагрузки на областные аппараты следственных органов и органов прокуратуры.

Наконец, последние особенности производства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности связаны с правилами производства следственных действий. В частности, ст. 164 УПК РФ предусматривает, что при производстве следственных действий не допускается необоснованное применение мер, которые могут привести к приостановлению законной деятельности юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, в том числе не допускается необоснованное изъятие электронных носителей информации и специальной декларации, поданной в соответствии с Федеральным законом «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Рос-

сийской Федерации», и (или) документов и сведений, прилагаемых к указанной декларации. В свою очередь, ст. 164.1 УПК РФ закрепляет особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации: правила об обязательном участии специалистов, понятых, исчерпывающий перечень случаев, когда допускается изъятие электронных носителей информации вместо копирования информации с них. При этом в очередной раз возникают вопросы о том, насколько указанные нормы действительно отражают специфику производства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности. Буквальное толкование норм УПК РФ приводит к заключению, что действующая редакция не предполагает каких-либо ограничений при изъятии электронных носителей информации у лиц, обвиняемых в совершении общеуголовных преступлений. Более того, возникают вопросы, связанные с тем, насколько правила об обязательном участии специалистов и понятых распространяются на все уголовные дела или только на уголовные дела о преступлениях в сфере экономической деятельности.

Следует согласиться с мнением П. О. Панфилова, что «особенности производства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности в части проверки сообщения о преступлении и возбуждения уголовного дела, использования в доказывании предметов, документов, электронных носителей информации, избрания мер пресечения, прекращения уголовного дела (уголовного преследования), оглашения приговора могут выступать важным средством защиты конституционных прав и свобод граждан и обеспечения экономической безопасности государства, однако их содержание не должно отрицательно сказываться на единстве процессуальной формы, гарантиях публичности уголовного судопроизводства» [1, С. 9–10]. Действительно, законодатель при формулировании особенностей производства по отдельным категориям уголовных дел должен исходить, в первую очередь, из особенностей регулирования уголовно-правовых отношений, ведь уголовный процесс — форма реализации норм уголовного права. Нормы уголовного права действительно закрепляют ряд особенностей, которые относятся к возможности освобождения от уголовной ответственности (ст. 76.2 УК РФ), и в этом случае нормы уголовно-процессуального права (ст. 28.1 УПК РФ) закрепляют механизм реализации таких особенностей. Однако проанализированные в статье особенности производства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, как представляется, не вызваны специальными правилами УК РФ, не отвечают признаку единства процессуальной формы и не соответствуют принципу равенства перед законом и судом.

В связи с этим следует изменить формулировки норм ст. 81.1, ч. 2 ст. 99, ст. 164.1 УПК РФ и распространить их действие на производство по всем уголовным делам. Что касается изменений порядка согласования ходатайств о продлении сроков содержания под стражей, сроков предва-

рительного следствия и сроков дознания, то следует исключить указанные нормы, поскольку их введение влечет необоснованное увеличение нагрузки на областные аппараты следственных органов и органов прокуратуры. Наконец, следует пересмотреть критерии распределения уголовных дел по видам уголовного преследования, закрепленные в ч. 3 ст. 20 УПК РФ.

Литература

1. Панфилов П. О. Особенности производства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2019. 26 с.
2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.2023 № 217-ФЗ // Российская газета. 19.06.2023. № 131.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛУЧЕНИЕ ВЗЯТКИ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ СЛУЖАЩИМИ

В. С. Никитчук

Новосибирский государственный университет экономики и управления
студент

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор кафедры
уголовного права и национальной безопасности НГУЭУ **Д. А. Савченко**

Аннотация: данная статья исследует проблему получения взяток государственными служащими и ее влияние на эффективность и коррупционные тенденции в государственном аппарате. В ходе исследования авторы анализируют различные аспекты этой проблемы, включая мотивацию служащих для принятия взяток, последствия для государственной политики и доверия граждан к государству. Также рассматриваются меры и стратегии, принимаемые правительством для борьбы с этим явлением, включая законодательные и административные механизмы контроля и наказания. Выводы статьи позволяют лучше понять механизмы возникновения и последствия получения взяток государственными служащими, а также предлагают практические рекомендации для борьбы с этим явлением и повышения эффективности государственного управления.

Ключевые слова: взятка, служащий, государственный служащий, получение взятки, государственное управление.

Abstract: this article explores the problem of receiving bribes by civil servants and its impact on efficiency and corruption trends in the state apparatus. During the study, the authors analyze various aspects of this problem, including the motivation of employees to accept bribes, consequences for public policy and citizens' confidence in the state. Measures and strategies taken by the Government to combat this phenomenon are also being considered, including legislative and administrative mechanisms for control and punishment. The article's conclusions provide a better understanding of the mechanisms of emergence and the consequences of bribes received by public servants, and also offer practical recommendations to combat this phenomenon and improve the effectiveness of public administration.

Key words: bribe, employee, civil servant, bribe taking, public administration.

Получение взяток государственными служащими является серьезной проблемой, которая оказывает негативное влияние на эффективность государственного аппарата и вызывает различные последствия. Получение взятки — одно из самых опасных и распространенных видов должностных преступлений. Часть 1 ст. 290 УК РФ определяет основной состав получения взятки. [1]

Один из важных аспектов этой проблемы — мотивация служащих для принятия взяток. Взятки могут предлагаться служащими в обмен на предоставление привилегий, ускоренное выполнение государственных процедур, искажение результатов оценок или решений, а также для обеспечения личной выгоды. Мотивация может быть связана с финансовыми трудностями, низкими заработками, недостатком этических норм или недостатком контроля.

Получение взяток государственными служащими имеет серьезные последствия для государственной политики и доверия граждан к государству. Коррупция влияет на распределение ресурсов и принятие решений в интересах отдельных лиц или групп, а не в интересах общества. Это может приводить к искажению конкуренции, увеличению бюрократических издержек, снижению качества государственных услуг и инфраструктуры. Кроме того, коррупция подрывает доверие граждан к государству и институтам, что может привести к ухудшению политической стабильности и разрушению социальной солидарности. [2]

Для борьбы с этой проблемой государство должно принимать соответствующие меры и стратегии. Это может включать укрепление законодательства и наказательной ответственности за коррупционные действия, улучшение системы контроля и прозрачности, повышение этических стандартов и обучение служащих. Также важно создание условий, которые снижают мотивацию для принятия взяток, включая увеличение заработной платы и улучшение условий работы государственных служащих. [3]

Получение взяток государственными служащими имеет серьезные последствия, которые оказывают отрицательное влияние на различные аспекты общества и государства.

Во-первых, это приводит к искажению конкуренции и неравноправному доступу к ресурсам и услугам. Когда служащие принимают взятки, они могут предоставлять преимущества определенным лицам или организациям, нарушая принципы справедливости и равенства. Это может привести к искажению экономической конкуренции и снижению эффективности рыночных процессов.

Во-вторых, коррупция и взяточничество увеличивают бюрократические издержки и замедляют развитие экономики. Когда служащие требуют взятки за выполнение своих обязанностей, это приводит к задержкам и дополнительным требованиям, что затрудняет бизнес-процессы и

инвестиции. Это негативно сказывается на экономическом росте и привлекательности страны для инвесторов.

В-третьих, коррупция оказывает негативное влияние на качество государственных услуг и инфраструктуры. Когда служащие принимают взятки, они могут игнорировать свои профессиональные обязанности и несвоевременно или неадекватно выполнять свои обязанности. Это ведет к недостаточному обслуживанию граждан, плохому качеству образования, здравоохранения, транспортной системы и других государственных услуг.

В целом, борьба с получением взяток государственными служащими требует комплексного подхода, включающего законодательные, административные и экономические меры. Необходимо создать систему надлежащего контроля и наблюдения за деятельностью государственных служащих, а также укрепить независимые органы, ответственные за борьбу с коррупцией.

Кроме того, важно проводить общественную кампанию и просветительскую работу, чтобы поднять осведомленность граждан о вреде коррупции и их роль в противодействии этому явлению. Активное участие граждан, журналистов, общественных организаций и других заинтересованных сторон также играет важную роль в борьбе с коррупцией и получением взяток.

В заключение, проблема получения взяток государственными служащими имеет серьезные последствия для эффективности государственного аппарата и доверия граждан к государству. Борьба с этой проблемой требует комплексного подхода, включающего правовые, административные и общественные меры. Эффективная борьба с коррупцией способствует укреплению правового государства, повышению качества государственных услуг и доверия граждан к государственным институтам.

Литература

1. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.04.2023)
2. Антонова, Н.А. Осуществление мер по противодействию коррупции в границах муниципальных образований как вопрос местного значения / Н.А. Антонова, В.Н. Зайковский // Государственная власть и местное самоуправление. — 2018. — №.... — С. 23-28.
3. Александров, И.В. Некоторые аспекты криминалистической характеристики современных служебных (должностных) преступлений / И.В. Александров. — М.: Законодательство, 2020. — 76 с.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ МОШЕННИЧЕСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА

М. Г. Прокопьев

Новосибирский государственный университет экономики и управления
магистрант
prokorev.misha@inbox.ru

Научный руководитель: профессор кафедры уголовного права
и национальной безопасности НГУЭУ, доктор юридических наук,
профессор **Р. Н. Боровских**

Аннотация: статья посвящена исследованию уголовно-правовых аспектов мошенничества с использованием электронных средств платежа, а также детальному анализу данного преступления в виду изменений в 2021 году. В работе также отражается проведенное социально-виктимологическое исследование, анализируются статистические данные Центрального Банка России, Судебного Департамента при Верховном Суде РФ, а также судебная практика применения п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и 159.3 УК РФ.

Ключевые слова: мошенничество, электронные средства платежа, преступления против собственности, обман, электронные деньги, платежные карты.

Abstract: the article is devoted to the study of criminal law aspects of fraud with the use of electronic means of payment, as well as a detailed analysis of this crime in view of changes in 2021. The work also reflects the conducted social and victimological study, analyzes statistical data of the Central Bank of Russia, the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation, as well as judicial practice of application of paragraph "d" part 3 article 158 of the Criminal Code and 159.3 of the Criminal Code.

Keywords: fraud, electronic payment methods, property crimes, deception, electronic money, payment cards.

Применение новейших технологий, в экономических отношениях, привело к применению электронных вычислительных машин, что в последующем способствовало созданию отдельного вида расчетов.

Для России и других технологически развитых стран, расчеты с использованием электронных средств платежа (- далее ЭСП) стали обычной и ежедневной процедурой. В то же время, с увеличением объема и значимости финансовых операций в этой сфере, возникают вопросы обеспечения безопасности и защиты ЭСП от различных противоправных посягательств.

В связи с этим, эффективно действующее законодательство в этой сфере становится актуальной темой обсуждения.

Сформулированное определение ЭСП в п. 19 ст. 3 Федерального Закона [1], включает все существующие устройства и способы, которые используются для перевода денежных средств — как с помощью банковских счетов, так и без них. Так, законодательство регулирует все виды ЭСП и обеспечивает безопасность и защиту лиц в этой области.

Согласно статистическим данным национальной платежной системы [2] количество платежных карт, эмитированных кредитными организациями и Банком России, отражает рост количества платежных карт в нашей

стране с 2013 по 2023 год. С 2013 по 2019 год количество карт увеличилось на примерно 80 тысяч, что является относительно медленным ростом. Однако, начиная с 2020 года, наблюдается значительное ускорение роста количества карт — на 13 тысяч в 2020 году, на 20 тысяч в 2021 году и на 29 тысяч в 2022 году с планируемым увеличением на 61 тысячу в 2023 году.

Данный рост можно связывать с более широким распространением безналичных платежей и удобством использования платежных карт в сравнении с другими формами оплаты. Это может также свидетельствовать о росте числа людей, использующих банковские услуги и получающих кредитные карты, также необходимо учитывать, что статистика может быть подвержена влиянию экономических и социальных факторов, которые могут сказаться на потребности людей в использовании платежных карт и банковских услуг в целом.

Не стоит также забывать, что платежные карты, это всего лишь одна самая популярная категория электронных средств платежа, по мимо данной категории существует как минимум еще одна не менее значимая и это — электронные кошельки. Электронные кошельки дают возможность удобно проводить финансовые операции не только в нашей стране, но и во всем мире.

Один из основных принципов работы электронных кошельков заключается в том, что они могут быть использованы без необходимости предоставления конфиденциальных данных пользователя. Получается, что это ЭСП может быть неперсонифицированным, что означает, что оно используется лицом, в отношении которого оператор не провел идентификацию в соответствии с Законом от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ [3]. Это делает невозможным прослеживание фактического владельца кошелька, что в свою очередь повышает вероятность использования электронных кошельков для совершения преступлений.

Электронные кошельки могут быть использованы для перечисления денежных средств на счета незаконных организаций, прямо или косвенно связанных с террористической деятельностью, а также для легализации доходов, полученных в результате противоправных действий, электронные денежные средства могут также подвергаться хищениям, будь то кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств или мошенничество с использованием ЭСП.

В середине декабря 2022 года, мной проводился социально-виктимологический опрос, объектом исследования которого являлись пользователи глобальной сети Интернет, использующие ЭСП. Суточная и недельная аудитория российского сегмента глобальной сети Интернет. К категории «пользователи Интернета» относятся все респонденты, давшие на вопрос «Приходилось ли Вам лично пользоваться электронными средствами платежа? Использовались, различные социальные сети и форумы. Одним из главных критериев было наличие активности и ее види-

мость. Инструментарием данного исследования является «Анкета виктимологического опроса интернет-пользователей» и опрос в «Гугл Формы». В анкете использована сквозная нумерация вопросов и независимая от них сквозная нумерация трехразрядным шифром возможных вариантов ответа.

Опрос проходил по несколько человек из различных социальных групп, чтобы получить общее, развернутое представление о виктимности пользователей Интернета. Использование количественных методик предполагает предварительное построение выборки. Выборочная совокупность — 119 человек. Возраст респондентов от 16 до 41 лет и старше.

Согласно полученным данным, можно сказать, что более 80 % опрошиваемых используют ЭСП, что свидетельствует о высокой популярности данного способа оплаты товаров и услуг. Более половины опрошиваемых (63 %) считают, что осуществление безналичных розничных платежей безопасно. В то же время, значительный процент опрошиваемых (37 %) высказали мнение о небезопасности данного способа оплаты на розничном рынке. Большинство опрошиваемых принадлежит к возрастной группе от 16 до 20 лет (30 %). Однако, в целом респонденты опроса представлены равномерно по возрастным категориям. Доля женской аудитории опроса составляет 55 %, что говорит о примерно равном распределении опрошенных мужчин и женщин. Более половины опрошиваемых (55 %) использовали ЭСП несколько раз в сутки, что свидетельствует о частом использовании данного способа оплаты.

Переходя к наиболее детальному рассмотрению уголовно-правовых аспектов защиты финансовых операций с электронными средствами платежа, следует сказать, что это в первую очередь п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, который предусматривает ответственность за тайное хищение денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств. Например, виновное лицо тайно похитило банковскую карту, после чего через устройство самообслуживания или работника торговой организации сняло денежные средства с банковского счета потерпевшего [4].

А также статья 159.3 УК РФ предусматривающая ответственность, в случае, когда лицо похищает чужое имущество или приобретает право на чужое имущество при обмане или злоупотреблении доверием, под воздействием которых владелец имущества или иное лицо передают имущество или право на него другому лицу с использованием ЭСП.

К примеру, лицо похищало денежные средства потерпевших с их банковских карт путем обмана (то есть, информационного воздействия на владельца платежной карты и направления фишинговой (поддельной) ссылки) с использованием ЭСП, в результате чего потерпевшие, введенные в заблуждение, сами перечислили денежные средства со своих банковских счетов на счета, используемые неустановленными лицами [5].

Следует отметить, что найти какое-либо применение ст. 159.3 УК РФ судами на практике достаточно затруднительно. Это также отражается в

судебной статистике. Количество осужденных по ст. 159.3 УК РФ за 2020 год, то есть, до внесенных изменений в Постановление Пленума [6], в 2020 году [7] наибольшее количество осужденных приходится на ч. 2 данной статьи, то есть, совершенное группой лиц по предварительному сговору, а равно с причинением значительного ущерба — 1825 человек.

Одновременно с этим, заметно, что количество осужденных по статье в 2022 году [8], после изменений, существенно уменьшилось по сравнению с 2020 годом. Например, количество осужденных по ч.1 снизилось с 1243 до 37.

Не стоит делать поспешного вывода о том, что правовые меры, принятые для борьбы с мошенничеством с использованием ЭСП отражают положительный эффект в борьбе с преступностью. Дело в том, что, исключив из Постановления Пленума в п. 17 абзацы первый и второй, исчезло четкое понимание того, что следует понимать под данной статьей, а все что понималось ранее, перешло в понимание п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Другим словами можно сказать о том, что было отдано предпочтение составу по ст. 158 УК РФ, когда по своей природе, ст. 159.3 УК РФ имеет преимущество, выражающееся в наименовании самого п. «г» ч. 3 ст. 158, а именно: «при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159.3 Уголовного Кодекса». Получается, что все признаки перешли к самой ст. 158, что весьма нелогично, а понимание, которое есть на данный момент выражается в понимании обычного мошенничества и ЭСП.

К примеру, в Определении Судебной Коллегии по уголовным делам Смоленского областного суда [9] отмечено, что хищение денежных средств, совершенное с использованием злоумышленником ЭСП, образует состав данного преступления в тех случаях, когда изъятие денег было осуществлено путем обмана или злоупотребления доверием их владельца или иного лица.

На этой почве размышлений возникают более новые вопросы. Из такой трактовки должен ли именно сам злоумышленник использовать ЭСП или он может обмануть или использовать доверительные отношения с законным обладателем, а тот сам переведет денежные средства? А также кому необходимо для полного состава, мошенничества с использованием ЭСП, нужно списать деньги в пользу злоумышленника? Обманутому владельцу или же самому злоумышленнику, имеющему физическую доступность к чужому ЭСП?

До этого приводился пример, где лицо дистанционно совершило преступление и было осуждено. Как минимум, чтобы сформировать какую-либо минимальную правоприменительную базу, нужно заложить минимальный фундамент, который смог бы помочь применять корректно сам уголовный закон. Если все же предположить, что уголовная ответственность за деяние, предусмотренное статьей 159.3 УК РФ будет наступать в

независимости от того, кто распорядился перевести электронные денежные средства в пользу злоумышленника, то это было бы весьма логичным решением.

Также, если исходить из судебного определения, указанного выше по ст. 159.3 УК РФ, где лицо было осуждено за поддельную ссылку оплаты, то учитывая такой новый характер статьи возникновения возможности преступного посягательства через сеть Интернет на собственность лица, необходимо ужесточение уголовной ответственности.

Связанно это с высоким уровнем латентности самих киберпреступлений, в которых лица имеющие необходимые знания в определенной области, минимизируют вероятность своей поимки и естественно не желают срывать с себя маску анонимности. Причины этого по мнению Л. П. Зверьянской могут крыться в «нежелании наших соотечественников заявлять о совершенном против них компьютерном преступлении в полицию» [10, с. 161].

Также актуальным вопросом остается проблема, возникающая при квалификации ст. 159.3 УК РФ «группой лиц по предварительному сговору» или «организованной группой», так как лицо, к примеру, не может вступить в сговор с автоматической программой-ботом, но при этом порой на практике сложно идентифицировать выполняла те или иные мошеннические действия программа или лицо, которое не было установлено следствием. Сложно установить было ли лицо в сговоре с разработчиками фишинговых программ и имело ли место быть между ними сотрудничество.

В заключение следует подчеркнуть несмотря на то, что существует судебная практика по данному составу, возникает целый ряд трудностей и неопределенностей в его применении, что требует дополнительного исследования и практической проработки. В настоящее время приговоры по данному составу встречаются нечасто, а длительные судебные разбирательства могут осложнять решение спорных вопросов и создавать неудобства.

Однако, возможно в будущем будет дополнена некая позиция законодателя в этой области, которая будет учитывать имеющуюся судебную практику и будет одновременно направлена на решение проблемы правоприменения статьи.

Литература

1. Федеральный закон «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 № 161-ФЗ справочно-правовая система «Консультант-Плюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/ (дата обращения 03.05.2023).
2. Центральный банк Российской Федерации [Электронный ресурс] // Статистика. Национальная платежная система. Сводные данные

- № 14. URL: <https://cbr.ru/statistics/nps/psrf/> (дата обращения 03.05.2023).
3. Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ справочно-правовая система «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/ (дата обращения 03.05.2023).
 4. Приговор Ярцевского городского суда Смоленской области № 1-224/2021 1-24/2022 от 18 февраля 2022 г. по делу № 1-224/2021 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ «СудАкт» URL: <https://clck.ru/34FASQ> (дата обращения 03.05.2023).
 5. Определение Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда Чувашской Республики от 18 августа 2021 года Дело № 22-1924/2021 [Электронный ресурс] // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции Консорциума «Кодекс» URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/608678698> (дата обращения 03.05.2023).
 6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» справочно-правовая система «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/ (дата обращения 03.05.2023).
 7. Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс] // Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2020 год URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения 03.05.2023).
 8. Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс] // Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022 год URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7649> (дата обращения 03.05.2023).
 9. Определение Судебной Коллегии по уголовным делам Смоленского областного суда от 14 июля 2021 года Дело № 22-1007/2021 [Электронный ресурс] // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции Консорциума «Кодекс» URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/608218368> (дата обращения 03.05.2023).
 10. Зверьянская Л.П. Дискуссионные проблемы выявления и предупреждения киберпреступлений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. №8. С. 161. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskussionnye-problemy-vyyavleniya-i-preduprezhdeniya-kiberprestupleniy> (дата обращения: 03.05.2023).

11. Бегишев И. Р. Понятие и виды преступлений в сфере обращения цифровой информации : дис. на соискание ученой степени кандидата юридических наук 12.00.08 / Бегишев Ильдар Рустамович. — Казань, 2017. — 204 с.
12. Боровков А. А. Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (ч. 5-7 ст. 159 УК РФ) проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации : дис. на соискание ученой степени кандидата юридических наук 12.00.08 / Боровков Артем Александрович. — Красноярск, 2018. — 240 с.
13. Камко А. С. Предупреждение мошенничества с использованием телекоммуникационных и компьютерных сетей : дис. на соискание ученой степени кандидата юридических наук 12.00.08 / Камко Артем Сергеевич. — Владивосток, 2020. — 228 с.
14. Летелкин Н. В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») : дис. на соискание ученой степени кандидата юридических наук 12.00.08 / Летелкин Николай Владимирович. — Нижний Новгород, 2018. — 218 с.
15. Маркова Е. А. Уголовно-правовая характеристика хищения, совершаемого с использованием электронных средств платежа : дис. на соискание ученой степени кандидата юридических наук 5.1.4. / Маркова Елена Алексеевна. — Санкт-Петербург, 2021. — 251 с.
16. Мусьял И. А. Дифференцированные виды мошенничества: теоретические и практические проблемы : дис. на соискание ученой степени кандидата юридических наук 12.00.08 / Мусьял Ирина Александровна. — Курск, 2018. — 260 с.
17. Черемисинова М. Е. Правовой статус субъектов в виртуальном пространстве / М. Е. Черемисинова. — Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Издательский дом "Юриспруденция", 2020. — 208 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48315939> (дата обращения 10.03.2023).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ КАК ПРИЗНАК СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е. А. Проскура

адвокат

proskura.law@gmail.com

В настоящей статье рассматриваются составы преступлений, предусмотренных главой 22 Уголовного кодекса РФ, совершаемых при помощи средств массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет».

В связи с этим необходимо обратить внимание на две тенденции законодателя в области нынешнего уголовно-правового регулирования, свойственные не только преступлениям в сфере экономической деятельности. С одной стороны, законодатель все чаще включает различные статьи Уголовного кодекса РФ термины «информационно-телекоммуникационные сети», сеть «Интернет», что обусловлено чаще всего необходимостью ужесточить ответственность за преступления, совершенные с их использованием в силу повышения общественной опасности таких преступлений. С другой стороны, сегодня прослеживается тенденция законодателя к отказу от чрезмерного уголовно-правового регулирования в области предпринимательской деятельности, продиктованной экономической и социальной потребностью государства.

Именно на примере трансформации признака «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)» в немногочисленных преступлениях главы 22 Уголовного кодекса РФ можно обнаружить актуальные проблемы его внедрения в уголовный закон.

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационные сети, преступления в сфере экономической деятельности, интернет, электронные сети, средства массовой информации.

The article deals with constituent elements of crimes prescribed by Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation and committed with the aid of mass communication media, information and telecommunication channels including the Internet.

In this behalf one should point out two main trends in the current legal regulation not only within, but also beyond the sphere of economic activity. On the one hand, the legislator has been including the terms ‘information and telecommunication networks’, ‘the Internet’ in the Chapters of the Criminal Code of the Russian Federation in increasing frequency since the necessity to stiffen penalties for socially dangerous offences made via these channels arose. Contrarily, the other major law-making trend to control over-regulating in the field of entrepreneurial activity has indicated itself under the conditions of social and economic tension.

To describe the urgent issues of applying the Criminal Code it is necessary to consider the transformation of the attribute ‘via information and telecommunication networks including the Internet’ in few crimes of Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: information and telecommunication networks, economic crimes, the Internet, electronic networks, mass communication media.

На настоящий момент в различных вариантах признак преступления: «с использованием информационно — телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)» предусмотрен в самых различных главах Уголовного кодекса РФ и продолжает включаться законодателем в самые

различные его статьи. Это обусловлено тем, что использование сети Интернет становится повсеместным и возможным для использования не только в благих целях, но и в целях совершения преступлений. В данном случае реакция законодателя необходима. В главе 22 Уголовного кодекса РФ вышеуказанный признак фигурирует всего в двух статьях уже очень долгое время. Речь идет о части 1 статьи 171.2 УК РФ, а также о части 1 ст. 185.3 УК РФ, где он является конструктивным признаком основного состава и на тяжесть преступления не влияет.

Несмотря на то, что этот признак так редко непосредственно указан в диспозициях статей экономических преступлений, необходимо отметить, что как раз в главе 22 УК РФ он появился в самую первую очередь, когда иные составы Уголовного кодекса РФ не предусматривали подобного способа совершения преступления.

Понятие «информационно-телекоммуникационная сеть», так же как и понятие «сеть «Интернет» впервые появилось в Уголовном кодексе РФ, в связи с вступлением в силу Федерального закона от 30 октября 2009 г. N 241-ФЗ [7]. Данные понятия изначально содержались в части 2 статьи 185.3 УК РФ. Ранее УК РСФСР не содержал ни понятия «информационно-телекоммуникационная сеть», ни понятия «сеть «Интернет». Указанная норма предусматривала ответственность за манипулирование ценами на рынке ценных бумаг, совершенное с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования (включая сеть «Интернет»). В тот период данное преступление законодателем относилось к категории тяжких, за его совершение предусматривалось, в том числе лишение свободы на срок от пяти до семи лет.

На настоящий момент данный признак перекочевал в часть первую указанной статьи и перестал быть квалифицирующим. Сегодня часть 1 статьи 185.3 УК РФ предусматривает манипулирование рынком, под которым понимается умышленное распространение заведомо ложных сведений или совершение операций через средства массовой информации, в том числе электронных, информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»). Оба вышеуказанных состава материальные, однако отличаются именно отражением в актуальной и предыдущей статье рассматриваемого нами признака. В частности, в первом варианте понятия «средства массовой информации» и «информационно-телекоммуникационные сети общего пользования» не отождествляются, поскольку разделены союзом «или». В нынешнем варианте используется другой подход, поскольку законодатель отождествляет понятия «средствами массовой информации», «электронные сети» и «информационно-коммуникационные сети (включая сеть «Интернет»)». Найти логическое объяснение такой трансформации трудно. Полагаем, что часть 1 статьи 185.1 УК РФ копирует содержание статьи 5 Федерального закона от 27 июля 2010 г. N 224-ФЗ в редакции, действовавшей до апреля 2019г., где

под распространением информации понимались действия, связанные с опубликованием информации в средствах массовой информации, в том числе в электронных, информационно-телекоммуникационных сетях, доступ к которым не ограничен определенным кругом лиц (включая информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»). На настоящий момент указанная статья закона не отождествляет средства массовой информации и информационно-телекоммуникационные сети, в то же время диспозиция части 1 статьи 185.1 УК РФ осталась неизменной.

Очевидно, что с 2011 года данная статья нуждается в изменениях, поскольку выбивается из парадигмы использования терминов «средства массовой информации», «информационно-телекоммуникационные сети», «Интернет», «электронные сети» в Уголовном кодексе РФ. Едва ли можно назвать обоснованным введение в состав вышеуказанного преступления в качестве альтернативных понятия «электронные сети» и «информационно-телекоммуникационные сети» при отсутствии какой-либо дифференциации этих понятий в законодательстве, поскольку понятие «электронные сети» законодателем нигде не раскрывается и фактически является тождественным понятию «информационно-телекоммуникационные сети». Использование понятия электронные сети на настоящий момент можно признать излишним, поскольку деление на различные типы сетей теряет актуальность. Достаточно спорным можно назвать также отождествление понятий «средства массовой информации» и «информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть «Интернет»)», поскольку не все Интернет-ресурсы являются средствами массовой информации [2, с.249].

Необходимо обратить внимание на позицию судов о возможности применения понятия «электронные сети» при рассмотрении конкретных уголовных дел. В частности, судами указывается на то, что в законодательстве не закреплено понятие электронных сетей. В одном из приговоров высказана позиция о том, что при передаче сообщений посредством сети Интернет подсудимый использовал и должен был использовать сотовый телефон и компьютер, являющихся по сути электронно-вычислительными машинами, то по убеждению суда электронные сети и информационно-телекоммуникационные сети являются совпадающими по существу понятиями, взаимозаменяемыми и синонимичными [5]. Отметим, что актуальная позиция Верховного суда РФ сводится к тому, что для целей уголовного законодательства понятия электронных и информационно-телекоммуникационных сетей не разграничиваются, а «Интернет» является одним из их видов [3]. Возможно такое решение вышеуказанной проблемы с понятийным аппаратом будет единственным еще долгое время, учитывая обозначенную позицию. Следует признать, что при таком подходе нарушается принцип правовой определенности, что в сфере уголовно-правового регулирования недопустимо.

Обратим внимание еще на одну трансформацию интересующего нас признака: изначально в части 2 статьи 185.3 УК РФ использовался термин «информационно-телекоммуникационные сети общего пользования», позднее в части 1 статьи 185.3 УК РФ используется термин «информационно-телекоммуникационные сети» на основании изменений, внесенных Федеральным законом от 11 июля 2011 г. N 200-ФЗ. Следует согласиться с мнением о том, что данное изменение означает расширение сферы действия статьи 185.3 УК РФ за счет исключения из нее уточнения, что информационно-телекоммуникационные сети должны быть общего пользования [1].

По логике законодателя, данные изменения обусловлены существенными изменениями понятийного аппарата, используемого законодательством Российской Федерации, в сфере применения информационных технологий, обеспечения защиты информации и осуществления права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации в связи с принятием Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», введением терминов, ранее не имевших нормативно закреплённого значения, таких как «электронное сообщение», «информационно-телекоммуникационная сеть» и др.[4] Вместе с тем, отметим, что изначально при введении в состав статьи 185.3 УК РФ термина «информационно-телекоммуникационные сети общего пользования» законодатель в иных законах и подзаконных актах данного термина не раскрывал.

20 июля 2011 г. Уголовный кодекс РФ дополнен статьей 171.2, часть 1 которой предусматривает ответственность также и за организацию и (или) проведение азартных игр с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», а также средств связи [6]. В этом составе так же как и в предыдущем использование информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») не увеличивает общественную опасность преступления, но выделяется законодателем наряду с остальными средствами совершения данного преступления.

Отметим, что иные преступления, предусмотренные главой 22 УК РФ, также могут совершаться с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), что, однако также никак не повлияет на общественную опасность некоторых из них (к примеру, это касается статей 169-170.1 УК РФ), поэтому отдельное включение в них рассматриваемого признака нецелесообразно. В других же составах, например предусмотренных статьями 171.1, 171.3-171.5, 186, 187 и другие статьи Уголовного кодекса РФ, целесообразно включить использование информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») в качестве квалифицирующего признака, поскольку такое использование повышает общественную опасность преступления.

Резюмируя изложенное, отметим давно обнаружившую себя потребность внесения корректировок в объективную сторону составов преступлений главы 22 Уголовного кодекса РФ в части использования в них признаков «с использованием средств массовой информации», «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»». В частности, считаем необходимым исключить из диспозиции части 1 статьи 185.3 УК РФ указание на электронные сети, а также дифференцировать понятия «средства массовой информации» и «информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть «Интернет»)». Предусмотреть признак «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)» в составах статей 171.1, 171.3, 171.5, 186, 191, 191.1 УК РФ. Конечно же, указанные изменения в рассматриваемую главу относительно признака «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)» должны производиться одновременно с аналогичными изменениями как в статьях Уголовного кодекса РФ в иных главах, поскольку указание на электронные сети содержится также в части 2 статьи 205.2; части 2 статьи 280.1; пункте «б» части 2 ст. 228.1 Уголовного кодекса РФ, так и в специализированном законодательстве.

Литература

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации/ под ред. д-ра юрид. наук, проф. А.И. Чучаева: "КОНТРАКТ", 2013. 122с.
2. Ковлагина, Д. А. Понятие «электронные сети» в контексте некоторых составов преступлений, предусмотренных Уголовным Кодексом РФ // Молодой ученый. 2016. № 16. С. 249-251. URL: <https://moluch.ru/archive/120/33286>(дата обращения: 22.06.2023).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. N 37"О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», п.17//СПС «Гарант» (дата обращения 21.06.2023).
4. Пояснительная записка к проекту федерального закона №404643-5 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «Гарант» (дата обращения 21.06.2023).
5. Приговор Ленинского районного суда г. Чебоксары Чувашской Республики — Чувашии от 24 июля 2020 г. по делу N 1-333/2020//СПС «Гарант» (дата обращения 21.06.2023).
6. Федеральный закон от 20 июля 2011г. №250-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «ГАРАНТ» (дата обращения 21.06.2023).

7. Федеральный закон от 30 октября 2009 г. N 241-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «ГАРАНТ» (дата обращения 21.06.2023).

КОРРЕКТИРОВКА ПОДХОДА НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ К ПЛАНИРОВАНИЮ И ПРОВЕДЕНИЮ ВЫЕЗДНЫХ НАЛОГОВЫХ ПРОВЕРОК

А. Е. Речкина

Управление ФНС России по Новосибирской области
старший государственный налоговый инспектор
контрольно-аналитического отдела
rae95fima@mail.ru

Н. И. Лямкина

Новосибирский государственный университет экономики и управления
старший преподаватель кафедры уголовного права
и национальной безопасности
natasha.lyamckina@yandex.ru

Аннотация: в статье рассмотрены существующие в настоящее время недоработки в налоговом законодательстве, инструментах дистанционного мониторинга и предиктивной аналитики налоговых органов, позволяющих недобросовестным руководителям использовать их для уклонения от уплаты налогов в полном размере. Предложены действия по совершенствованию методики проведения мероприятий налогового контроля.

Ключевые слова: налоги, выездная налоговая проверка, налоговое администрирование.

Abstract: the article examines the currently existing shortcomings in tax legislation, remote monitoring tools and predictive analytics of tax authorities, allowing unscrupulous managers to use them for tax evasion in full. Actions to improve the methodology of tax control measures are proposed.

Key words: taxes, on-site tax audit, tax administration.

Актуальность данной темы исследования обусловлена тем, что за счет налоговых поступлений осуществляется финансирование расходов общегосударственного характера: правоохранительная деятельность, федеральные инвестиционные программы, содержание органов государственной власти, финансовая помощь регионам и т. д., в то время как налоговые преступления имеют высокую степень общественной опасности и приносят государству существенный материальный ущерб, который в конечном счете выражается либо в замедлении темпов развития государства, либо же вовсе в экономическом кризисе.

Согласно данным Федеральной налоговой службы и Министерства внутренних дел Российской Федерации, в последние годы наблюдается тенденция на сокращение количества вынесенных решений на проведе-

ние выездных налоговых проверок (далее — ВНП) в отношении юридических лиц при одновременном увеличении тщательности проведения каждой из них, что в конечном итоге приводит к увеличению доначислений и формированию единства подходов со стороны налоговых органов, а также формированию более существенной доказательной базы [4]. Данные обстоятельства свидетельствуют об эффективности подхода налоговых органов к выявлению недобросовестных налогоплательщиков, проведению и планированию проверок в отношении них, а также в последствии к привлечению к уголовной ответственности должностных лиц. При этом существенный размер ущерба, причиняемого бюджету страны, указывает на необходимость дальнейшего пристального внимания и контроля со стороны государства на нарушения налогового законодательства.

Таблица

Данные статистики [1,4]

Показатель	2018	2019	2020
Количество зарегистрированных экономических преступлений (тыс.)	109.5	104.9	105.5
Количество выездных налоговых проверок организаций (тыс.)	12.3	9.1	6
Количество зарегистрированных налоговых преступлений (тыс.)	7.6	4.5	3.9
Ущерб от налоговых преступлений (млрд руб.)	94,9	85,2	87

Таким образом, на основании данных, представленных в таблице, можно сделать вывод, что за последние 3 года количество экономических преступлений незначительно уменьшилось, в то время как налоговые преступления сократились почти в 2 раза, но ущерб по ним остался примерно на прежнем уровне. Количество выездных проверок сократилось. Основной причиной к уменьшению количества ВНП явилась позиция Федеральной налоговой службы, направленная на открытый диалог с налогоплательщиками и на побуждение к добровольному уточнению своих налоговых обязательств. Количество выездных налоговых проверок в 2020 году сократилось на треть и составило 6 тыс., в том числе в связи с введением моратория на их проведение, связанного с пандемией COVID-19 [5].

В связи с этим важное значение имеет грамотный подход к планированию и проведению выездных налоговых проверок (далее — ВНП), так как именно в ходе ВНП в отличие от камеральных проверок проводится полный и более углубленный анализ финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщика, ее контрагентов, товарно-денежных потоков организации, определение схемы ведения бизнеса. Таким образом налоговый орган приходит к выводу о совершении налогового правонаруше-

ния или об его отсутствии, что оформляется в виде решения о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения либо решения об отказе в привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения.

За последние годы налоговое законодательство неоднократно изменялось как на федеральном, так и на региональном и местном уровнях. Причем изменения носили как незначительный характер, например, внесение корректировок в отдельные статьи, так и более значимый, как например, отмена одних специальных налоговых режимов и утверждение новых. Логика данных поправок очевидна, понятна и оправдана. В частности, причинами является совершенствование налогового администрирования, стремление вывести бизнес из «тени», повысить собираемость налогов избегая прямого повышения ставок, побуждение к полной уплате налогов, создавая при этом благоприятные условия и т. д.

Однако, далеко не все статьи Налогового кодекса РФ подвергаются тщательному пересмотру и корректировкам. Так, в частности, статья 89 НК РФ на протяжении долгих лет не меняет сути содержания, а именно следующей части: «В рамках выездной налоговой проверки может быть проверен период, не превышающий трех календарных лет, предшествующих году, в котором вынесено решение о проведении проверки» [2]. По сути, право на проведение налоговым органом ВНП за период в течение трех календарных лет, предшествующих году, в котором вынесено решение о проведении проверки стало на практике повсеместно и практически всегда применяются буквально и именно в том ключе, что предпроверочный анализ и последующая ВНП проводятся именно за три предшествующих года. Например, в 2022 году анализируется финансово-хозяйственная деятельность организаций и индивидуальных предпринимателей за 2019, 2020 и 2021 годы соответственно. На эту особенность давно обратили внимание большинство руководителей компаний и главные бухгалтера. Особенно применяющие на практике те или иные схемы уклонения от уплаты налогов в полном размере.

Также налогоплательщикам хорошо известна и иная специфика контроля со стороны налоговых органов. Помимо вышеуказанного пути, который может привести к проведению выездной налоговой проверки, есть еще один. Так, в частности при добровольной ликвидации организации существует определенный порядок предоставления в налоговые органы заявлений и отчетности. Как правило срок ликвидации составляет в среднем 4-6 месяца. В течение данного срока и до момента ликвидации организации, которым будет внесение соответствующей записи в ЕГРЮЛ, налоговый орган может вынести решение о проведении ВНП. Особенностью контроля в данном случае будет являться то, что анализу подлежит финансово-хозяйственная деятельность за три предшествующих года до даты ликвидации (трем годам равен срок давности налоговых правонарушений, за который налогоплательщик может быть привле-

чен к ответственности) вне зависимости от реальных сроков деятельности организации. В том время как в случае с предпроверочным анализом без ликвидации, перед ВМП, характерно то, что выборке подлежат организации зарегистрированные и осуществляющие деятельность четыре и более лет. Так, например, у организации, созданной в 2020 году и начавшей процедуру ликвидации будет проверен период с даты регистрации по планируемую дату ликвидации. Данного способа стараются избегать недобросовестные руководители и главные бухгалтера, осознающие, что предшествующие года по текущую дату в их деятельности проводились сомнительные операции.

Также недобросовестные налогоплательщики стараются избегать каких-либо сложностей при проведении камеральных проверок, так как при наличии достаточных оснований налоговый орган может либо вынести акт камеральной проверки по выявленным нарушениям либо же в определенных случаях передать материалы в отдел предпроверочного анализа для рассмотрения вопроса о целесообразности назначения ВМП посредством включения в план проведения ВМП.

Вышеуказанный порядок сохраняется на протяжении многих лет, не претерпевая существенных изменений и став хорошо известным налогоплательщикам. В связи с тем, что применение различных схем уклонения от уплаты налогов, будь то налог на добавленную стоимость, транспортный налог, налог на прибыль организаций и т. д., несмотря на наличие административного и уголовного наказания, теоретически может сэкономить существенные суммы, то незаконная оптимизация налогообложения по-прежнему востребована и в настоящее время. Особенно это касается довольно частой практики «дробления бизнеса».

Тем самым, понимая относительно предсказуемый порядок администрирования налоговыми органами юридических лиц, описанный выше, сложился определенный порядок действий, учитывающий все эти обстоятельства. И хотя вариантов незаконной оптимизации налогообложения множество, создание схемы начинается в большинстве случаев с регистрации юридического лица, будь то общество с ограниченной ответственностью или физическое лицо в качестве индивидуального предпринимателя, в зависимости от поставленных целей, подобрав необходимую систему налогообложения, офис в качестве юридического адреса, уставный капитал и так далее по мере необходимости. Затем, как правило, в течение периода до двух с половиной лет созданное юридическое лицо используется в целях уклонения от уплаты налогов. Такими целями могут являться, например, создание дополнительного звена при «дроблении» бизнеса, когда необходимо юридическое лицо на упрощенной системе налогообложения (УСН), для распределения прибыли и недопущения скопления выручки на одном лице, либо же для получения необоснованных налоговых вычетов по НДС, путем использования, так называемого «бумажного» НДС, или обналичивания денежных средств через

«технические» организации; также данные лица могут использоваться для занижения выручки бенефициара (выгодоприобретателя). Только самых распространенных причин и способов ухода от налогообложения можно насчитать десятки. По истечении, как правило, двух-двух с половиной лет реальная финансово-хозяйственная деятельность такого юридического лица прекращается. Дальнейшие действия зависят от возможностей и планов реальных бенефициаров организации, но в большинстве случаев в последующие годы сдаются «нулевые» декларации, выводятся денежные средства из оборота, а также все имущество и прочие активы. В некоторых случаях меняются директор и учредитель на номинальных, если изначально они не были назначены на эти должности за небольшую плату. Ликвидацией таких компаний как правило не занимаются, так как есть значительный риск привлечь внимание налоговых органов. Уклонение от уплаты налогов носит преимущественно латентный характер и именно этим объясняется подобный порядок действий.

Таким образом сложилась своеобразная лазейка для предпринимателей, применяющих различные схемы по неправомерному уменьшению налоговых обязательств, заключающаяся в том, что с одной стороны предпроверочный анализ занимается, в подавляющем большинстве, в плановом порядке «реальными» действующими организациями, имеющими активы, сотрудников, срок с момента регистрации, которых 3 и более года для включения в план выездных проверок. А с другой стороны, текущей финансово-хозяйственной деятельностью налоговые органы могут заинтересоваться либо в случае подачи заявления на ликвидацию, либо если соответствующие камеральные отделы обратят пристальное внимание. Но в первом случае достаточно не подавать заявления, а во втором избегать деклараций с возмещением или существенных и необъяснимых отклонений от средних значений.

Получается, что в большинстве случаев достаточно зарегистрировать юридическое лицо, задействовать его в неправомерном снижении налоговых обязательств в течение 1-2 лет, а затем заново повторить данное действие. Учитывая то, какие суммы налогов получается скрывать от государства, то практически любые издержки окупаются в многократном размере.

Любопытно, что банковский сектор имеет обратную политику. Взаимодействуя с ФНС РФ и Росфинмониторингом, банки уделяют особенно пристальное внимание тем организациям и индивидуальным предпринимателям, которые зарегистрированы менее 2 лет назад и (или) открыли расчетный счет менее одного года назад. В частности, привлекают внимание операции, носящие транзитный характер, низкая доля оплачиваемых налогов от оборота (менее 0,9%), снятие наличных и иные операции, не характерные для реального ведения деятельности. Деятельность таких юридических лиц достаточно оперативно пресекается банками, зачастую в рамках Федерального закона "О противодействии легализации (отмы-

ванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма" от 07.08.2001 N 115-ФЗ [6]. Такое повышенное внимание как раз объясняется тем, что созданные для целей уклонения от налогов юридические лица наиболее активно совершают операции в первые месяцы.

При этом, конечно же, банковские структуры обладают существенно меньшими возможностями оценки деятельности бизнеса в части соблюдения действующего налогового законодательства, по сравнению с налоговыми органами.

Полноценно проанализировать финансово-хозяйственную деятельность юридического лица в первый месяц его деятельности невозможно, но по истечении 3-6 месяцев является вполне реальной задачей, особенно учитывая существенное увеличение возможностей налогового контроля налоговых инспекторов в последние годы за счет внедрения новых информационных технологий.

На основании вышеизложенного, необходимо скорректировать подход налоговых органов к планированию ВНП, путем реализации двух важных составляющих:

- постоянный и полноценный налоговый мониторинг и контроль за регистрируемыми юридическими лицами в течение всего времени в первую очередь со стороны отделов предпроверочного анализа налоговых инспекций, а не по прошествии 3-4 и более лет, когда зачастую недобросовестные налогоплательщики уже успели «уйти в тень». Например, это касается отслеживание организаций, создаваемых после проведенных ВНП по «дроблению бизнеса», когда меняются лишь юридические лица, а сотрудники, контрагенты, основные средства и т. д. используются те же самые. То есть схема дробления остается неизменной, лишь претерпевая незначительные изменения, где бенефициар преследует исключительно цель получения необоснованной налоговой выгоды. Также примерами могут быть и организации, создаваемые для получения необоснованных вычетов по НДС, а также использования так называемого «бумажного НДС» или же обналичивания денежных средств и т. д. Необходимым организационным и кадровым решением в данном случае может стать либо создание нового отдела, специализирующегося на соответствующем мониторинге либо расширение действующих отделов предпроверочного анализа в налоговых органах с добавлением необходимых функций.

- тесное сотрудничество с МВД РФ, банковским сектором, Росфинмониторингом, Федеральной службой по регулированию алкогольного рынка и т. д. для объединения информации и опыта, в том числе по выявлению новых схем уклонения от уплаты налогов. Так, например, в сфере розничной продажи алкоголя, распространены схемы, в которых отчитываясь о реальных объемах реализованной алкогольной продукции в Федеральную службу по регулированию алкогольного рынка, где иначе

практически невозможно, недобросовестные продавцы в последствии «уничтожают» часть документов по приходам и реализации (УПД, накладные и т. д.), тем самым снижая реальные доходы перед налоговыми органами и соответственно незаконно занижая суммы налогов к уплате в бюджет. При этом данная схема может быть выявлена только при тесном сотрудничестве Налоговой службы и Федеральной службой по регулированию алкогольного рынка.

В результате таких действий будет создана серьезная превентивная мера для использования схем уклонения от уплаты налогов, способная свести к минимуму готовность недобросовестных бизнесменов на их использование в своей финансово-хозяйственной деятельности. При этом, помимо бюджета государства и «белый» бизнес, то есть добросовестные директора и предприниматели от данных мер окажутся исключительно в выигрышном положении, так как рынок будет частично «очищен» от недобросовестной конкуренции, использующей незаконные схемы для снижения стоимости товаров и услуг.

Литература

1. Данные о зарегистрированных налоговых преступлениях и причиненном ими ущербе URL: <https://pravovest-audit.ru/nashi-statii-nalogi-i-buhuchet/nalogovyy-kontrol-v-tsifrah-za-polugodiye/> (дата обращения: 15.02.2023)
2. Налоговый кодекс РФ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 17.02.2023)
3. Обзор судебной практики по налоговым преступлениям URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 20.02.2023)
4. Портал правовой статистики URL: <http://crimestat.ru/> (дата обращения: 21.02.2023)
5. Статистические данные ФНС России URL: <https://www.nalog.gov.ru/> (дата обращения: 21.02.2023)
6. Федеральный закон "О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма" от 07.08.2001 N 115-ФЗ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/ (дата обращения: 16.02.2023)

ОДИН ИЗ ПУТЕЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ — ВВЕДЕНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

А. Б. Скаков

Карагандинская академия МВД Республики Казахстан
имени Б. Бейсенова
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Академия ФСИН России
профессор кафедры криминологии и организации
профилактики преступлений
доктор юридических наук, профессор,
Почетный работник образования Казахстана
aidarkan@mail.ru

Аннотация: в данной работе автором обосновывается необходимость установление уголовной ответственности юридических лиц. Указанные субъекты правоотношений часто совершают уголовно наказуемые, общественно опасные деяния, однако могут нести только административную и гражданско-правовую ответственность. Это полностью не соизмеримо с тем материальным ущербом, который юридические лица нанесли своими противоправными деяниями.

Ключевые слова: юридические лица, физические лица, уголовная ответственность, коррупционные правонарушения, коррупционная система, организованная преступность, система уголовных наказаний для юридических лиц.

Abstract: in this work, author substantiates the need to establish criminal liability of legal entities. These subjects of legal relations often commit criminally punishable, socially dangerous acts, but they can only bear administrative and civil liability. This is completely incommensurate with the material damage that legal entities have caused by their unlawful acts.

Key words: legal entities, individuals, criminal liability, corruption offenses, corruption system, organized crime, the system of criminal penalties for legal entities.

Вся профилактическая деятельность органов внутренних дел Республики Казахстан (по отдельным составам уголовных правонарушений — органов национальной безопасности — сноски автора) наводит на мысль о необходимости дальнейшего закрепления достигнутых положительных результатов, а также принятия законодательными и исполнительными органами государства (наглядным подтверждением высказанного нами мнения является содержание Концепции правовой политики Республики Казахстан на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Республики Казахстан «Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан на период до 2030 года» от 15 октября 2021 года № 674) новых стратегических решений концептуального, законодательного и организационно-управленческого характера с целью воздействия на экономическую преступность.

Для достижения поставленных задач органы правоохранительной системы должны обеспечить постоянный мониторинг правоприменитель-

ной деятельности государственных органов с целью выявления законодательно нерегламентированных общественных отношений.

Еще большую значимость вышеизложенное приобретает в условиях интегрирования Казахстана в мировое сообщество цивилизованных стран мира и глобализации экономической жизни, которые, наряду с положительными достижениями в социально-экономическом развитии, имеют определенные негативные последствия. В частности, они способствовали объединению усилий национальных преступных организации и их активизации для получения сверхприбылей. В результате транснациональная организованная преступность фактически стала основной реальной угрозой не только для национальной безопасности Казахстана, но и всего человечества, как по своим масштабам, так и по разрушительному эффекту. Постоянно растущие преступные силы, угрожающие социальному, экономическому и иному развитию государств, их нацеленность на подрыв экономической безопасности, в первую очередь, развивающихся стран и стран с переходной экономикой — таковы основные направления деструктивной деятельности транснациональной организованной преступности (более подробно см. [4]).

В этой связи, при организации и реализации агентурно-оперативных мероприятий в отношении национальной и транснациональной организованной преступности правоохранительным органам в рамках своих компетенций должны учитываться следующие обстоятельства:

1. Большие финансовые возможности национальной и транснациональной организованной преступности, основанной на «теневой» экономике, торговле людьми, оружием, наркотиками, проституции и т.д.

2. Республика Казахстан относится к числу государств с высоким уровнем коррупции.

Здесь необходимо отметить, что важным для обеспечения экономической безопасности является положительное решение законодателями Казахстана вопроса об уголовной ответственности юридических лиц, через которые транснациональная и национальная организованная преступность осуществляет легализацию финансовых средств, добытых преступным путем, а также создает условия для развития «теневой» экономики.

Действительно, в соответствии с законодательным определением за совершение преступлений (экономические, коррупционные и т.д.) к уголовной ответственности могут привлекаться только **физические лица**. В тоже время правоприменительная практика знает казусы, когда данные составы преступлений совершаются в интересах **юридических лиц**. Однако к уголовной ответственности юридические лица по действующему уголовному законодательству не могут быть привлечены, так как они не являются субъектами преступлений. Проблема уголовной ответственности юридических лиц неоднократно поднималась еще в бытность СССР (проф. Б.Волженкин и проф. У. Джекебаев). Однако, в тот период все

предприятия были государственными и поэтому привлекать к уголовной ответственности юридических лиц представлялось нецелесообразным.

В современных условиях развития капиталистической экономики Казахстана созданы частные предприятия. В стране открываются филиалы зарубежных компаний, в экономику инвестируются крупные иностранные капиталовложения. В этой связи остро встает вопрос о приведении национального законодательства в соответствие с зарубежными международными стандартами. Учитывая опыт в данной области права высокоразвитых стран мира (США, Великобритании, Франции и т.д.), мы пришли к выводу о необходимости внесения изменений и дополнений в уголовное законодательство Казахстана, предусматривающих уголовную ответственность юридических лиц.

Наши оппоненты могут возразить, сославшись на то, что в национальном законодательстве имеется достаточно рычагов воздействия на юридические лица — правонарушители.

Действительно, административное и гражданское законодательства Республики Казахстан предполагают ответственность юридических лиц. Однако, юридические лица могут совершать преступления, имеющие большую общественную опасность и более тяжкие последствия, чем административные проступки и гражданско-правовые деликты. Современная практика деятельности отечественных и зарубежных компаний свидетельствует о том, что ради получения сверхдоходов они могут пойти на нарушение национального законодательства (например, экологические, налоговые и иные преступления). Поэтому в целях профилактики преступного посягательства юридических лиц должна применяться уголовная ответственность.

Кроме того, высказанное нами предложение основывается на том, что юридические лица для получения сверхприбылей и льготных условий для своей деятельности постоянно нацелены на подкуп коррумпированных чиновников. Еще одним доводом, подтверждающим обоснованность нашего предложения, является то, что транснациональная организованная преступность через свои компании, также используя подкуп должностных лиц, осуществляют отмывание "грязных" денег, добытых преступным путем (наркобизнес, торговля людьми, оружием и т.д.), инвестируя свои финансовые средства в экономику Казахстана. При этом, транснациональная организованная преступность, взаимодействуя с местной организованной преступностью, занимается хищнической эксплуатацией природных богатств Казахстана.

Что же касается уголовных наказаний, применение которых возможно в отношении юридических лиц, то в статью 40 УК Республики Казахстан необходимо внести изменения, предусматривающие следующие виды санкций:

- а) штраф;
- б) лишение права заниматься определенной деятельностью;

- в) конфискация имущества;
- г) ликвидация юридического лица.

Таким образом, резюмируя сказанное, хотелось бы высказать некоторые предложения и рекомендации по повышению эффективности борьбы с экономической преступностью:

1. В Уголовном кодексе должна быть отдельная глава, регламентирующая уголовную ответственность юридических лиц;

2. Совершенствование работы агентурного аппарата должна осуществляться путем привлечения в качестве конфиденентов высококвалифицированных специалистов, представителей криминальной «элиты» и других, увеличение его численного состава, а также активного использование существующих структур прикрытия и создания новых.

Литература

1. Демидов Ю.Н. Проблемы борьбы с преступностью в социально-бюджетной сфере: Монография. — М.: Издательство «Щит-М», 2004. — 438 с.
2. Воронин Ю.А. Транснациональная организованная преступность. Екатеринбург, 1997.
3. Репецкая А.Л. Транснациональная организованная преступность [Электронный ресурс]: дис. д-ра юрид. наук: 12.00.08. — М.: РГБ, 2005.
4. Скаков А.Б., Жалмагамбетов А.М. Борьба с транснациональной организованной преступностью: история, практический опыт, криминологические и организационно-правовые аспекты. Научный обзор / Под общ. ред. генерал-майора Абдиказимова К.Р.// Астана: НИИ КНБ РК, 2005.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОЙ ГОСПИТАЛИЗАЦИИ В ПСИХИАТРИЧЕСКИЙ СТАЦИОНАР

И. О. Сопин

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
аспирант кафедры уголовного права и криминологии
kaf-up-310@mail.ru

Аннотация: статья посвящена отдельным вопросам субъекта преступления, предусмотренного статьей 128 Уголовного кодекса РФ, структуре диспозиции статьи. Рассмотрены социологические детерминирующие факторы сути, обращая внимание на движения частного, но не целого. Автор обосновывает актуальность исследования, научного анализа и осмысления необходимости внесения изменений в диспозицию статьи 128 УК РФ. Автор показывает неизменность объема реальных прав потерпевших и пациентов.

Ключевые слова: судебная психиатрия, субъект преступления, соучастие в преступлении.

Abstract: the article is devoted to certain issues of the subject of the crime provided for in Article 128 of the Criminal Code of the Russian Federation, the structure of the disposition of the article. The sociological determining factors of the essence are considered, paying attention to the movements of the particular, but not the whole. The author substantiates the relevance of the research, scientific analysis and understanding of the need to amend the disposition of Article 128 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author shows the immutability of the scope of the real rights of victims and patients.

Keywords: forensic psychiatry, the subject of the crime, complicity in the crime.

Под статьей 128 Уголовного кодекса РФ далее УК РФ [1] понимается незаконная госпитализация в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, то есть умышленное помещение в психиатрический стационар здорового лица, не страдающего психическим расстройством, а также лица, страдающего психическим расстройством, но которому не показана принудительная госпитализация по медицинским показаниям, то есть в нарушение оснований и порядка, установленного Законом РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» [2]. Обращаясь к Словарю русского языка С.И. Ожегова [3], понятие госпитализации определяется как помещение в больницу, госпиталь, с целью лечения, что не противоречит и медицинской литературе. Данный состав не является новеллой отечественного законодательства, в различных редакциях уголовно-правовая норма существовала достаточно давно. Обращаясь к Уголовному Уложению 1903 года [4], а именно к статье 39 главы о «преступных деяниях и наказаниях вообще» видим норму, позволяющую определять определенных лиц в специальные больницы независимо от характера психического расстройства, но ответственность за нахождение в таких лечебницах недобровольно, уже в корыстных целях, упоминается уже в Уголовных кодексах РСФСР 1922 [5] и 1926 [6] гг.

Настоящий ФЗ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» № 3185-1 от 02.07.1992 г. закрепляет основания помещения лица в психиатрический стационар без его согласия либо без согласия его законного представителя, до постановления судьи, если лечение и обследование возможно только в стационарных условиях, а психическое расстройство является тяжелым. К таким основаниям относятся: непосредственная опасность лица для себя и окружающих, беспомощность в удовлетворении своих базовых потребностей (в приеме пищи, личной гигиене), а также существенный вред его здоровью вследствие ухудшения психического состояния, если лицо будет оставлено без психиатрической помощи.

Безусловно, данная бланкетная норма УК РФ отправляет искать содержание не только в ФЗ, регулирующих оказание медицинской помощи и психиатрической помощи, но и в социальную сферу, в само общество. Факторами, являющимися поводами к попаданию человека в руки машины психиатрической помощи в России являются глубоко социальные и нравственные проблемы. К которым относятся сложности отношений

между близкими родственниками, отсутствие правильного отношения к старшим поколениям, с нежеланием обременять себя тяготами ухода и общением с такими родственниками. Данные явления порождают поводы и «основания» обращения в психиатрические учреждения стационарного типа по профилю геронтологической помощи, которая сменяется паллиативной и возрастной родственник уже заканчивает свое существование в стенах вышеуказанного учреждения. Таким образом, близкие родственники в виде пособников и подстрекателей снимают с себя ответственность и облегчают свою жизнь.

Иной социальной группой, также выполняющей частично объективную сторону ст. 128 УК РФ в соучастии являются субъекты, преследующие определенные корыстные цели, такие как устранение бизнес конкурента, неугодного сотрудника, вплоть до личной неприязни. Не стоит забывать, что после получаемого специального психиатрического лечения здоровый пациент теряет адаптационные способности, когнитивные функции и утрачивает социальные связи, с получением клейма психически больного гражданина, что по социально-правовому последствию, в настоящее время, хуже явления судимости.

Вопрос субъекта преступления данного состава является наиболее дискуссионным, что достаточно подробно охарактеризовано в статье 2019 года Субъект преступления, предусмотренного статьей 128 УК РФ, Цой Л.В [7]. Говоря о субъекте преступления, следует отметить, что он специальный, следует отметить, что данной точки зрения придерживаются авторы комментария к Уголовному кодексу Российской Федерации под ред. д.ю.н., профессора В.М. Лебедева [8]. Это врач психиатр, который может быть на любом уровне медицинской системы, от врача амбулаторного звена и врача выездной специализированной бригады до врача приемного покоя, заведующего отделением либо главного врача психиатрической больницы. Данная позиция основывается прежде всего на том, что для фактической госпитализации помимо физической доставки лица и для удержания должны наступить определенные, сфальсифицированные юридические факты — появление истории болезни, сбора психиатрического анамнеза пациента с выставлением диагноза, хоть и предварительного, определение тактики лечения, именно они порождают квазиправовые последствия в виде законности принудительной госпитализации в лечебное учреждение. И все вышеуказанные действия возможны только уполномоченным на это законом лицом — врачом психиатром. В настоящей редакции статьи 128 УК РФ это охватывается частью второй данной статьи и звучит как деяние, совершенное лицом с использованием своего служебного положения либо повлекло по неосторожности смерть потерпевшего или иные тяжкие последствия.

Касаемо части первой статьи 128 УК РФ, законодатель закладывает признаки общего субъекта преступления, то есть вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет и в данном случае предположительными пре-

ступниками здесь должны быть близкие родственники, соседи, коллеги по работе и другие лица, следует отметить, что данная точка зрения принимается и комментируется представителями уголовно-правовой доктрины, например, А.В. Бриллиантовым [9]. Данная позиция не считается верной и требует некоторого изменения редакции диспозиции статьи 128, так как данные лица могут выполнять объективную сторону преступления лишь частично ведь без фактического участия специального субъекта, как сказано выше, госпитализация невозможна.

Диспозиция данной нормы должна быть изложена исключительно в редакции части второй, то есть с использованием должностного положения врача психиатра, а лица, содействующие этому и выполняющие определенную роль в выполнении объективной стороны преступления должны привлекаться и нести ответственность с учетом статьи 33 УК РФ в качестве организаторов, подстрекателей, пособников и соисполнителей. Исходя из этого, квалифицирующие признаки также нуждаются в дополнении — помимо настоящего квалифицирующего признака в виде смерти и иных тяжких последствий, необходимо учитывать групповое совершение преступления с учетом статьи 35 УК РФ, мнение о том, что данный состав, в большинстве своем, носит характер предварительного сговора, видится однозначным. Квалифицирующий признак в виде иных тяжких последствий, безусловно, аналогично требует уточнения и раскрытия: тяжкие последствия для вреда здоровью происходят именно по причине приема сильнодействующих препаратов, анксиолитиков, нейролептиков без реальных показаний по здоровью. Реакция организма на патологические процессы в рамках психиатрических болезней кардинальным образом отличается от реакции и последствий нормальной физиологии здорового по психиатрическому профилю человека. Совершение преступления, предусмотренного статьей 128 Уголовного кодекса РФ, должно рассматриваться в совокупности с составами, предусмотренными статьями 290, 285, 286. Ведь, если со стороны подстрекателей — близких родственников мотивом будет выступать личная неприязнь, то врач психиатр будет руководствоваться личной экономической выгодой со всей ее коррупционной составляющей и злоупотреблением либо превышением своих должностных обязанностей.

Комментируемый состав преступления, предусмотренный статьей 128 Уголовного кодекса РФ имеет небольшую практику применения, что свидетельствует о скрытой, латентной преступности данного рода, где основополагающим детерминирующими факторами является чрезвычайная закрытость медицинского сообщества, а в особенности психиатрического.

Прокурорский надзор и общественный контроль в этой сфере по правам и законным интересам потерпевших пациентов, является формальным: проверки, в основном, являются документальными, где предметом чаще всего выступает учет сильнодействующих нейролептиков и иных

фармакологических препаратов. Ответами на жалобы пациентов являются шаблонные отписки. Нельзя не упомянуть изменения, внесенные ФЗ от 4 августа 2023 г. № 465-ФЗ в ст. 37 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», которые вступят в силу 1 сентября 2024 г. Проанализировав, новую редакцию диспозиции ст. 37 видится некое расширение прав граждан: появляется императивная обязанность указывать конкретные обстоятельства, послужившие основанием для временного ограничения конституционных прав таких пациентов, а именно удержание корреспонденции, введение на нее цензуры; особые условия пользования средствами связи; ограничение числа посетителей; определение перечня предметов, запрещенных к хранению и использованию пациентом. Также в вышеназванной новой редакции нормы конкретизируется и расширяется круг адресатов для отправки жалоб и получения ответов на них.

Видится, что данные изменения хотя и имеют вектор некой либерализации и позитивного направления на защиту прав пациентов от произвола со стороны медицинского контингента психиатрических стационаров, тем не менее являются незначительными и носят формальный характер, ведь будущая редакция лишь обрамляет уже имеющуюся практику юридической техникой. Напротив, созданная формальная законность действий, в соответствии с расширенной диспозицией затруднит защиту прав таких пациентов и не оставит сомнений в законности действий сотрудников медицинского сообщества.

Литература

1. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996г. № 63-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/10108000/> [дата обращения: 16.12.2022].
2. Закон РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-І «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании». URL: <https://base.garant.ru/#/document/10136860/> [дата обращения: 16.12.2022].
3. Толковый словарь Ожегова 1949г.-URL: <https://slovarozhegova.ru/> [дата обращения: 16.12.2022].
4. Новое уголовное уложение, выс. утв. 22 марта 1903 г.-URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003714958> [дата обращения: 16.12.2022].
5. Уголовный кодекс РСФСР от 1 июня 1922г.-URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757375> [дата обращения: 16.12.2022].
6. Уголовный кодекс РСФСР от 1 января 1927г.-URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757374> [дата обращения: 16.12.2022].
7. Цой Л.В. Субъект преступления, предусмотренного статьей 128 Уголовного кодекса Российской Федерации // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства при Президенте Российской Федерации. 2019.

8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации [постатейный]. Том 2. Особенная часть. Разделы VII-VIII / отв. ред. В.М. Лебедев. URL: <https://base.garant.ru/#/document/10863814/> [дата обращения: 17.08.2023].
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации [постатейный] / под ред. А.В. Бриллиантова. URL: <https://base.garant.ru/#/document/10139960/> [дата обращения: 17.08.2023].

К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

В. Б. Стукалин

Новосибирский государственный университет экономики и управления
доцент кафедры уголовного права и национальной безопасности
кандидат юридических наук, доцент
volya.62@yandex.ru

Аннотация: в статье рассматриваются отдельные вопросы, связанные с понятием «профессиональный язык», историей возникновения криминалистического языка, возможностью классификации профессиональных языков и концепций их исследования.

Ключевые слова: профессиональный язык, история исследований криминалистического языка, концепции исследования профессиональных языков классификация профессиональных языков.

Abstract: the article considers certain issues related to the concept of “professional language”, the history of the emergence of the forensic language, the possibility of classifying professional languages and the concepts of their study.

Key words professional language, history of forensic language research, concepts of professional language research classification of professional languages.

Важности и значению профессионального языка в отдельных отраслях науки уделялось и уделяется особое внимание. Следует иметь ввиду, что разработка актуальных вопросов профессионального языка способствует теоретическим наработкам в той или иной научной отрасли, позволяет приводить научные знания в целостную и понятную информационную систему [23, с.184]. Имеющиеся наработки и разработки новых положений в сфере профессионального языка способствуют прогрессу в данной профессиональной сфере [14, с.289].

Исследование языка криминалистики, ее терминологических основ всегда вызывает интерес. Так, в работе О.А. Малютиной исследован язык криминалистики в протоколах следственных действий [15, с.4]. В рамках исследования общих основ криминалистической науки данные вопросы затрагивали И.В. Веренич, А.М. Кустов, В.М. Прошин [4, с.90]. Значительное внимание профессиональному языку криминалистики и ее терминологическому аппарату уделяет А.А. Светличный, которым рассмот-

рены терминологические модели криминалистики [22, с.141], эволюционные процессы терминологического аппарата криминалистики [23, с.185] и ряд других важных вопросов.

В более ранний период язык криминалистики, ее терминологические основы затрагивались в работах Р.С. Белкина [2, с.303], который рассматривал общие вопросы по данной тематике в рамках курса криминалистики.

Особое внимание в литературе уделяется раскрытию понятие такого криминалистически значимого термина как «следственное действие». Так, понятие и сущность следственных действий исследованы в статье М.Б. Бальджирова, Д.Э. Сарангова, Е.А. Тихомировой, А.Е. Андраева, К.А. Чумбасовой, С.Т. Орусова [1, с.158]. А.В. Внуков посвятил свою статью рассмотрению понятию неотложных следственных действий в современном уголовном процессе [5, с.108]. Понятие неотложных следственных действий также проанализировано в работе Л.П. Плеснева и С. В. Унжаковой [16], а также в исследовании И.А. Ретюнских и Н.М. Журавлевой [17]. В диссертационном исследовании Е.Ю. Генисаретской также рассмотрены понятие и сущность следственных действий [6, с.14]. Т.В. Горбенко были исследованы следственные действия поисково-познавательного характера в системе следственных действий [8, с.34]. И.В. Коваленко были проанализированы понятие, признаки, виды и общие правила производства следственных действий [12, с.64]. Отдельные вопросы совершенствование терминологии в исследуемой сфере была посвящена статья В.В. Головизниной и В.Б. Стукалина, где также рассмотрены отдельные вопросы выемки почтово-телеграфных отправок [7, с.33]. В.С. Джатиевым также были рассмотрены отдельные терминологические аспекты действующего уголовно-процессуального законодательства, связанные с указанной темой [9, с.18].

К понятию языка не существует единого подхода [10]. В общей научной системе, посвященной разработке вопросов языка выделяют различные подсистемы. Одной из таких подсистемы выступает и профессиональный язык. Однако даже к данному определению отсутствует единство подходов. Так, наряду с термином «профессиональный язык», используются схожие понятия «специальный языка», «профессиональная лексика» и т. п. [3, с.33]. В зарубежной практике используют термин «*language for special purposes*» (LSP). Л. Гофман предлагает использовать термин «профессиональный язык» («*Fachsprache*») [28].

В работах, которые посвящены рассмотрению исторических закономерностей появления профессионального языка, чаще всего высказывается позиция, что начальным этапом становления данной области является начало 60-х годов XX в [3, с.33]. Следует обратить внимание, что исследования в данной сфере проводят не только филологи, но и авторы из иных сфер науки, где уделяется особое внимание вопросам профессио-

нальной коммуникации и юриспруденция в целом, а также криминалистика в частности, здесь не исключение [18, с.77].

Основоположником исследования профессионального языка является чешский лингвист Любомир Дрозд, который назвал этот язык «функциональным языком или языком в специальной функции, являющимся подязыком данного национального литературного языка» [13]. Затем уже профессиональный текст становится предметом исследования (70-е гг. прошлого столетия). Затем интерес переключается на отдельные сферы профессионального языка [19, с.140].

Сам же процесс исследования профессионального языка происходил с позиций нескольких концепций:

1. Первая концепция — «системно-лингвистическая, характеризуется тем, что рассматривает профессиональный язык как систему языковых знаков» [31].

2. Вторая концепция — прагма-лингвистическая, акцентирует внимание на котекстуальных и контекстуальных связках текста. Происходит более широкий охват с точки зрения рассмотрения вопросов профессиональной коммуникации.

3. Третья концепция — когнитивно-лингвистическая. «В рамках третьей концепции главными являются интеллектуальные и эмоциональные условия продуцента и реципиента при использовании специальных языковых знаков в профессиональных текстах» [31].

Т. Р. Кияк считает, что «особенность профессиональных языков заключается, с одной стороны, в наличии специального, ориентированного на потребности определенной профессии набора лексических единиц ..., с другой — в специфической частоте употребления определенных грамматических, синтаксических и стилистических средств» [11]. Однако это не означает, что профессиональные языки используют собственную грамматику, они предпочитают имеющиеся в общеупотребительном языке языковые средства и частично используют их в особом значении [27].

Так, например, по одному из уголовных дел обвинитель полагал, что суд не верно употребил в приговоре термин «пострадавший», к орудию преступления — ножу — термин «предмет». Однако, суд отметил, что употребление вышеуказанных терминов не препятствует правильному пониманию и исполнению принятого судом решения, при том что термин «пострадавший» употреблен в качестве синонима понятию «потерпевший», а термин «предмет» — понятию «орудие». Суд принял к сведению также то обстоятельство, что синоним «предмет» употреблен в приговоре применительно к слову «орудие» в соответствии с подобным допущением, содержащимся в выводах судебно-медицинского эксперта: «орудие (предмет) типа ножа» [32].

При исследовании профессиональных языков В. Шванцер предлагает основное внимание уделять синтаксическим особенностям научных и профессиональных текстов. Он обосновывает это утверждение тем, что

«научные и профессиональные тексты, в отличие от других видов текстов, характеризуются не вариативностью средств и форм выражения, а ограничиваются унифицированными средствами выражения и установленными формулировками» [30]. Совсем другой подход к определению профессионального языка предлагает Э. Бенеш, который под профессиональным языком понимает «функциональный вариант языковой реализации в определенной сфере профессиональной деятельности. Таким образом, профессиональный язык является одновременно подсистемой, обеспечивающей профессиональную коммуникацию, и средством ее реализации» [26]. Т. Рельке рассматривает профессиональный язык как «разновидность отдельного языка. Каждый вид отдельного языка представляет собой языковую систему, сформированную посредством определенных лингвистических и экстралингвистических признаков». К первым он относит «... звук, письмо, лексику, синтаксис, семантику или грамматику ...», ко вторым относит «... общественные группы, сферы человеческой деятельности, территориальное пространство и т. д.» [31].

Представляется, что профессиональный язык определяется как некий набор языковых средств, используемых лицами, осуществляющими профессиональную деятельность в конкретно-определенной сфере деятельности, с целью обеспечения наиболее эффективного взаимопонимания.

Такая категория как профессиональный язык делится на отдельные виды и может быть классифицирована по различным основаниям. Однако же и здесь отсутствует единый подход. Так, предлагается горизонтальное и вертикальное деление, исходя из относимости к конкретным профессиональным сферам или же специальностям [3, с.33]. Данное разделение, по мнению Л. Гофмана, «образует открытый ряд, где отдельные профессиональные языки расположены по степени соответствия употребляемых языковых средств» [28].

Тем более сложно осуществить общую классификацию, исходя из той позиции, что «общее количество профессиональных языков очень велико» [23]. Исследователи называют количество профессиональных языков, начиная с нескольких сотен и до семи тысяч [29]. Г.-Р. Флук убежден, что «количество профессиональных языков практически соответствует количеству сфер профессиональной деятельности, под которыми понимают не только такие комплексы, как экономика или медицина, но и их подсистемы, например, финансы или анатомия» [27].

Одним из оснований классификации называют степень их родства. По мнению Т. Рельке, «основная проблема такой методики заключается в гомогенизации различных профессиональных языков, поскольку они демонстрируют в разных лингвистических аспектах различные степени родства, поэтому такое разнообразие не может быть адекватно представлено линейно» [31]. Р. Арнтц, Г. Пихт, Ф. Майер отмечают постоянный рост количества профессиональных языков, чему способствует постоянный процесс развития общественных отношений и научно-технический

прогресс. Кроме того, происходит постоянное пресечение терминологии из различных профессиональных языков [25].

Указанные обстоятельства также не способствуют выработке единой классификации профессиональных языков.

Более разработан подход к вертикальной классификации профессиональных языков.

К примеру, Л. Гофман выделяет несколько уровней:

«1) высший уровень (употребление искусственных символов, формул и пр., характерен для ученой среды);

2) очень высокая степень абстрактности (характерен для ученых, технического и вспомогательного персонала);

3) высокий уровень абстрактности (язык прикладных наук ученых и технарей, а также руководителей производства в сфере);

4) низкая степень абстрактности (уровень руководителей производства и специалистов);

5) очень низкий уровень абстрактности (языки с незначительным количеством профессиональных терминов)» [24, с.12].

Таким образом, можно говорить о том, что лексический состав и профессиональная терминология вызывали изначальный интерес исследователей с начала разработки вопросов профессионального языка. Затем уже профессиональный текст становится предметом исследования (70-е гг. прошлого столетия). Затем интерес переключается на отдельные сферы профессионального языка. Представляется возможным сделать вывод, что под профессиональным языком следует понимать некий набор языковых средств, используемых лицами, осуществляющими профессиональную деятельность в конкретно-определенной сфере деятельности, с целью обеспечения наиболее эффективного взаимопонимания. Классификация данной категории как профессиональный язык весьма затруднена, что обуславливается достаточно большим количеством и разнообразием профессиональных языков. Наиболее разработанным представляется подход к вертикальной классификации профессиональных языков.

Литература

1. Бальджиров М.Б., Сарангов Д.Э., Тихомирова Е.А., Андраев А.Е., Чумбасова К.А., Орусов С.Т. Понятие и сущность следственных действий // Аграрное и земельное право. 2022. № 8 (212). С. 158.
2. Белкин Р.С. Избранные труды. М.: Норма, 2019. 768 с
3. Боднар О.М. О понятии «профессиональный язык» в современной лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 2-2 (32). С. 33.
4. Веренич И.В., Кустов А.М., Прошин В.М. Криминалистическая наука и теория механизма преступления: монография. М.: Юрлитинформ, 2021. 669 с

5. Внуков А.В. Понятие неотложных следственных действий в современном уголовном процессе // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 9. С.108.
6. См. Генисаретская Е.Ю. Следственные действия: сущность, организация, тактика : автореф. дис. канд. юрид. наук. 12.00.09. Москва. 2005. 26 с.
7. См. Головизнина В.В. Отдельные вопросы выемки почтово-телеграфных отправок / В. В. Головизнина, В. Б. Стукалин // Борьба с правонарушениями в сфере экономики: правовые, процессуальные и криминалистические проблемы : Сборник материалов международной научно-практической конференции, в рамках международного юридического форума «Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития», Новосибирск, 27 мая 2021 года. Новосибирск, Новокузнецк: Новосибирский государственный университет экономики и управления; Кузбасский институт ФСИН России, 2021. С. 33.
8. Горбенко Т.В. Следственные действия поисково-познавательного характера в системе следственных действий: криминалистический аспект // В сборнике: Актуальные проблемы правового регулирования, организации и тактики производства следственных действий. Сборник научных трудов. Под редакцией М.М. Горшкова, А.Б. Соколова, А.Р. Сысенко. Омск, 2022. С. 28.
9. Джатиев В.С. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: шаг вперед или два шага назад? // Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследованием преступлений: материалы межвузовской научно-практической конференции. М.: Академия управления МВД России, 2019. Ч. 1. С. 18.
10. Звягинцев В.А. Очерки по общему языкознанию. https://royallib.com/book/zvegintsev_vladimir/ocherki_po_obshchemu_yazykoznaniiyu.html
11. Кияк Т.Р. Лингвистические аспекты терминоведения : Учеб. пособие // URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001483674>.
12. Коваленко И. В. Понятие, признаки, виды и общие правила производства следственных действий // Молодой ученый. 2019. № 11 (249). С. 64.
13. Культура русской речи / под ред. Л. К. Граудиной, Е. Н. Ширяева. М., 2021. С. 10.
14. Магомедов Б.Г., Демиров К.К. Современные проблемы использования специальных познаний в раскрытии и расследовании преступлений // Евразийский юридический журнал. 2022. № 2 (165). С. 289.
15. Малютина О. А. Язык криминалистики в протоколах следственных действий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Нижегородская академия МВД России. Н. Новгород, 2009. 25 с.

16. Плеснева Л.П., Унжакова С. В. Понятие неотложных следственных действий // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. // <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-neotlozhnyh-sledstvennyh-deystviy> (дата обращения: 27.11.2022).
17. Ретюнских И.А., Журавлева Н.М. О признаках института неотложных следственных действий // Вестник Уральского юридического института МВД России. // <https://cyberleninka.ru/article/n/o-priznakah-institut-a-neotlozhnyh-sledstvennyh-deystviy> (дата обращения: 27.11.2022).
18. Россинский С.Б. Еще раз о понятии и сущности следственных действий в уголовном судопроизводстве: дискуссия не закончена... // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 1. С. 77.
19. Рукавишников Г.А. О содержании термина «раскрытие преступлений» в деятельности органов внутренних дел // Антропология. 2022. № 2 (6). С. 140.
20. Светличный А.А. Инвентаризация и унификация терминов криминалистики и общей теории судебной экспертизы как основные современные научные направления развития системы терминологии данных наук // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2021. № 3 (98). С. 223.
21. Светличный А.А. Метод моделирования как основа построения криминалистической терминосистемы // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2022. № 2. С. 31.
22. Светличный А.А. Терминологические модели криминалистики: исторические аспекты формирования и современное состояние // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 2. С. 141.
23. Светличный А.А. Эволюционные процессы терминологического аппарата криминалистики: всегда ли все закономерно? // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2022. Т. 1. № 3 (102). С. 184.
24. Семенов Е.А., Каширгов А.Х. Реализация уголовно-процессуальных гарантий прав личности при производстве следственных действий // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2021. Т. 2. № 1 (3). С. 120.
25. Arntz R., Picht H., Mayer F. Einführung in die Terminologiearbeit Hildesheim — Zurich — N. Y.: Georg Olms, 2019. — 331 p. // URL: <https://docplayer.org/56926264-Reiner-arntz-heribert-picht-einfuehrung-in-die-terminologiearbeit.html>.
26. Benes E. Die formale Struktur der wissenschaftlichen Sprachen in syntaktischer Hinsicht // Wissenschaftssprache. Beiträge zur Methodologie, theoretischen Fundierung und Description. München, 2021. p. 185-212. // URL: <https://daniela.hartmann.site/2015/10/05/autoren-ich-in-wissenschaftlichen-texten/>.

27. Fluck H.-R. Fachsprachen: Einfuhrung und Bibliographie. — Tübingen — Basel: Francke, 2016. — 359 p. // URL: <https://www.worldcat.org/title/fachsprachen-einfuhrung-und-bibliographie/oclc/613278648>.
28. Hoffmann L. Fachsprachen als Subsprachen // Fachsprachen. Ein internationales Handbuch zur Fachsprachenforschung und Terminologiewissenschaft. — Berlin — N. Y., 2018. — p. 189-199. // URL: https://books.google.ru/books?id=exYHMYLN7ikC&hl=ru&source=gb_s_navlinks_s..
29. Kahlverkamper H. Fachsprache und Fachsprachenforschung // Fachsprachen. Ein internationales Handbuch zur Fachsprachenforschung und Terminologiewissenschaft. — Berlin — N. Y., 2018. — p. 48-60. // URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Fachsprachen%3A-Ein-internationales-Handbuch-zur-und-Hoffmann-Kalverkämper/f7f088917527621759d5bb84297e2aa0149abb4c>. (дата обращения: 12.12.2022).
30. Schwanzer V. Syntaktisch-stilistische Universalien in den wissenschaftlichen Fachsprachen // Wissenschaftssprache Beiträge zur Methodologie, theoretischen Fundierung und Deskription. München, 2021. p. 213-230. // URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-663-11619-6_5.
31. Roelcke T. Fachsprachen. Berlin: Erich Schmidt Verlag GmbH, 2005. 250 p. // URL: <https://www.amazon.com/Fachsprachen-Thorsten-Roelcke/dp/3503079386>
32. Определение № 10-3162/2017 от 7 июля 2017 г. по делу № 10-3162/2017 Челябинский областной суд (Челябинская область) // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8tM6vQ9i1sQP/>

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

И. В. Стукалин

Экспертно-криминалистический центр Главного управления
МВД России по Новосибирской области
старший эксперт отдела баллистических экспертиз и учетов
vanes.gibson1997@gmail.com

Аннотация: в настоящей статье рассматриваются отдельные вопросы использования искусственного интеллекта в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений, анализируется опыт его использования в России и за рубежом, рассматривается вопрос правосубъектности искусственного интеллекта.

Ключевые слова: уголовный процесс, криминалистика, искусственный интеллект, ИИ, нейросеть, преступление, новые технологии, аппаратно-программный комплекс, расследование преступлений, судебная экспертиза.

Abstract: this article discusses certain issues of using artificial intelligence in detecting, investigating and preventing crimes, analyzes the experience of its use in Russia and abroad, and considers the issue of the legal personality of artificial intelligence.

Key words: criminal procedure, forensic science, artificial intelligence, AI, neural network, crime, new technologies, hardware and software complex, crime investigation, forensic examination.

В настоящее время человечество непрерывно развивается, и темпы развития достигают колоссальных значений. Развитие затрагивает все сферы жизни — образование, наука, техника и т. д. Прогресс, к сожалению, не обошел стороной и сферу преступности — злоумышленники также разрабатывают новые способы совершения преступлений, берут на вооружение новейшие достижения науки и техники, осваивают новые виды преступлений и т. д. Параллельно с преступностью развивается и сфера противодействия преступлениям. Правоохранительные органы активно внедряют новые методы раскрытия и расследования преступлений, разрабатывают методики предупреждения и пресечения незаконных действий, а также внедряют в свою деятельность новые технологии.

С недавнего времени на службу органов правопорядка поступил искусственный интеллект (далее — ИИ), который активно используется, например, в системе «Безопасный город». При помощи ИИ стало возможным в кратчайший срок установить личность преступника и узнать его местонахождение даже в крупном мегаполисе. ИИ также помогает в анализе динамики преступности, прогнозировании совершения преступлений в определенной точке в конкретное время, обработке массивов данных, непосредственно связанных с процессом расследования, и во многих других сферах.

ИИ представляет собой комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека [2]. Такое определение дается ИИ в Федеральном законе "О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных" от 24.04.2020 N 123-ФЗ.

Стоит также отметить Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»)» [3]. Данным документом искусственный интеллект определяется как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с ре-

результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений».

Говоря иными словами, искусственный интеллект представляет собой определенный аппаратно-программный комплекс, который может имитировать деятельность человеческого мозга, то есть обладает способностью решать задачи без заранее заданного алгоритма их решения, а также обязательно имеет способность к самообучению. Причем результаты его деятельности сопоставимы с деятельностью мозга человека.

Одно из ключевых отличий ИИ от любой другой программы — способность к самообучению на основе массива заложенных в него данных. Иначе говоря, ИИ способен сам проанализировать данные, выявить закономерности, сопоставить исходные данные и результаты, после чего прийти к выводу о том, каким образом получить нужный результат, имея заданные условия и исходные данные. Эта функция в настоящее время активно используется в крупных компаниях для обработки массивов данных, а также для прогнозирования возможных рисков и результатов принятия того или иного управленческого решения. Стоит отметить, что ИИ справляется с поставленной перед ним задачей намного быстрее и эффективнее, чем другие программы.

В правоохранительной деятельности еще только начинается процесс активного использования ИИ. В настоящее время ведутся работы по регламентированию использования ИИ в обработке массивов следов рук с мест преступлений и сопоставлению вводимых следов с этим массивом. Этим занимается компания «Папиллон» — автор и разработчик аппаратно-программных комплексов для нужд государства. Несмотря на возможные сложности с правовой регламентацией использования искусственного интеллекта в данной сфере, работы по его внедрению идут полным ходом.

Также необходимо сказать, что ИИ используется и в других сферах обеспечения безопасности. Так в настоящее время системы распознавания людей по признакам внешности имеют в основе своих алгоритмов искусственный интеллект, что позволяет в максимально короткие сроки идентифицировать человека и определить его местоположение. Также ИИ получил свое применение в области регулирования дорожного движения, системе реагирования на ДТП и поиска транспортных средств. Эти системы работают в рамках комплексов «Безопасный город» и «Безопасный регион». При помощи сети камер, установленных на улицах города, в метрополитене и в других видах общественного транспорта комплекс следит за ситуацией на дорогах и улицах, прогнозирует образование заторов, регулирует движение на перекрестках, а также осуществляет поиск интересующих транспортных средств в потоке и организует их от-

слеживание на протяжении всего маршрута движения. Благодаря ИИ стало возможным оперативно реагировать на ДТП, уменьшать нагрузку на дороги, а также вычислять нарушителей ПДД.

Несмотря на активное распространение систем ИИ в правоохранительной деятельности, существует еще множество сфер, в которых ИИ не нашел на данный момент своего применения в нашей стране. Это такие сферы, как предварительное расследование, судебное разбирательство, судебная экспертиза и многие другие. Причем, стоит отметить, что в правоохранительных органах других стран ИИ получил более широкое применение в правоохранительной деятельности.

Так, например, 19 августа 2022 года специалисты университета в Чикаго создали алгоритм, который имеет возможность предсказывать время, место совершения преступления, а также личность преступника на неделю вперед. При этом процент ошибок такого прогнозирования составляет менее 10%. Ученые провели проверку данного алгоритма с использованием архивных данных по преступлениям, совершенным в Чикаго, по двум направлениям — насильственные преступления и преступления имущественного характера.

Помимо этого, полиция США активно использует систему под названием TrapWire. Данная система позволяет идентифицировать преступников по признакам внешности, вычислять угнанные автомобили на дорогах общего пользования и парковках, выявлять похищенное или утерянное оружие и т. д. На серверах данной системы имеются массивы данных внешности преступников, номеров угнанных транспортных средств, похищенного или утерянного оружия и т. д. Эта система имеет доступ к видеокамерам, установленным внутри зданий, на улицах города и т. д. и постоянно сравнивает получаемые с них данные с загруженной в нее базой данных, при выявлении совпадения — подает сигнал оператору. Данная система стоит на службе полиции США не один год и уже успела доказать свою эффективность в деле борьбы с преступностью.

В нашей стране вопросы внедрения искусственного интеллекта в правоохранительную деятельность рассматриваются уже не один год. К сожалению, на данный момент вопросов, связанных с его внедрением, намного больше, чем ответов. К примеру, не проработан вопрос правового регулирования результатов его деятельности в частности и самого ИИ в целом. Ведется активная дискуссия по вопросу правового статуса ИИ в процессе расследования преступлений. С одной стороны, ряд ученых-правоведов считают, что ИИ может выступать в роли самостоятельного субъекта права, поскольку обладает способностями, которыми обладает человеческий мозг, а также имеет одно важнейшее качество в данном виде деятельности — непредвзятость. С другой стороны, некоторые ученые считают, что наделять ИИ правосубъектностью недопустимо, поскольку он является только программой, которую написал и разработал человек. Неизвестно, что именно заложил разработчик в ИИ помимо его основных

функций, а также возникает вопрос об ответственности ИИ за результаты своей деятельности. Человека возможно привлечь к ответственности за свои действия, а механизм привлечения к ответственности ИИ остается весьма спорным.

Как бы то ни было, развитие систем ИИ и различных нейронных сетей продолжается, и с каждым годом темпы развития только увеличиваются. Не исключено, что уже в недалеком будущем ИИ сможет полностью заменить человека в некоторых сферах его деятельности. По нашему мнению, внедрение ИИ в процесс раскрытия и расследования преступлений уже не является только лишь предметом дискуссий, но жизненной необходимостью, поскольку в совершении преступлений злоумышленники все чаще и чаще прибегают к помощи нейросетей и систем на базе ИИ, и, если игнорировать данную тенденцию, то число нераскрытых преступлений будет неуклонно расти.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // [Электронный ресурс], URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения — 21.08.2023).
2. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» : Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 17. . [Электронный ресурс] URL: https://szrf.ru/szrf/search.php?md=0&nb=100&year=2020&issid=0&div_id=1 (дата обращения — 20.08.2023).
3. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»): Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700. [Электронный ресурс] URL: https://www.szrf.ru/szrf/docslist.php?md=0&nb=100&year=&div_id=1.
4. Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект в криминалистике: состояние и перспективы использования / Российское право: образование, практика, наука. ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет». 2018. № 2. С. 43-49.
5. Войтова О.Г., Тарасов Д.А. Применение элементов искусственного интеллекта как один из путей развития информационных систем МВД России // Вестник Воронежского института МВД России, 2020 г. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-elementov-iskusstvennogo->

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ФИНАНСИРОВАНИЕ ДИВЕРСИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ НОВЕЛЛ

В. В. Ульянова

Новосибирский государственный университет экономики и управления
доцент кафедры уголовного права и национальной безопасности,
кандидат юридических наук, доцент
uljanova_v.v@mail.ru

Аннотация: в статье проводится анализ оснований уголовной ответственности за финансирование диверсии с учетом внесенных в уголовное законодательство изменений.

Ключевые слова: диверсия, диверсионная деятельность, финансирование, квалификация преступлений.

Abstract: the article analyzes the grounds of criminal liability for the financing of sabotage, taking into account the changes made to the criminal legislation.

Keywords: sabotage, sabotage activity, financing, qualification of crimes.

В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации от 02 июля 2021 года № 400 обеспечение государственной и общественной безопасности осуществляется путем реализации государственной политики, направленной на решение задач в области повышения уровня антитеррористической защищенности объектов жизнеобеспечения населения, организаций оборонно-промышленного, атомного, энергопромышленного, ядерного, оружейного, химического, топливно-энергетического комплексов страны, объектов транспортной инфраструктуры, других критически важных и потенциально опасных объектов [4].

Указом Президента Российской Федерации от 11 марта 2019 года № 97 «Об основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу» разработка дополнительных мер по противодействию преднамеренным угрозам, связанным с возможностью совершения террористических актов, диверсий и применения химического и (или) биологического оружия относится к числу основных задач государственной политики в области обеспечения химической и биологической безопасности [3].

Поскольку действующие меры ответственности за преступления диверсионной направленности не соотносились со степенью общественной опасности и организованности таких преступлений, совершение которых направлено на причинение значительного экономического ущерба, угроз

жизни и безопасности граждан, безопасности важных объектов [7], на основании Федерального закона от 29 декабря 2022 г. № 586-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [5] в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) [1] внесен ряд изменений и дополнений, направленных на усиление уголовной ответственности за диверсионную деятельность. В первую очередь к ним относятся дополнение уголовного закона новыми статьями 281.1, 282.2 и 282.3, предусматривающими ответственность за содействие диверсионной деятельности, в том числе финансирование диверсии, прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности и организацию диверсионного сообщества и участие в нем. При этом основания уголовной ответственности за данные преступления, связанные с осуществлением диверсионной деятельности, во многом схожи с основаниями уголовной ответственности за различные формы террористической деятельности, предусмотренными статьями 205.1, 205.3 и 205.4 УК РФ.

Так, финансирование диверсии по аналогии с финансированием терроризма было криминализировано как одна из форм содействия диверсионной деятельности, под которой понимается предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьей 281 УК РФ, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из этих преступлений, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из этих преступлений (прим. 1 к ст. 281.1 УК РФ).

Структурно статья 281.1 была включена законодателем в главу 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» раздела X «Преступления против государственной власти» Особенной части УК РФ, следовательно, непосредственным объектом данного преступления являются общественные отношения, обеспечивающие безопасность государства. Кроме того, неотъемлемым элементом непосредственного объекта финансирования диверсии, как и преступления, предусмотренного статей 281 УК РФ, являются общественные отношения, обеспечивающие экономическую безопасность и обороноспособность Российской Федерации.

Поскольку финансирование диверсии заключается в предоставлении или сборе средств либо оказании финансовых услуг, предназначенных для совершения диверсии, в результате которой вред может причиняться и другим охраняемым уголовным законом общественным отношениями, в частности в сфере обеспечения безопасности жизни (ч. 3 ст. 281 УК РФ), здоровья (п. «б» ч. 2 ст. 281 УК РФ), отношениям собственности

(п. «б» ч. 2 ст. 281 УК РФ), следовательно, в качестве дополнительного объекта рассматриваемого преступления могут выступать общественные отношения, которым причиняется вред или создается угроза его причинения в результате совершения преступления, предусмотренного статьей 281 УК РФ.

При совершении финансирования диверсии лицом с использованием своего служебного положения (ч. 2 ст. 281.1 УК РФ) дополнительным объектом также являются общественные отношения в сфере государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, интересов службы в коммерческих и иных организациях.

В качестве предмета финансирования диверсии, как и в случае финансирования терроризма, выступают средства, предоставляемые или собираемые для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьей 281 УК РФ, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из этих преступлений, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из этих преступлений.

Действующее уголовное законодательство не содержит понятия «средства». При этом согласно правовой позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в постановлении от 09 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», под «финансированием терроризма следует признавать, наряду с оказанием финансовых услуг, предоставление или сбор не только денежных средств (в наличной или безналичной форме), но и материальных средств (например, предметов обмундирования, экипировки, средств связи, лекарственных препаратов, жилых либо нежилых помещений, транспортных средств) с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из этих преступлений, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из указанных преступлений (например, систематические отчисления или разовый взнос в общую кассу, приобретение недвижимости или оплата стоимости ее аренды, предоставление денежных средств, предназначенных для подкупа должностных лиц)» (п. 16) [6]. Основанием для такого утверждения также служит тот факт, что в иных нормах уголовного закона данное слово употребляется в значении

«средства совершения преступления» (ч. 1 ст. 30, ч. 5 ст. 33 УК РФ). При этом в отличие от финансирования терроризма и финансирования экстремистской деятельности деньги, ценности и иное имущество, используемое или предназначенное для финансирования диверсии в силу пункта «в» части 1 статьи 104.1 УК РФ не подлежит конфискации, за исключением случаев если они были предназначены для финансирования незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения диверсии.

Таким образом, предметом финансирования диверсии необходимо признавать не только денежные средства, но и иное имущество, предоставляемое или собираемое именно для финансирования преступлений, предусмотренных статьей 281 УК РФ, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им диверсии, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

Под финансовой услугой как предметом финансирования диверсии согласно пункту 2 статьи 4 Федерального закона «О защите конкуренции» [2] следует понимать банковскую услугу, страховую услугу, услугу на рынке ценных бумаг, услугу по договору лизинга, а также услугу, оказываемую финансовой организацией и связанную с привлечением и (или) размещением денежных средств юридических и физических лиц.

Объективная сторона финансирования диверсии выражается в совершении таких альтернативных действий, как предоставление средств, сбор средств или оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьей 281 УК РФ, либо для обеспечения для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из этих преступлений.

Предоставлением средств при квалификации объективных признаков финансирования диверсии необходимо понимать активные действия субъекта по передаче другому лицу либо незаконному вооруженному формированию, преступному сообществу (преступной организации) в распоряжение и (или) пользование средств, предназначенных для финансирования организации, подготовки или совершения диверсии либо для обеспечения диверсионной деятельности таких формирований или сообществ.

По смыслу статьи 281.1 УК РФ предоставление средств при финансировании диверсии может быть осуществлено любыми альтернативными способами, которые на квалификацию не влияют.

К сбору средств следует относить действия (бездействие) субъекта по приисканию, получению, накоплению или сбережению средств, предна-

значенных для финансирования организации, подготовки или совершения диверсии либо для обеспечения деятельности незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

Финансирование диверсии следует признавать оконченным преступлением с момента совершения умышленных действий, направленных на финансирование хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьей 281 УК РФ, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из этих преступлений, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из этих преступлений.

При этом момент окончания данного преступления необходимо устанавливать в каждом конкретном случае отдельно.

Так, если финансирование диверсии совершается в форме предоставления средств на финансирование преступлений, предусмотренных статьей 281 УК РФ, либо на обеспечение деятельности незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), то оконченным данное преступление будет признаваться с момента их фактического предоставления либо отправления одним из способов. При этом не имеет значения, получило ли лицо (получатель) реальную возможность пользоваться или распоряжаться переданными ему средствами.

Если преступление совершается путем сбора средств, то оно является оконченным с момента начала их сбора.

Если финансирование диверсии совершено путем оказания финансовой услуги, то преступление считается оконченным с момента выполнения лицом юридически значимых действий или юридически значимой деятельности, составляющих предмет конкретной финансовой услуги. В этом случае для правильного определения момента окончания преступления необходимо руководствоваться положениями Гражданского кодекса Российской Федерации, регулирующими правовой режим отдельных видов договоров.

При квалификации осуществления финансирования организации, подготовки или совершения преступлений, предусмотренных статьей 281 УК РФ, следует исходить из того, что умысел является конкретизированным (определенным), так как лицо осознает, что предоставляет или собирает средства либо оказывает финансовые услуги, предназначенные для выполнения конкретного акта диверсии. По отношению к случаям финансового обеспечения незаконного вооруженного формирования или преступного сообщества (преступной организации) умысел может быть альтернативным либо неконкретизированным (неопределенным). Например, лицо предоставляет денежные средства незаконному воору-

женному формированию, не указывая их целевое назначение, при этом осознает, что эти денежные средства могут быть израсходованы как на поддержание деятельности сформирования, так и на организацию совершаемых его членами преступлений диверсионной направленности.

После поправок, внесенных в уголовное законодательство на основании Федерального закона от 29 декабря 2022 г. № 586-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», основная проблема реализации уголовной ответственности за финансирование диверсии состоит в трудностях уголовно-правовой оценки действий лица по финансированию преступлений, предусмотренных статьями 281.1, 281.2 и 281.3 УК РФ, а также по материальному обеспечению деятельности организованных групп, незаконных вооруженных формирований и преступных сообществ (преступных организаций), созданных или создаваемых для совершения преступлений диверсионной направленности.

Начнем с того, что статья 281.1 УК РФ предусматривает ответственность только за финансирование преступлений, предусмотренных статьями 281 УК РФ, то есть за финансирование организации, подготовки или совершения диверсии, ответственность за финансирование иных преступлений диверсионной направленности указанная уголовно-правовая норма не содержит. В связи с этим возникает вполне закономерный вопрос, как следует квалифицировать действия лица, который предоставляет или осуществляет сбор денежных средств, предназначенных для подготовки лица в целях совершения акта диверсии, либо для организации прохождения им обучения, либо для обеспечения деятельности диверсионного сообщества. В случае финансирования терроризма в силу прямого указания в примечании 1 к статье 205.1 УК РФ на преступления, предусмотренные статьями 205.1, 205.3 и 205.4 УК РФ, такие действия образуют состав указанного преступления. Применительно к финансированию перечисленных преступлений диверсионной направленности уголовно-правовую оценку действиям лица следует давать по правилам неоконченного преступления и соучастия в преступлении.

Во-первых, в силу части 1 статьи 30 УК РФ склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 281 УК РФ, вооружение или подготовка лица в целях совершения указанных преступлений (ст. 205.1 УК РФ), прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности (ст. 281.2 УК РФ), организация диверсионного сообщества (ст. 281.3 УК РФ) являются закрепленными в качестве самостоятельного основания уголовной ответственности приготовительными действиями к совершению диверсии (ст. 281 УК РФ).

Во-вторых, согласно определению финансирования диверсии субъектом этого преступления является лицо, осуществляющее предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что

они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьей 281 УК РФ, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из этих преступлений.

Сравнение признаков объективной стороны пособничества в совершении преступлений диверсионной направленности и финансирования организации и подготовки диверсии позволяет сделать вывод, что преступление, ответственность за которое предусмотрена статьей 281.1 УК РФ, представляет собой специальный вид пособничества. Следовательно, в рассматриваемом случае имеет место конкуренция общей (соответствующая статье Особенной части УК РФ, предусматривающая ответственность за преступления диверсионной направленности, со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ) и специальной нормы (ст. 281.1 УК РФ).

Поэтому согласно части 3 статьи 17 УК РФ, если лицо содействует совершению преступлений, предусмотренных статьями 281.1 и 281.2 УК РФ, предоставлением или сбором средств либо оказанием финансовых услуг, предназначенных для их финансирования, его действия подлежат квалификации только по статье 281.1 УК РФ. В случаях, когда наряду с финансированием преступлений диверсионной направленности виновное лицо оказывает иное содействие их совершению (помощь советами, указаниями, предоставлением информации, устранением препятствий и т. д.), его действия образуют совокупность преступлений, предусмотренных статьями 281.1 и соответствующей статьей Особенной части УК РФ со ссылкой на часть 5 статьи 33 УК РФ. Иная ситуация обстоит в случае финансирования прохождения лицом обучения, заведомо для обучающегося проводимого в целях осуществления диверсионной деятельности, определение которой законодателем не конкретизировано, а предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования диверсионной деятельности не относится к финансированию диверсии. В этой ситуации действия лица следует квалифицировать по правилам соучастия в совершении преступления, предусмотренного статьей 281.2 УК РФ, то есть со ссылкой на соответствующую часть статьи 33 УК РФ. Например, если денежные средства предоставляются на приобретение билетов лицу для выезда на территорию иностранного государства в целях вступления в диверсионный лагерь для прохождения обучения в целях осуществления диверсионной деятельности на территории Российской Федерации, такие действия следует квалифицировать как пособничество в прохождении обучения в целях осуществления диверсионной деятельности, то есть по статье 281.2 со ссылкой на часть 5 статьи 33 УК РФ. Если такое финансирование осуществляется в рамках организационной деятельности, действия лица следует квалифицировать по статье 281.2 со ссылкой на часть 3 статьи 33 УК РФ.

Когда финансирование преступления диверсионной направленности входит в состав действий лица по организации его совершения, оно подлежит самостоятельной уголовно-правовой оценке. Следовательно, в тех случаях, когда лицо, исполняя роль организатора преступления, предусмотренного статьями 281.1 и 281.2 УК РФ, одновременно осуществляет их финансирование в целях организации совершения диверсии, содеянное следует квалифицировать как совокупность преступлений, предусмотренных соответствующей статьей УК РФ об ответственности за преступление диверсионной направленности со ссылкой на часть 3 статьи 33 УК РФ, по статье 281.1 УК РФ, а также по статье 281 со ссылками на часть 1 статьи 30 и часть 3 статьи 33 УК РФ.

В случае финансирования деятельности диверсионного сообщества и в зависимости от целей его организации, либо для осуществления диверсионной деятельности, либо для подготовки или совершения одного или нескольких преступлений, предусмотренных статьями 281 УК РФ, действия необходимо оценивать следующим образом:

- если лицо не является членом диверсионного сообщества, но осуществляет его финансирование в целях подготовки или совершения диверсии, он подлежит уголовной ответственности только по статье 281.1 УК РФ. При этом если данное лицо дополнительно осуществляет содействие деятельности диверсионного сообщества в иной нематериальной форме, его действия образуют совокупность преступлений, предусмотренных статьями 281.1 и статьями 281.3 УК РФ со ссылкой на часть 5 статьи 33 УК РФ. Если такое лицо совершает финансирование диверсионного сообщества, созданного в целях осуществления диверсионной деятельности, его действия следует квалифицировать только по соответствующей части статьи 281.3 УК РФ со ссылкой на часть 5 статьи 33 УК РФ;

- действия лица, которое является участником диверсионного сообщества, созданного для подготовки или совершения диверсии, принимает участие в его деятельности путем финансирования, подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 281.1 и частью 2 статьи 281.3 УК РФ. Если такое лицо совершает финансирование диверсионного сообщества, созданного в целях осуществления диверсионной деятельности, его действия подлежат квалификации только по части 2 статьи 281.3 УК РФ;

- организатор и (или) руководитель диверсионного сообщества, созданного для подготовки или совершения диверсии, одновременно осуществляющий его финансирование, должен нести ответственность по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 281.1 и частью 1 статьи 281.3 УК РФ. В случае финансирования организатором и (или) руководителем диверсионного сообщества, созданного в целях осуществления диверсионной деятельности, он подлежит уголовной ответственности только по части 1 статьи 281.3 УК РФ.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : введен в действие федер. законом от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Росс. Федерации 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Росс. Федерации 5 июня 1996 г. (с изм., внесенными федер. законом Росс. Федерации от 10 июля 2023 г. № 323-ФЗ). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
2. О защите конкуренции : Федер. закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ // Собр. законодательства Росс. Федерации. 2006. № 31 (Часть I). Ст. 3434.
3. Об основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу : указ Президента Российской Федерации от 11 марта 2019 г. № 97 // Собр. законодательства Росс. Федерации. 2019. № 11. Ст. 1106.
4. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации : утв. указом Президента Росс. Федерации от 2 июля 2022 г. № 400 // Собр. законодательства Росс. Федерации. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.
5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 29 дек. 2022 г. № 586-ФЗ // Собр. законодательства Росс. Федерации. 2023. № 1 (часть I). Ст. 33.
6. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февр. 2012 г. № 1 (с изм., внесенными на основании постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 нояб. 2016 г. № 41) // Росс. газета. 2012. № 35.
7. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс] : URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/253939-8>.

СОВЕТСКАЯ УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА (1964–1982 ГГ.)

А. В. Шаронов

Акционерное общество «Гознак», г. Москва, Россия

artem_sharonov@mail.ru

Аннотация: советская уголовная политика в 1964–1982 гг. в целом характеризуется позитивной динамикой, обусловленной отказом от волюнтаризма в управлении государством и решении острых социальных проблем, подготовкой квалифицированных кадров для правоохранительных органов, укреплением социалистической законности и связей с общественностью, профилактикой преступлений, установление рабочих связей между юридической наукой и практикой.

Ключевые слова: уголовная политика, борьба с преступностью, профилактика преступлений, связь с общественностью.

Abstract: soviet criminal policy in 1964–1982 was generally characterized by positive dynamics due to the rejection of voluntarism in state administration and solving acute social problems, the training of qualified personnel for law enforcement agencies, the strengthening of socialist legality and public relations, crime prevention, the establishment of working links between legal science and practice.

Keywords: criminal policy, crime control, crime prevention, public relations.

Советскую уголовную политику следует изучать и оценивать по периодам. Совершенно очевидно, что богатая и драматическая история советского государства характеризуется многоэтапностью и в определенной степени экспериментальностью. Следовательно, подход к ее анализу должен быть взвешенным и осуществляться с учетом множества объективных и субъективных обстоятельств. Из наименования статьи видно, что в ней внимание сосредоточено на характеристике советской уголовной политике времен брежневского правления.

Л.И. Брежнев стал Генеральным секретарем КПСС — «руководящей и направляющей силы» советского государства в результате октябрьского переворота 1964 г. [1]. На этом посту он сменил Н.С. Хрущева. Смена лидера тщательно готовилась. Однако нельзя утверждать, что это было бунтом номенклатурной бюрократии, авторитет Н.С. Хрущева в народе был крайне низок, за время руководства страной он настроил против себя офицерский корпус Советской Армии (ее резким и плохо продуманным сокращением). Во внешней политике он утратил союзнические отношения с КНР. Поспешные и осуществленные без учета социальных и экономических последствий реформы в экономике и сельском хозяйстве составили ему репутацию волюнтариста и «кукурузника». В уголовной политике он проявил волюнтаризм, придав закону, усиливающему ответственность, обратную силу (известное дело валютчика Яна Рокотова, который в итоге был приговорен судом к смертной казни и расстрелян). По его команде осуществлялись судебные преследования верующих, подавление воинскими подразделениями массовых беспорядков, спровоцированных некомпетентными решениями (события в Новочеркасске). Ощутимый вред принесло упразднение союзного Министерства внутренних дел в 1960 г. его функции были переданы соответствующим министер-

ствам союзных республик (в 1962 г. они были переименованы в министерства охраны общественного порядка (МООП).

Совершенно некомпетентными и наивными были обещания Н.С. Хрущева построить коммунизм к 1980 году, показать по телевидению последнего преступника (как, впрочем, и последнего попа). Разумеется, нельзя отрицать позитивные перемены в социальной политике [2] (которая по афористичному выражению Франца фон Листа является лучшей уголовной политикой), но в целом настроению населения того периода более соответствовало выражение не «оттепель», а «слякоть» [3].

Надо сказать, что Л.И. Брежневу с самого начала пришлось активно включаться в решение вопросов именно уголовной политики. Это во многом было обусловлено резким послевоенным всплеском рождаемости: в результате произошел взрыв подростковой преступности.

Страна была не готова к социализации тинейджеров 1960-х годов. Отсутствовала социальная досуговая инфраструктура, культура позитивного проведения свободного времени. Подростки сбивались в стаи по месту жительства, бесцельно бродили по улицам, пили в подъездах дешевое вино, вели себя агрессивно. Обычным делом стали уличные драки, поножовщина, хулиганские проявления. Государство отреагировала на криминогенную ситуацию изданием Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 июля 1966 г. № 571 «Об усилении борьбы с преступностью», в котором отмечалось, что в стране, обеспечивающей всем гражданам гарантированное право на труд, образование, отдых и социальное обеспечение, не должно быть места для проявления преступных действий. Отмечалось, что Прокуратура СССР, Верховный Суд СССР, прокуратуры, верховные суды и министерства охраны общественного порядка союзных республик недостаточно активно ведут работу по организации борьбы с преступностью, совершенствованию деятельности подведомственных органов, по подготовке и воспитанию кадров, не всегда проявляют высокую требовательность к тем работникам, которые неудовлетворительно выполняют свой служебный долг. Было признано необходимым установить повышенную административную и уголовную ответственность за хулиганские действия, сократить сроки расследования и судебного разбирательства дел о хулиганстве, предоставить органам милиции дополнительные права по пресечению нарушения общественного порядка; . учредить административный (гласный) надзор органов милиции за рецидивистами и другими особо опасными преступниками, освобожденными из мест лишения свободы, для обеспечения контроля за их поведением, предупреждения преступлений с их стороны и оказания необходимого воспитательного воздействия; предусмотреть в законодательном порядке уголовную ответственность за угрозу или насилие в отношении граждан в связи с их действиями по предупреждению и пресечению преступных проявлений и нарушений общественного порядка; из-

дать законодательные акты, регламентирующие порядок направления злостных пьяниц в лечебно-трудовые профилактории.

Во исполнение этого постановления был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР (далее ПВС СССР) от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство». В Указе проводилось различие между мелким и уголовно наказуемым хулиганством. Мелкое хулиганство, то есть нецензурная брань в общественных местах, оскорбительное приставание к гражданам и другие подобные действия, нарушающие общественный порядок и спокойствие граждан, если эти действия по своему характеру не влекут применения мер уголовного наказания, — наказывалось штрафом от десяти до пятидесяти рублей или исправительными работами на срок от одного до двух месяцев с удержанием двадцати процентов заработка, а в случае, если по обстоятельствам дела, с учетом личности нарушителя, применение этих мер будет признано недостаточным, — административным арестом на срок до пятнадцати суток. Умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу, признавались преступлением и наказывалось лишением свободы на срок до одного года, или исправительными работами на тот же срок, или штрафом до двухсот рублей. Выделялось также злостное хулиганство — действия, отличающиеся по своему содержанию исключительным цинизмом или особой дерзостью, либо связанные с сопротивлением представителю власти или представителю общественности, выполняющему обязанности по охране общественного порядка, или иным гражданам, пресекающим хулиганские действия, а равно совершенные лицом, ранее судимым за хулиганство. Оно каралось лишением свободы на срок от одного года до пяти лет. Хулиганские действия, совершенные с применением или попыткой применения огнестрельного оружия либо ножей, кастетов или иного холодного оружия, а равно других предметов, специально приспособленных для нанесения телесных повреждений, наказывались лишением свободы на срок от трех до семи лет.

В структуре преступности на долю хулиганства после принятия данного Указа приходилась четвертая часть регистрируемых преступлений.

Большое внимание было уделено воссозданию и укреплению главного субъекта уголовной политики — МВД СССР. 26 июля 1966 был издан Указ ПВС СССР «Об образовании союзно-республиканского Министерства охраны общественного порядка СССР», в дальнейшем переименованного в МВД СССР [4].

МВД СССР представляло собой самую большую и сложную организацию в системе государственного управления и осуществления уголовной политики. Оно включало в себя не только милицию, но также органы исполнения наказания (Главное управление исправительно-трудовых учреждений, Главное управление лесных исправительно-трудовых учреждений), пожарные части (Главное управление пожарной охраны), вне-

ведомственную охрану (Управление вневедомственной охраны), внутренние войска (Главное управление внутренних войск). Большую роль в оптимизации деятельности МВД СССР сыграл Н.А. Щелоков. В плане уголовной политики самым главным его достижением следует признать создание системы профилактики преступлений и иных правонарушений. К началу 1980-х гг. в стране действовали свыше 50 тыс. общественных пунктов охраны правопорядка, 276 тыс. добровольных народных дружин, которые насчитывали 12,5 млн. дружинников. 150 тыс. советов профилактики правонарушений на предприятиях, существовали тысячи товарищеских судов, уличных и домовых комитетов [5]. Большое внимание уделялось формированию положительного имиджа работников милиции: достаточно вспомнить замечательный сериал «Следствие ведут ЗнаТоКи» (по именам главных его героев), главным консультантом которого был заместитель Министра МВД СССР Б.А. Виктор. В СССР было открыто множество специальных высших учебных заведений, готовящих квалифицированные кадры для органов внутренних дел: Волгоградская, Горьковская, Московская, Омская, Ташкентская школы милиции.

Партийные органы того времени, осуществлявшие контроль за процессами уголовной политики, привлекали к ее организации научные учреждения и юридическую общественность. По их инициативе стали проводиться криминологические исследования, результаты которых внедрялись в практику.

Уголовная политика рассматриваемого периода основывалась на идеологии противостояния капитализму с его вечными язвами нищеты, безработицы, торгашества, рыночной эксплуатации пороков. Поэтому в стране были созданы лечебно-трудовые профилактории (ЛТП), где проходили принудительную социальную реабилитацию злостные пьяницы, и воспитательно-трудовые профилактории (ВТП), в которых приучали к общественно полезному труду тунеядцев, бродяг и попрошайек.

Советская исправительно-трудовая политика в рассматриваемый период характеризуется принятием Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР, а затем исправительно-трудовых кодексов союзных республик, созданием исправительно-трудовых колоний (ИТК) различных режимов (общего, усиленного, строгого и особого), организацией в них отрядной системы работы с осужденными. ИТК выполняли большую народно-хозяйственную работу: все осужденные были обеспечены работой. Труд считался главным средством перевоспитания оступившихся лиц — поэтому колонии и назывались трудовыми. В 1980-х гг. на территории РСФСР было дислоцировано 85 колоний общего режима, 100 — усиленного, 198 — строгого, 24 — особого режимов, 40 колоний — поселений и 13 тюрем. Кроме того, исправительно-трудовая система включала 60 воспитательно-трудовых колоний и 174 следственных изолятора [16]. Высшая мера наказания (расстрел), которая грозила не только лицам, совершившим особо опасные государственные преступления, но

также хищение социалистической собственности в особо крупном размере, приводилась в исполнение в определенных тюрьмах.

В советской судебной политике также произошли изменения. В январе 1965 г. ПВС СССР принял Постановление «О некоторых фактах нарушения социалистической законности в отношении верующих», в соответствии с которым была проведена работа по дополнительному изучению дел и были отменены многие судебные решения [7, с. 375]. Положительным фактом, указывающим на демократизацию деятельности судов, стало создание института народных заседателей [8; 9]. В то же время среди различных видов наказания, назначаемых судами в 1965-1982 гг., основную долю (около 60%) составляло реальное лишение свободы, что позволяет характеризовать практику назначения наказания как репрессивную.

Уголовная политика в рассматриваемый период характеризовалась относительной стабильностью. В настоящее время стабильность часто отождествляют с застоем, с этим вряд ли можно согласиться. Стабильность означает уверенность в будущем, поскольку постоянные перемены в любой области подрывают жизненную перспективу. Однако к началу 1980-х годов стали нарастать процессы разложения управленческой бюрократии, ее медленного но уверенного слияния с отечественным и зарубежным криминалитетом. Это в некоторой степени сказалось и на уголовной политике, в особенности в республиках. Именно это время стало буквально золотым для «цеховиков».

Поводя итог сказанному, следует выделить положительные и отрицательные черты советской уголовной политики.

К положительным характеристикам относятся:

сильная социальная политика, полное отсутствие безработицы, бесплатное здравоохранение и образование, хорошее пенсионное обеспечение, что в принципе подрывало экономические корни преступности;

высокий профессионализм сотрудников правоохранительных и судебных органов, преподавателей высших учебных заведений юридического профиля; многие из которых участвовали в Великой Отечественной Войне и сохранили достойные человеческие качества;

главный упор на профилактику преступлений и иных правонарушений;

активное привлечение трудовых коллективов и граждан к пресечению социальных отклонений;

установление рабочих связей между юридической наукой и практикой;

признание высокой общественной опасности преступлений в сфере экономической деятельности;

активной борьбой с социальными девиациями, включая нецензурную брань в общественных местах;

внедрение демократических основ в систему судебной власти.

К отрицательным чертам советской уголовной политики следует отнести:

кампанейщину, примером которой является борьба с пьянством и алкоголизмом, которая всегда развивалась по модели параболы, выгнутой вверх;

тенденция решать социальные проблемы уголовно-правовыми средствами;

превращение больных людей в преступников, карательная психиатрия;

высокий уровень уголовной репрессии.

Задача современной уголовной политики заключается в том, чтобы использовать положительный советский опыт в рассматриваемом отношении и избегать восприятия опыта негативного.

Литература

1. Александров-Агентов А. Брежнев и Хрущев: Записки помощника четверых генсеков // Новое время. 1993. № 22. С. 36-40
2. Вельможко Н.И. Социальные трансформации в период «хрущевской оттепели» // Вестник Удмуртского университета. 2016. Т. 26. Вып. 24. С. 93-100.
3. Спицин Е.Ю. Хрущевская слякоть. 1953-1964 годы. М.: Концептуал, 2019. — 608 с.
4. Кужахметова С.Н. О некоторых аспектах реформирования МВД СССР в 1960-1980-х гг.// Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XXIX международной научно-практической конференции: в 2-х ч. Часть 2. Пенза: Наука и Просвещение. 2019. С. 39-42
5. Положительные тенденции в развитии ОВД в годы застоя (1964-1985 гг). URL: [http:// helpiks.org/2-42563.htm](http://helpiks.org/2-42563.htm) (дата обращения 21.08.2023).
6. Советская исправительно-трудовая система. 1960-1980 гг. URL: [http:// isfic.info/ispol/exten89.htm](http://isfic.info/ispol/exten89.htm) (дата обращения 21.08.2023).
7. Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М.: Политиздат, 1991. — 398 с.
8. Козлов Ю.Б., Шейнин Х.Б. Народные заседатели — равноправные судьи. М.: Юридическая литература, 1967. — 72 с.
9. Гаврилова А.В. Феномен народного участия в советской модели правосудия и его преемственность на постсоветском пространстве // Journal of Russian Law. 2020. № 9. С. 106-119.

ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ 158¹ УК РФ

М. Ю. Шатохин

Новосибирский юридический институт (филиал) Томского
национального исследовательского государственного университета
преподаватель кафедры уголовного права
info@shatohin.pro

Аннотация: неразрешенные вопросы применения ст. 158.1 УК РФ создают простор для квалификации деяний, с которыми призвана бороться данная норма. Остаются не разрешенными вопросы о квалификации деяния при непоследовательном вступлении в силу решений о назначении административного наказания за первое и повторное хищение и об уголовно-правовой характеристике комбинаторики деяний, входящих в состав преступления, предусмотренного ст. 158.1 УК РФ.

Ключевые слова: мелкое хищение, комбинаторика, наказание, повторность.

Abstract: unresolved issues of the application of Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation give unacceptable scope for the qualification of acts that this norm is designed to combat. Questions remain unresolved about the qualification of the act with the inconsistent entry into force of decisions on the imposition of administrative punishment for the first and repeated theft and about the criminal-legal characteristics of the combinatorics of acts that are part of the crime under Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: petty theft, combinatorics, punishment, repetition.

В 2016 г. законодатель предусмотрен в УК РФ статью 158.1 УК РФ об ответственности за мелкое хищение. Рассмотрим его целеполагание в свете отдельных вопросов применения.

Начать следует с изучения макета уголовного дела [2, с.3], составленного авторами А.С. Есиной и Н.В. Макеевой. В материале, в частности, говорится о том, что лицо, совершившее мелкое хищение по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ не подлежит ответственности по ст. 158.1 УК РФ при условии, что повторное хищение было совершено в период, когда лицо не являлось подвергнутым административному наказанию по первому хищению, то есть решение о назначении административного наказания не вступило в силу.

Действительно, получается определенная коллизия. Два лица, совершившие одни и те же деяния, в результате несут за них различное наказание — одно за преступление, другое за два правонарушения. Если предположить, что лицо совершило мелкое хищение, предусмотренное ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ и в период обжалования решения о назначении наказания совершило еще одно мелкое хищение, то в результате имеется два административных состава по ст. 7.27 КоАП РФ, а если лицо совершило мелкое хищение второй раз при наличии решения о назначении административного наказания, то в результате имеем уже преступление, предусмотренное ст. 158.1 УК РФ.

В том же материале А.С. Есина и Н.В. Макеева указывают, что «при вступлении же постановления об административном правонарушении в законную силу административное производство прекращается и матери-

алы передаются в дознание для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по ст. 158.1 УК РФ» [2, с.6].

Таким образом, лицо, совершившее повторное хищение при не вступившем в законную силу постановлении об административном правонарушении по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ, находится на распутье. С одной стороны, постановление по повторному хищению может вступить в силу раньше, чем обжалуемое постановление по первому хищению по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ и тогда передача двух вступивших в силу постановлений об административном правонарушении под уголовную юрисдикцию будет странно выглядеть. С другой стороны, обжалуемое постановление по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ может вступить в силу раньше, чем постановление по повторному хищению и тогда ст. 158.1 УК РФ имеет место быть.

Сказанное означает, что применительно к составу ст. 158.1 УК РФ, признак общественной опасности, который всегда был индикатором отличия административного правонарушения от преступления отходит на второй план, а квалификация совершенного деяния ставится в зависимость от делопроизводства. На этом основании говорить о жизнеспособности и разумности введения в Уголовный кодекс ст. 158.1 в том виде, в котором она изложена сейчас, не представляется возможным.

Другой вопрос связан с математической формулировкой «от перестановки мест слагаемых сумма не меняется» менее известной как переместительный закон сложения.

Уголовная ответственность за мелкое хищение наступает только в случае совершения хищений в определенной последовательности: первое по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ, второе — либо по ч. 1 либо по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ. Совершение деяния в обратном порядке — сначала по ч. 1 ст. 7.27 КоАП, а потом по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ, преступления не образует. Таким образом, напрашивается вывод, что совершение деяния в обратном порядке не содержит в себе общественной опасности, хотя результат совершенных деяний в сущности идентичен. Возникает вопрос: почему от перестановки мест совершенных деяний меняется их квалификация при идентичности последствий?

Рассуждая на тему комбинаторики деяний, И.А. Тараканов и С.А. Пичугин указывают на то, что в зависимости от очередности совершения мелких хищений по различным частям ст. 7.27 КоАП РФ лица могут понести либо административную, либо уголовную ответственность и приходят к выводу, что «при оценке общественной опасности содеянного законодатель обращается, прежде всего, не к совершенному вновь деянию, а к наличию указанного выше административно-правового рецидива» [5, с. 30].

В научном сообществе существуют различные мнения относительно того, имел ли в виду законодатель ч. 1 ст. 7.27 КоАП РФ в качестве второго правонарушения, либо оба правонарушения по мнению законодате-

ля должны быть совершены на сумму, предусмотренную ч. 2 ст. 7.27 КоАП.

О.В. Ермакова придерживается мнения, что «поскольку диспозиция ст. 158.1 УК РФ не содержит указания на определенный вид административного правонарушения, данную норму необходимо понимать расширительно и объявлять преступным повторное совершение мелкого хищения, предусмотренного как ч. 1, так и ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ» [1, с. 57].

С.А. Сидорова считает, что ответственность за повторное совершение мелкого хищения должны нести в том числе и лица, совершившие оба хищения по ч.1 ст. 7.27 КоАП РФ, так как «именно они представляют настоящее бедствие для крупных торговых сетей» [4, с. 106].

Н.И. Пикуров полагает, что относительно второго хищения «логическое толкование рассматриваемой статьи позволяет сделать вывод, что законодатель и в первом и во втором случае имел в виду все же мелкое хищение, признаки которого определены в ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ» [3, с. 61], несмотря на то, что относительно второго хищения законодатель не установил ограничений по размеру.

На наш взгляд, законодатель под повторным хищением подразумевает любое хищение на сумму до 2500 рублей. В противном случае законодателем уголовно-правовая норма о мелком хищении должна быть конкретизирована таким образом, чтобы она не допускала привлечение к уголовной ответственности лица, совершившего повторное хищение по ч. 1 ст. 7.27 КоАП РФ.

Литература

1. Ермакова, О. В. Вопросы квалификации мелкого хищения (ст. 158.1 УК РФ), связанные с конструкцией состава преступления / О. В. Ермакова // Борьба с преступностью: теория и практика : Тезисы докладов VI Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию образования Могилевского института МВД, Могилев, 02–03 апреля 2018 года / Ответственный редактор Ю.А. Матвейчев. — Могилев: Учреждение образования "Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь", 2018. — С. 57-59.
2. Есина, А. С. Макет уголовного дела о преступлении, предусмотренном статьей 158.1 УК РФ "Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию" : Учебно-практическое пособие / А. С. Есина, Н. В. Макеева. — Москва : Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2019. — 69 с.
3. Пикуров, Н. И. Применение нового уголовного законодательства (ст. 1161, 157 и 1581 УК РФ в редакции Федерального закона от 3 июля 2016 Г.) во взаимосвязи с нормами и институтами других отраслей

- права / Н. И. Пикуров // Уголовное право. — 2016. — № 6. — С. 53-62.
4. Сидорова, С. А. Спорные вопросы толкования и квалификации мелкого хищения (ст. 158.1 УК РФ) / С. А. Сидорова // Уголовному кодексу Российской Федерации 25 лет: история, проблемы, перспективы : сборник материалов международной научно-практической конференции, Рязань, 16 ноября 2021 года. — Рязань: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Концепция", 2022. — С. 105-107.
 5. Тараканов, И. А. Специфика уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 158.1 УК РФ / И. А. Тараканов, С. А. Пичугин // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. — 2017. — № 1(11). — С. 28-31.

О ВОЗМОЖНОСТИ ОГРАНИЧЕНИЯ МЕЖОТРАСЛЕВОГО УСМОТРЕНИЯ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЯ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ И ПРЕСЕЧЕНИИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

И. А. Халиков

Казанский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
профессор кафедры прокурорского надзора за исполнением законов
в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном
судопроизводстве, кандидат юридических наук
iskanderh@mail.ru

Аннотация: в представленной публикации автором отмечено, что наравне с преступлениями в отношении исторического и культурного наследия (ст. 243–243.4 УК РФ), существуют схожие по объективным признакам административные деликты ст. 7.13–7.15.1, 7.33 КоАП РФ. Как правило, различия между ними незначительны. Они выражены в отдельных оценочных терминах, предоставляющих возможность расширительного толкования их содержания. Соответственно сотрудники правоохранительных органов могут вариативно использовать менее репрессивные средства противодействия совершаемым противоправным деяниям, нивелируя необходимость применения норм уголовного закона. Подобное междисциплинарное соотношение деликтов требует отдельного изучения и принятия мер для ограничения усмотрения правоприменителя.

Ключевые слова: историческое и культурное наследие, объекты культурного наследия, памятники истории и культуры, культурные ценности.

Abstract: in the presented publication it is noted that along with crimes against historical and cultural heritage (art. 243-243.4 of the Criminal code of the Russian Federation), there are administrative offenses similar in objective features to art. 7.13–7.15.1, 7.33 of the Administrative Code of the Russian Federation. As a rule, the differences between them are insignificant. They are expressed in separate evaluative terms that provide an opportunity for an extensive interpretation of their content. Accordingly, law enforcement officers can variably use less repressive means of countering illegal acts committed, leveling the need to

apply the norms of criminal law. Such an interdisciplinary relationship of torts requires a separate study and the adoption of measures to limit the discretion of the law enforcement officer.

Keywords: historical and cultural heritage, cultural heritage sites, historical and cultural monuments, cultural values.

При отнесении антиобщественного деяния к числу преступных, должно быть очевидно, что не уголовными средствами противодействия пресечь его распространение невозможно. Они являются неэффективными, либо направлены на защиту иных, не связанных с предметом уголовно-правовой охраны общественных отношений. Приведенное обстоятельство следует признать доминирующим при отграничении преступлений от административных деликтов. Вместе с тем, применительно к преступлениям в отношении исторического и культурного наследия ст. 243–243.4 УК РФ, оно часто игнорируется правоприменителем, необоснованно расширяя его усмотрение при осуществлении межотраслевой дифференциации.

В большей части это связано с тем, что основные (неквалифицированные) составы, отнесенные к преступлениям небольшой тяжести, в части раскрытия содержания противоправного поведения, изложены законодателем на грани преступлений и административно-правовых деликтов. Вариативная возможность применения ст. 7.13–7.15.1, 7.33 КоАП РФ к схожим общественным отношениям создает препятствие для должной квалификации содеянного в отношении исторического и культурного наследия. Это ведет к умалению значения социально-политического содержания права, априори относящего преступления к числу деяний с более высокой степенью общественной опасности и выбору правоприменителем нормы закона с более мягкой ответственностью. Для наглядности отразим соотношение составов преступления со схожими составами административных деликтов в таблице 1, а сравнительный анализ санкций правовых норм в таблице 2.

Таблица 1

Составы преступления и схожие административные деликты

статьи УК РФ	статьи КоАП РФ
ч. 1 ст. 243 Уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, включенных в единый реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, выявленных объектов культурного наследия, природных комплексов, объектов, взятых под охрану государства, или культурных ценностей	ч. 2 ст. 7.13 Нарушение требований законодательства об охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ в отношении отдельных объектов культурного наследия федерального значения; ст. 7.14.1 Уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) наро-

	дов РФ, объектов, составляющих предмет охраны исторического поселения
ст. 243 ¹ Нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, либо выявленных объектов культурного наследия единый	ч. 2 ст. 7.13 Нарушение требований законодательства об охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ в отношении отдельных объектов культурного наследия федерального значения
ч. 1 ст. 243 ² Незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания	ст. 7.15 <i>Проведение археологических полевых работ без разрешения</i>
ч. 1 ст. 243 ³ Уклонение исполнителя земельных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ, осуществляемых на основании разрешения (открытого листа), от обязательной передачи государству обнаруженных при проведении таких работ <i>предметов, имеющих особую культурную ценность, или культурную ценность в крупном размере</i>	ст. 7.33 Уклонение исполнителя земельных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ, осуществляемых на основании разрешения (открытого листа), от обязательной передачи государству культурных ценностей обнаруженных при проведении таких работ; ст. 7.15.1 <i>Незаконный оборот археологических предметов</i>
ч. 1 ст. 243 ⁴ Уничтожение или повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, <i>увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России</i>	ч. 2 ст. 7.13 Нарушение требований законодательства об охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ в отношении отдельных объектов культурного наследия федерального значения ст. 7.14.1 Уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, <i>объектов, составляющих предмет охраны исторического поселения</i>

**Наказание, предусмотренное за совершение преступлений и схожих
административных правонарушений**

санкция статьи УК РФ	санкция статьи КоАП РФ
ч. 1 ст. 243 штраф в размере до трех миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет, либо обязательные работы на срок до четырехсот часов, либо принудительные работы на срок до трех лет, либо лишение свободы на тот же срок	ч. 2 ст. 7.13 административный штраф на граждан в размере от двадцати тысяч до трехсот тысяч рублей; на должностных лиц — от пятидесяти тысяч до пятисот тысяч рублей
ст. 243 ¹ штраф в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо обязательные работы на срок до трехсот шестидесяти часов, либо принудительные работы на срок до двух лет, либо лишение свободы на тот же срок	ч. 2 ст. 7.13 административный штраф на граждан в размере от двадцати тысяч до трехсот тысяч рублей; на должностных лиц — от пятидесяти тысяч до пятисот тысяч рублей
ч. 1 ст. 243 ² штраф в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо исправительные работы на срок до одного года, либо лишение свободы на срок до двух лет.	ч. 2 ст. 7.15 административный штраф на граждан в размере от пятнадцати тысяч до трехсот тысяч рублей с конфискацией предметов, добытых в результате археологических полевых работ, а также инструментов и оборудования, использованных для археологических полевых работ
ч. 1 ст. 243 ³ штраф в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет, либо лишение свободы на срок до трех лет	ст. 7.33 административный штраф на граждан в размере от одной тысячи пятисот до двух тысяч пятисот рублей; ст. 7.15.1 административный штраф на граждан в размере от двух тысяч до пяти тысяч рублей с конфискацией археологических предметов
ч. 1 ст. 243 ⁴ штраф в размере до трех миллионов рублей или в раз-	ч. 2 ст. 7.13 административный штраф на граждан в размере от

мере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет, либо принудительные работы на срок до трех лет, либо лишение свободы на тот же срок	двадцати тысяч до трехсот тысяч рублей; на должностных лиц — от пятидесяти тысяч до пятисот тысяч рублей
---	--

Приведенные в таблице 1 административно-правовые деликты, в части объективных признаков составов административных правонарушений, схожи с объективными признаками не квалифицированных составов преступлений. На стадии выбора нормы закона это может быть расценено сотрудниками правоохранительных органов как возможность легальной экономии уголовной репрессии, тем более, что наказание, за совершенные административные правонарушения, мягче (таблица 2), а значит должно устроить виновного в деструктивном воздействии на элемент наследия. Указанное обстоятельство обосновывает потребность обращения к процессу распределения репрессивной нагрузки между нормами уголовного и административного права.

По справедливому замечанию А.И. Коробеева, «как ничто из ничего не возникает, так и многие преступления, являющиеся крайней формой отклоняющегося поведения, не становятся таковым внезапно, вдруг. Идет постепенный процесс накопления общественной опасности, которая на определенном этапе достигает такой степени, что возникает необходимость в признании противоправного деяния преступлением. Грань между преступным и не преступным настолько тонка, что переход от противоправного к уголовно-наказуемому поведению может быть правильно объяснен и понятен только с позиции общественной опасности как общего свойства всех видов правонарушений» [4, с. 67].

Следует согласиться с мнением А.И. Бойко, который считает, что «поиски наиболее эффективных приемов борьбы с правонарушениями, одновременно входящими в зону ответственности нескольких отраслей права, должно идти по двум взаимосвязанным векторам — четкое обособление, если это возможно, «спорных» деликтов только в одной из конкурирующих отраслей, и (или) использование технологий и информации одной отрасли для реагирования на сходные правонарушения в другой отрасли (административная преюдиция)» [3]. На содержании первого из предложенных А.И. Бойко направлений следует остановиться подробнее. Оно может быть определяющим для межотраслевой дифференциации деяний в отношении исторического и культурного наследия России.

Обратимся к криминализации незаконного поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания. Благодаря этому может быть продемонстрирована неспособность обеспечения должной охраны общественных отношений, методами иных отраслей права. Призывы к либерализации репрессивной нагрузки, на нормы их охраняющие, оправ-

дываемые желанием самостоятельного изучения отечественной истории, следует признать необоснованными, поскольку они существенно ограничивают возможность верификации результатов раскопок и включения их в общедоступный научный оборот. Тем более, что истинное значение найденного археологического предмета могут определить только ученые археологи, для которых проведение раскопок не является самоцелью их научной деятельности, это только один их методов получения информации, проверить которую необходимо посредством изучения иных, не менее ценных, источников.

Оценивая эффективность, соразмерность и убедительность принимаемых государством мер, направленных на пресечение деяний, в отношении элементов археологического наследия, следует обратиться к поэтапности коррекции существующего механизма их охраны. Так, действовавшая до 2013 года редакция ст. 7.15 КоАП РФ предусматривала ответственность за ведение археологических разведок, раскопок без соответствующего официального разрешения (открытого листа), либо с нарушением условий, предусмотренных открытым листом. К ответственности можно было привлечь профессиональных археологов, а также лиц, занятых незаконным поиском археологических предметов, на территории включенного в государственные реестры памятника археологии. Вместе с тем в законе отсутствовала легальная возможность пресечения незаконных археологических раскопок на территории памятников археологии, место нахождения которых не было известно до проведения противоправных по характеру действий. Многочисленные примеры принятия судами Российской Федерации решений о прекращении дел об административных правонарушениях свидетельствуют об этом.

Так, 19 августа 2013 г. Мировой судья судебного участка № 1 Октябрьского района г. Саратова прекратил производство по делу об административном правонарушении в отношении С. в связи с отсутствием события административного правонарушения (ч. 1 ст. 7.15 КоАП РФ). В обоснование принятого решения суд указал, что на месте задержания С. отсутствовал поставленный на государственный учет памятник археологии. На принятие судебного решения не повлияло и то, что в момент задержания у С. при себе находился металлоискатель и фрагменты керамики [1]. Аналогичное по характеру и мотивировке решение было вынесено 8 октября 2013 г. Мировым судьей судебного участка № 69 Володарского района г. Брянска. Суд прекратил дело об административном правонарушении в отношении К., указав, что правоохранительными органами не представлены сведения о производстве задержанным археологических разведок, раскопок на территории памятника археологии [2]. Исследованные в вынесенных судебных решениях события произошли в 2012–2013 гг., то есть до принятия Федерального закона от 23 июля 2013 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в

области археологии» [6], установившего уголовную ответственность за незаконный поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания, а также внесшего коррективы в ст. 7.15 КоАП РФ.

Обоснование допустимых пределов применения диапазона средств противодействия правонарушениям, совершаемым в отношении исторического и культурного наследия, можно найти в Конвенции Совета Европы «О преступлениях, связанных с культурными ценностями» (EST № 221) (Никосия, 19 мая 2017 г.). Документ определил условия применения к охраняемым общественным отношениям средств уголовно-правовой, либо административно-правовой защиты. В пояснительном докладе, в части толкования содержания Конвенции, отмечено, что любое государство — участник международного договора может воздержаться от создания (криминализации) норм национального уголовного права за незаконные раскопки, торговлю археологическими предметами, уничтожение (повреждение) культурных ценностей до тех пор, пока предусмотренные неуголовные меры воздействия будут *эффективными, соразмерными и убедительными* [5]. Осознавая, что в существующих политических реалиях ратификация международного документа Российской Федерацией отложена на неопределенное время, следует все же признать, что его деполитизированные положения, могут быть учтены и приняты во внимание отечественным законодателем. Единственная цель, преследуемая разработчиками Конвенции, — повышение эффективности национального законодательства в части противодействия современным вызовам историческому и культурному наследию.

Зримая недостаточность, неэффективность превентивного потенциала применения административной ответственности за совершение правонарушений в отношении исторического и культурного наследия в приведенных примерах, сделали оправданным поиск более репрессивных средств противодействия исследуемым деяниям. При этом речь не шла и не идет о необходимости исключения возможности применения норм административно-деликтного законодательства за совершение правонарушений в отношении исторического и культурного наследия. Вместе с тем мы считаем, что у норм смежных отраслей права должен быть четко определен предмет правового регулирования, во многом определяемый степенью общественной опасности совершенного деяния.

Оценка эффективности результатов применения указанных уголовно-правовых предписаний, а также влияния, оказываемого на них внешней средой функционирования консолидирующей их системы иерархически более высокого уровня — уголовной политики государства, позволили определить негативные тенденции, требующие принятия мер для обособления деликтов разной отраслевой принадлежности исходя из характера и степени общественной опасности вреда, причиняемого памятникам истории и культуры. Если мы говорим об их повреждении или уничтожении, подобные деяния должны быть только уголовно-наказуемыми, тогда

как административная ответственность должна быть детерминирована действиями (бездействиями), создающими опасность возникновения подобных деструктивных последствий.

Литература

1. Административное дело № 5-286/13 // Архив мирового суда судебного участка № 1 Октябрьского района г. Саратова за 2013 г.
2. Административное дело № 3-128/13 // Архив мирового суда судебного участка № 69 Володарского района г. Брянска за 2013 г.
3. Бойко А.И. Административная преюдиция в уголовном праве: за и против // Юритель-правоведъ. 2004. № 3(10). С. 27–32.
4. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса: монография / А.И. Коробеев. — М.: Юрлитинформ, 2019. 352 с.
5. Explanatory report of the Council of Europe on the interpretation of the content of the European Convention on cultural property crimes <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=0900001680710437> (дата обращения: 15 августа 2023 г.).
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии: Федеральный закон от 23 июля 2013 г. № 245-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

Научное издание

**БОРЬБА С ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ:
ПРАВОВЫЕ, ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ**

сборник материалов международной
научно-практической конференции,
г. Новосибирск, 26 мая 2023 г.
в рамках V Международного юридического форума
«Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития»

Ответственный редактор
кандидат юридических наук, доцент
Верченко Надежда Игоревна

Технический редактор *М. В. Немойкин*

Материалы публикуются в авторской редакции

Подписано в печать 07.09.2023
Формат 60х84 1/16. Бумага типографская.
Усл. печ. л. 9,8. Уч.-изд. л. 10,6.

Отпечатано в НГУЭУ

Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»
630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56